

263.

ЗЛОБА ДНЯ

СБОРНИКЪ

РАЗСКАЗОВЪ, ОЧЕРКОВЪ, СЦЕНОКЪ И КАРТИНОКЪ

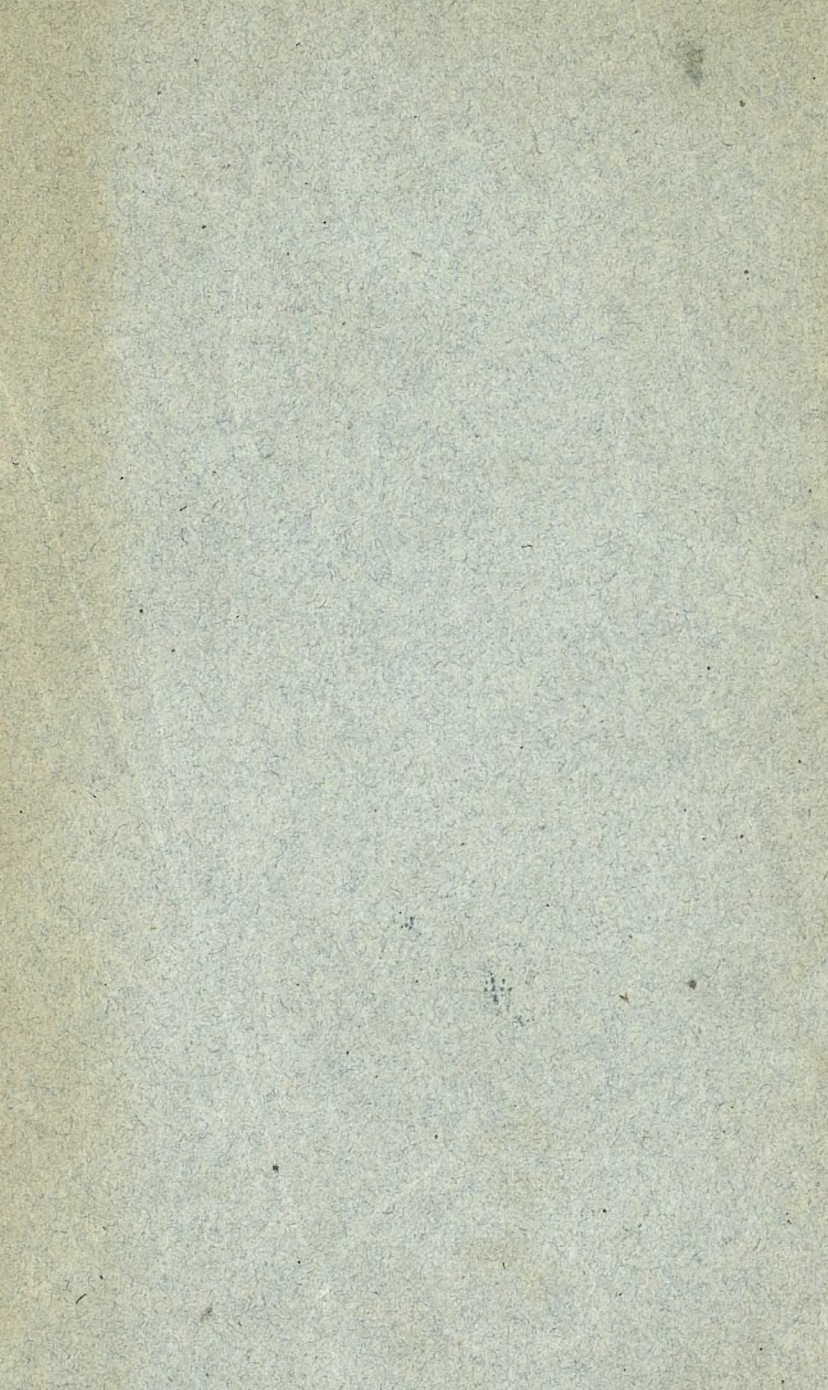
ИЗЪ

ГОРОДСКОЙ И СЕЛЬСКОЙ ЖИЗНИ

А. Пазухина.

МОСКВА. 1883

Типографія А. Гатцука, Никитскій бульв., собств. д.

ЗЛОБА ДНЯ ²⁶³

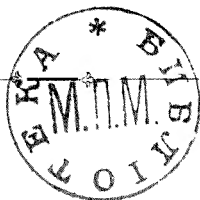
СБОРНИКЪ

РАЗСКАЗОВЪ, ОЧЕРКОВЪ, СЦЕНОКЪ И КАРТИНОКЪ

ИЗЪ

ГОРОДСКОЙ И СЕЛЬСКОЙ ЖИЗНИ

А. Пазухина.

МОСКВА 1883.

Типографія А. Гатцука, Никитскій бульв., собств. д.

Страшная ночь новобрачнаго.

(РАЗСКАЗЪ)

Я страстно любилъ ее, свою милую, дорогую Лизу!.. Долго не рѣшался я дѣлать ей предложенія, ибо она была такъ хороша, такъ обаятельна, такъ, наконецъ, богата, что я, скромный и далеко не богатый учитель, не могъ быть для нея привлекательнымъ женихомъ. Но я узналъ, что она любитъ меня и сдѣлалъ предложеніе. Оно было принято,—и я сталъ обладателемъ моей богини, моей доброй, дорогой красавицы Лизы!..

Свадьба наша была отпразднована скромно,—и только близкіе друзья были свидѣтелями бракосочетанія, совершеннаго въ одной изъ московскихъ церквей. О, какъ хороша была Лиза въ своемъ вѣнчальномъ платьѣ, въ своемъ вуалѣ, ниспадающемъ длинными, воздушными складками до полу и какъ легкимъ облачкомъ охватывающимъ ея изящный, граціозный станъ!.. Она была дивно хороша,—и я глубоко счастливый любовался ею, благословляя судьбу, пославшую мнѣ такое счастье.

Послѣ вѣнца мы пріѣхали въ домъ матери Лизы и, выпивъ по бокалу шампанскаго, напившись затѣмъ чаю въ кругу милыхъ родныхъ и знакомыхъ, простились съ ними и уѣхали на вокзалъ Курской желѣзной дороги, чтобы съ первымъ же поѣздомъ отправиться въ Курскъ, гдѣ было условлено провести первые дни послѣ свадьбы, у тетки Лизы.

Насъ провожали всѣ бывшіе на свадьбѣ; въ вокзалѣ мы еще выпили шампанскаго и, наконецъ, уѣхали въ отдѣльномъ купе перваго класса.

Вотъ раздался третій звонокъ, паровозъ пронзительно свистнулъ, громыхнули цѣпи вагоновъ и поѣздъ тронулся мимо стоявшей на платформѣ публики.

Мы остались вдвоемъ.

— Дорогая моя, ненаглядная! страстно прошепталъ я и обвилъ рукой гибкій станъ моей молодой жены, прильнувъ горячими губами къ ея устамъ. Она зардѣлась румянцемъ; лучезарные глаза ея томно взглянули на меня; губки прошептали ласкающее слово...

Я былъ невыразимо счастливъ въ эту минуту.

Усадивъ потомъ мою милую женку на диванъ, я сѣлъ у ея ногъ, крѣпко сжалъ ея ручки и долго, долго говорилъ ей. Я говорилъ ей о счастіи, о прелестяхъ семейной жизни, и взаимномъ трудѣ; клялся ей вѣчно любить ее.

Лиза слушала меня внимательно, сочувственно пожимала мнѣ руку, часто склонялась головкой и застѣнчиво цѣловала меня, но какая-то затаенная грусть виднѣлась на ее миломъ личикѣ; какой-то душой туманило ея глазки.

— Что съ тобой, дорогая моя! спросилъ я. Ты точно объ чемъ-то грустишь, точно у тебя есть на душѣ тяжелая дума?.. Ты скучаешь объ мамѣ?

— О, нѣтъ, мой милый! отвѣтила Лиза; я очень люблю маму, но съ тобой... Нѣтъ, я не скучаю, дорогой мой.

— Но отчего же ты такъ грустна?

— Не знаю. Мнѣ почему-то дѣйствительно грустно: какая то непрошенная, необъяснимая тоска овладѣваетъ мною... Ужъ не случилось бы съ нами какого нибудь несчастія...

— Полно, милая!.. Это просто тебѣ сгрустнулось о домѣ, о родныхъ,—и это такъ понятно. Успокойся, милая, отгони грустные мысли, будемъ шутить, болтать; будемъ строить планы нашей будущей жизни!..

Я постарался развеселить мою Лизу: рассказалъ ей какой-то веселый анекдотъ, передалъ нѣсколько комичныхъ приключеній изъ моей жизни, а потомъ перешелъ къ моему настоящему, высказалъ свои предположенія, подѣлился планами.

Бесѣда завязалась и мы не замѣчали какъ проходило время, какъ мелькали предъ нами станціи одна за другой.

— Ну, а если я умру,—ты гдѣ похоронишь меня? вдругъ прервала Лиза вопросомъ мою веселую болтовню о какомъ-то предметѣ.

Я похолодѣлъ отъ этого вопроса; мое сердце мучительно сжалось и запыло.

— Лиза! укоризненно сказалъ я. — Не грѣхъ ли тебѣ упоминать о смерти въ такую ночь, въ такую минуту? Тебѣ-ли, сегодня падѣвавшей вѣнецъ, думать о смерти?..

Лиза склонилась ко мнѣ головой; горячая слезинка упала мнѣ на лицо.

— Прости меня, дорогой мой! Этотъ вопросъ невольно сорвался у меня съ языка... Мнѣ... мнѣ почему то думается, что я... умру, скоро умру!

Я, въ порывѣ страстнаго отчаянія, поднялся, схватилъ въ объятія мою Лизу и, покрывъ ея лицо поцѣлуями, невольно зарыдалъ.

— Лиза, дорогая моя Лиза!.. Что съ тобою? Зачѣмъ такія слова? Зачѣмъ такія мысли?.. Мы будемъ жить, будемъ счастливы!

Я хотѣлъ сѣсть на диванъ и посадить Лизу на колѣни, но отъ какого-то толчка пошатнулся и едва удержался на ногахъ. Вотъ еще толчекъ, болѣе сильный.

Вотъ какой-то трескъ... Среди глухой ночи пронесся чей то страшный, раздирающій душу вопль... Подъ нашими ногами полъ вагона заколебался, огонь въ фонаряхъ мгновенно потухъ,—и мы стали опускаться въ какую-то бездну...

Вотъ опять гдѣ то раздался вопль, еще сильнѣйшій, еще болѣе страшный...

По крышѣ вагона зарокотала глыбами падающая земля.

Въ вагонѣ стало темно, какъ въ гробѣ, и душно, какъ въ могилѣ.

Это пришла смерть.

Что случилось—я не зналъ, но я уже чувствовалъ дыханіе смерти.

Ошупавъ руками кругомъ себя, я узналъ, что вагонъ лежитъ бокомъ, ибо стѣнки его приходились подо мною. Вотъ моя Лиза. Она жива, тѣло ея тепло, грудь тяжело дышетъ.

— Лиза, Лиза! позвать я, но моя подруга молчала.

Я поднялъ ея голову и покрылъ ея поцѣлуями.

— Лиза, жизнь моя!.. Что съ нами? Гдѣ мы? Отзовись, моя радость! шепталъ я.

— Мнѣ душно! Страшно душно! едва проговорила Лиза,— и я почувствовалъ, какъ забилося ея сердце подъ моей рукой. Поднявшись на ноги, я съ нечеловѣческой силой уперся руками и грудью въ стѣну вагона. Я чувствовалъ, какъ подались доски, онѣ затрещали подъ моими руками, но не шли дальше, ихъ держала земля.

— Мы похоронены!.. Мы живые въ землѣ! крикнулъ я, что было силы, но голосъ мой едва—едва былъ слышенъ. •

Въ могилѣ звуковъ не слышно.

Я опять склонился надъ Лизой. Она уже дышала тише, тѣло ея начало холодѣть.

— Лиза, Лиза! За что же это страшное несчастье?!. Вѣдь мы похоронены живыми! Мы въ могилѣ, моя Лиза!

Моя подруга молчала.

Я упалъ головой на ея грудь и зарыдалъ, зарыдалъ безъ слезъ.

Повѣяло холодомъ могилы; я чувствовалъ какъ спиралось мое дыханіе, какъ давило мнѣ грудь; легкія мои готовы были разорваться.

А воздуху становилось все менѣе и менѣе. Холодъ земли началъ леденить кровь.

— Воздуху!.. Воздуху! прошептала Лиза и метнулась.

Я опять наклонился надъ нею. Она была совершенно холодна. Жизнь оставляла ее.

— Тутъ... надъ нами окна... Разбей ихъ... Воздухъ... прошептала она.

Я вскочилъ и, вытянувъ руки, нащупалъ надъ собою стекла оконъ. Вотъ онѣ разбиты, я чувствую это по своимъ изрѣзаннымъ, рукамъ, по горячимъ струйкамъ крови, которые потекли у меня по ладонямъ, изрѣзаннымъ стеклами.

Да, стекла разбиты, но ни одной струи воздуха не проникло въ нихъ. Въмѣсто воздуха въ окно начало проникать нѣчто страшное. Жидкая, холодная грязь полилась въ разбитыя окна.

Все кончено. Смерть подходитъ быстрыми шагами.

Прощай, все прощай!...

Ноги мои подкосились, силы оставили меня,—и я упалъ на похолодѣвшее уже тѣло моей Лизы.

Струи жидкой грязи хлынули съ болѣйшей силой... Вотъ она, эта странная грязь, начала давить грудь, коснулось лица...

Я въ порывѣ предсмертной тоски, страшнаго отчаянія крикнулъ и... проснулся.

Лучи яркаго лѣтняго солнца свѣтили въ окно вагона; поѣздъ быстро мчался мимо мелькающихъ деревьевъ, лѣсовъ, полей, покрытыхъ скирдами только что сжатаго хлѣба.

Моя милая молодая жена крѣпко спала; на розовомъ личикѣ ея играла радостная улыбка.

Я глубоко, глубоко вздохнулъ и поблагодарилъ Бога, что это былъ только страшный, тяжелый сонъ, навѣянный воспоминаніями о недавней катастрофѣ на этой самой дорогѣ.

Раздался свистокъ. Поѣздъ подходилъ къ Курску,—и я страстнымъ поцѣлуемъ разбудилъ мою милую женку.

А я, слышавшій приведенный разсказъ отъ пріятеля, отъ души желаю читателямъ не испытывать ничего подобнаго,—и ставлю точку.

На что пригодны тещи

(ПРАВДИВАЯ ИСТОРИЯ).

Редакція убогаго журнальчика.

За письменнымъ столомъ сидитъ пасмурный редакторъ и безпощадно грызетъ карандашъ, что-то обдумывая. У конторки стоитъ секретарь редакціи, прочитывая письма и перекидываясь съ сидящими на диванѣ двумя сотрудниками отрывочными фразами.

— Фу ты, чертъ! восклицаетъ редакторъ, бросая карандашъ,—сйжу, сйжу, не единой мысли не лѣзетъ въ голову; а во чтобы то ни стало нужно написать фельетонъ къ этому номеру; сейчасъ изъ типографіи за оригиналомъ придуть!...

— А Солянскій-то что-же не доставилъ, Петръ Иванычъ? спрашиваетъ одинъ изъ сотрудниковъ.

Редакторъ злобно кусаетъ ногти.

— Чертъ-бы его взялъ, разбойника, корыстолюбца проклятаго!... Посылаю вчера къ нему за фельетономъ, а онъ пишетъ вмѣсто дего письмо дерзкое, денегъ просить... Я ему толкомъ говорю, что на той недѣлѣ уплачу; такъ нѣтъ—сейчасъ давай!... Неблагодарные!...

— Вѣдь нужны деньги-то, Петръ Иванычъ, замѣчаетъ другой сотрудникъ.

— А мнѣ не нужны? Мнѣ не нужны? оборачивается къ нему редакторъ.— Мнѣ еще нужнѣй; да я терплю-сь, жду!.. Ко мнѣ и сотрудники идутъ, и наборщики идутъ, и за бумагу денегъ просятъ, и чертъ и дьяволъ денегъ просить!..

— Вотъ и я хотѣлъ попросить рубликовъ хоть десять; очень бы нужно, не смѣло заявляетъ одинъ изъ сотрудниковъ.

Редакторъ наклоняется къ столу.

— Ссудите что ли, Петръ Ивановичъ?

— Нѣтъ у меня-сь.

— Да вѣдь нужно... Хотъ пять рублей отдайте.

— Нѣтъ у меня-сь.

— Когда же будутъ-то, Петръ Ивановичъ?

Редакторъ хранитъ гробовое молчаніе.

— Вчера Петровъ приходилъ, просилъ за повѣсть гонораръ; говорить, что жаловаться будетъ, печально сообщаетъ секретарь.

— Сколько ему нужно, подлецу? спрашиваетъ редакторъ.

— Сорокъ рублей.

— Ахъ, чертъ его возми!.. Предложите ему изданіями нашими...

— Предлагалъ не беретъ; куда говорить, мнѣ ихъ; мнѣ, говорить, вѣсть нечего...

— Гмъ... Я ему пожалуй дамъ записку въ трактиръ Спасо-во, тамъ у меня кредитъ... Возьметъ?

— Напишите, я предложу.

— Уговорите его, разбойника... Александръ Михайловичъ, напишите, родной, фельетончикъ, выручите изъ бѣды! обращается редакторъ къ сотруднику, просившему денегъ.

— Господь съ вами, какой я фельетонистъ!.. Я во всю жизнь, кромѣ вырѣзокъ изъ газетъ, ничѣмъ не занимался...

— Попробуйте, голубчикъ, авось напишете... Я вамъ по шести копѣекъ со строки заплачу...

— Да не могу-съ, помилуйте!

— Да вѣдь просто! Вотъ, молъ, и лѣто началось, а погоды нѣтъ и не было; дачники, молъ, скучаютъ, и въ этомъ родѣ чтонибудь...

— Нѣтъ, не могу, Петръ Ивановичъ.

— Ахъ, чертъ вочьми!.. Что же миѣ дѣлать-то, а?

— Объявить, что по неявившимся отъ редакціи обстоятельствамъ фельетонъ напечатанъ быть не могъ, посоветовалъ секретарь.

— А мѣсто то чѣмъ мы наполнимъ? Мѣсто то чѣмъ наполнимъ?

— Ида, и это правда... перепечатать чтонибудь нужно; не можемъ же не познакомить публику съ превосходной статьей, да цѣликомъ ее и хватить...

— Да, такъ и нужно. Поищите-ка, Василій Васильевичъ, чегонибудь да вырѣжьте. Съ будущаго номера научный отдѣлъ открою и буду въ немъ печатать приготовленіе кушаньевъ по новому способу; и дешево и сердито...

Редакторъ хотѣлъ еще что-то сказать, но дверь въ редакцію отворилась, и вошла дама, полная, среднихъ лѣтъ и очень внушительнаго вида.

— Здѣсь редакція «Усидчивой Мухи?» спросила она.

— Здѣсь, сударыня... Вамъ угодно подписаться на журналъ? любезно спросилъ редакторъ.

— Нѣтъ. Гдѣ я могу видѣть редактора?

— Къ вашимъ услугамъ, я самый-съ. Чѣмъ могу быть по-

лезень? Не статью ли вы принесли? Для фельетона нѣтъ ли чего?

— Какой тамъ фельетонъ!.. Я пришла получить по счету Аркашина; онъ у васъ очерки писалъ, и ему слѣдуетъ тридцать пять рублей... Вотъ его счетъ и довѣренность; позвольте получить, я его теща...

Редакторъ присѣлъ и какъ-то съежился; секретарь спокойно сталъ теревить бороду.

— Да, да, хорошо, хорошо... Господинъ Аркашинъ? Да, да.... Гм.... Вы его теща? А-а!... Онъ теперь въ Казани?... Хорошо, хорошо.... обратился редакторъ къ секретарю,—объясните съ тещей господина Аркашина, а я...

— Нѣтъ ужъ вы сами, Петръ Ивановичъ, мнѣ некогда-съ.... Я тово-съ....

Секретарь проворно исчезъ.

— Вы тово, денегъ? заговорилъ редакторъ, тоскливымъ взглядомъ проводивъ секретаря.—Да, конечно, деньги знаете.... Вы завтра пожалуйста....

— Нѣтъ ужъ извините, мнѣ завтра некогда, ужъ вы сегодня.... Это знаете, я вамъ скажу, такъ дѣлать не хорошо! Вы моего зятя завтраками-то три мѣсяца кормили!... Позвольте деньги, иначе я не уйду отсюда.

Теща сѣла на диванъ.

— Да я, знаете....

— Ничего я не знаю и знать не хочу, а хочу только деньги получить!... Вѣдь это гадко, милостивый государь, низко! Вы заставляете работать и не платите! Деньги позвольте мнѣ, сію-же минуту деньги, или я....

— Сударыня....

— Я ничего не знаю, ничего не слышу я слышать не хочу,—позвольтѣ мнѣ деньги!

— Да я васъ прошу завтра....

— Сегодня давайте! крикнула теща. Я не вѣрю въ это «завтра», знаю я его.... У васъ есть деньги па все, нѣтъ только па уплату долговъ! Мой зять живетъ въ Казани безъ гроша, у него пятеро дѣтей, жена; а вы тутъ и знать ниче-

го не хотите!... Позвольте мнѣ сію-же минуту деньги, милостивый государь! Сію-же минуту! Я знать ничего не хочу, деньги мнѣ!

— Вы однако тово, вы не кричите....

— Что-о-о? поднялась теща съ мѣста.—Что вы сказали? Что-о такое?

Редакторъ попятился.

— Не кричать? Вы приказывали мнѣ не кричать? Мнѣ, несчастной матери сидящей голодомъ дочери? Мнѣ не кричать?... Ахъ, вы, мерзкій человѣкъ!... Я буду кричать на улицѣ, на площадяхъ!... Я къ губернатору пойду, къ начальнику главнаго управленія пойду, къ министру пойду!... Деньги мнѣ, варваръ, кровопійца, вампиръ, извергъ!...

— Да, я....

— Слышать ничего не хочу!

— Вѣдь я....

— Деньги мнѣ!... Какъ вы смѣли сказать мнѣ, чтобъ я не кричала? Какъ только вы смѣли?...

— Сударыня, выслушайте меня....

— Не хочу, ничего не хочу!... Вы эксплуататоръ, плантаторъ!...

— Позвольте счетъ, я уплачу вамъ!.... Господи, вотъ бѣда-то!...

— А, бѣда! А не бѣда безъ гроша сидѣть? не бѣда даромъ работать?... Ну, давайте деньги!...

— Вотъ, извольте..., Это.... это деньги, приготовленные въ типографію; безъ нихъ не выпустятъ номеръ.... Вы погубили меня, сударыня!...

— А вы испортили мнѣ кровь и на цѣлую недѣлю потрясли мои нервы!... Я слабая женщина, съ слабымъ здоровьемъ, милостивый государь!...

Теща взяла деньги, расписалась въ полученіи и гордо вышла изъ редакціи, не удостоивъ поклономъ пришибленнаго Петра Ивановича.

— Вотъ онѣ, тещи-то! вздохнулъ идинъ изъ сотрудниковъ.

— Всѣ ихъ ругаютъ, а вотъ подь часъ какую услугу теща-то окажетъ!

— Да, теща, посланная на подобную миссію, исполнить ее! согласился другой сотрудникъ и тоже глубоко вздохнулъ.

Тайна на днѣ Москвы-рѣки.

(РАЗСКАЗЪ).

I.

Только что пришелъ пассажирскій поѣздъ изъ Ярославля.

Въ числѣ довольно многочисленныхъ пассажировъ, вышедшихъ изъ вагоновъ на платформу, была молодая дѣвушка замѣчательно хорошенькая собою. Одѣтая скромно, но съ большимъ вкусомъ, граціозная, изящная, она обращала на себя всеобщее вниманіе, тѣмъ болѣе, что прекрасное лицо ея носило на себѣ отпечатокъ какой-то тяжелой грусти, а на дивныхъ темно-карихъ глазахъ поминутно показывались слезы, тщетно сдерживаемыя. Дѣвушка плакала и во время всей дороги.

На предложенія посыльныхъ отъ различныхъ гостинницъ, выхваляющихъ на перебой свои номера и прочія удобства, дѣвушка не отвѣчала, а прямо подошла къ извозчикамъ и стала нанимать одного изъ нихъ за Петровско-Разумовское, въ Разумовскіе выселки. Сторговавшись, она стала садиться въ пролетку.

— Багажа съ вами, сударыня, нѣтъ? спросилъ извозникъ.

— Нѣтъ; поѣзжай, только, пожалуйста поскорѣй, я тебѣ прибавлю на чай, если скоро поѣдешь...

Извозникъ подобралъ возжи.

— Стой, стой, извозникъ! раздался сзади чей-то голосъ, и къ пролеткѣ подошелъ молодой человѣкъ, тоже только что пріѣхавшій.

— Гдѣ вы остановитесь, Марья Григорьевна? спросилъ онъ дѣвушку, болѣе чѣмъ съ участіемъ, вглядываясь въ ея прекрасные полные грусти глаза.

— Я... Не знаю... Я мало знакома съ Москвой, отвѣтила дѣвушка.

— У васъ здѣсь, ни родныхъ, ни знакомыхъ? снова спросилъ молодой человѣкъ.

— Да... нѣтъ... Впрочемъ, я ѣду теперь къ одному... къ одной своей знакомой, на дачу въ Петровско-Разумовское... прощайте, Калининъ, я тороплюсь...

— Мы увидимся въ Москвѣ, Марья Григорьевна?

— Можетъ-быть, не знаю... Прощайте! Поѣзжай, извозникъ!

Дѣвушка пожала руку молодого человѣка, и пролетка быстро покатила по Домниковской улицѣ.

Къ оставшемуся молодому человѣку подошелъ какой-то баринъ.

— Это ваша знакомая? спросилъ онъ.

— Да, а что?

— Очень странная особа!.. Я ѣхалъ съ нею въ одномъ вагонѣ отъ самаго Ярославля, и положительно всю дорогу она плакала! Это заинтересовало всѣхъ пассажировъ... У ней какое-нибудь горе?

Молодой человѣкъ пожалъ плечами.

— Вѣроятно, но я тоже ничего не знаю... Она живетъ въ Ярославлѣ недавно; пріѣхала она туда съ какимъ-то господиномъ,—только не съ мужемъ, потому что она записана дѣвицей Марьей Григорьевной Шириной,—родила тамъ, и скоро баринъ этотъ куда-то уѣхалъ, а она съ ребенкомъ жила одна, пробавляясь грошевыми уроками... Ухаживало за ней множество всевозможныхъ франтовъ, но она была болѣе, чѣмъ недоступна, и ее оставили въ покоѣ... Она умная очень дѣвушка, я давалъ съ нею уроки въ одномъ домѣ и познакомился тамъ. Вѣроятно, какая-нибудь тайна...

— Да, что-нибудь есть такое... Всего вѣроятноѣе, что она обманута и покинута какимъ-нибудь негодяемъ... А прехорошенькая!

— Да, красавица.

Разговаривающіе раскланялись и разошлись въ разные стороны.

II.

Въ небольшой комнаткѣ дачнаго домика за Петровско-Разумовскимъ, утромъ отличнаго іюньскаго дня, сидѣли два молодыхъ человека и пили чай, прибавляя въ него достаточное количество рому.

Одинъ изъ молодыхъ людей, хозяинъ комнаты, былъ очень красивый брюнетъ, лѣтъ 25-ти; выразительные черные глаза его смотрѣли изъ-подъ рѣзко очерченныхъ бровей твердымъ холоднымъ блескомъ, напоминающимъ блескъ стали; глаза эти могли нравиться только тогда, когда имъ искусственно придавалось доброе, ласковое выражение, обыкновенно-же они производили непріятное, отталкивающее впечатлѣніе; но впрочемъ, при правильномъ овалѣ лица, при густыхъ волнистыхъ и черныхъ волосахъ, при красивомъ ростѣ—молодой человекъ могъ очень нравиться и съ этими холодными, жесткими, но все-же красивыми глазами.

Собесѣдникъ брюнета былъ невзрачный, маленькаго роста, тощій блондинъ, добродушнаго вида, одѣтый въ блузу изъ небѣленаго полотна и такіе-же панталоны, заправленные въ простые сапоги до колѣнъ. На брюнетѣ была тоже надѣта блуза, но изъ тонкой дорогой матеріи и изящно сшитая; на ногахъ были красивые лакированные башмаки.

— Вотъ наслажденіе, Иванъ Николаевичъ, такъ наслажденіе! говорилъ блондинъ, съ удовольствіемъ потягивая дешевую сигару и попивая чай.—Чай съ ромомъ, сигара, воздухъ упоительный—шикъ!

— Ну, это еще не великъ шикъ, мой милѣйшій! улыбнулся брюнетъ. Вотъ какъ женимся мы, да получимъ чистоганомъ двадцать тысячъ рубликовъ—тогда поживемъ! Тогда я угощу тебя сигарочкой не такой, а настоящей гаваной...

— Неужели ты двадцать тысячъ берешь, Иванъ Николаевичъ? спросилъ блондинъ.

— Чистоганомъ и домикъ на Бронной.

— Счастливецъ! А хорошенькая невѣста?

— Ну, этого сказать нельзя, и не хорошенькая, и не молоденькая... Да что, братъ, до красоты, коли у ней капиталъ здоровый! Въ нашъ вѣкъ деньги—все. А?

На землѣ весь родъ людской
Чтить одинъ кумиръ священный
Тотъ кумиръ—телецъ златой!

пропѣлъ брюнетъ.

Блондинъ задумался.

— Ну, какъ сказать... Есть, братъ, доля счастія и въ бракѣ по любви, по влеченію, да и доля-то большая...

— Э, полно, все это химера, иллюзія!..

— У каждого свой взглядъ, пожалуй плечами блондинъ и усердно занялся чаемъ.

Красивый брюнетъ пріѣхалъ въ Москву въ концѣ зимы и поселился въ меблированныхъ комнатахъ; по паспорту онъ значился неслужащимъ дворяниномъ Иваномъ Николаевичемъ Пальцевымъ. Сосѣди по занимаемой имъ комнатѣ, большею частію, студенты, полюбили новаго квартиранта, какъ чело-вѣка очень не глупаго, веселаго и располагающаго средствами, позволяющими частенько устраивать пирушки и жить весело. Пальцевъ, объяснялъ, что онъ намѣренъ поступить, или въ университетъ, или въ Петровско-Разумовскую академію, но никогда и никто не видалъ его занимающимся; онъ вставалъ довольно поздно и сейчасъ-же послѣ чаю отправлялся по какимъ-то дѣламъ и приходилъ уже вечеромъ, который и посвящался кутежамъ или картежной игрѣ. Послѣ сосѣди узнали, что Пальцевъ занимается коммиссіонерствомъ и зарабатываетъ довольно порядочныя деньги. Въ началѣ лѣта, Иванъ Николаевичъ снялъ небольшую дачку въ Разумовскихъ высадкахъ и поселился тамъ съ однимъ изъ студентовъ, Петромъ Степановичемъ Виноградовымъ, съ которымъ мы и застали его въ началѣ этой главы пьющимъ чай.

Дня за два до этого, Пальцевъ объявилъ Виноградову, что онъ женится на богатой вдовѣ, съ которой познакомился еще въ первые дни своего пріѣзда въ Москву.

Виноградовъ зналъ, что у Ивана Николаевича гдѣ-то въ провинціи есть невѣста, ждущая устройства его дѣлъ и любимая имъ, судя по частой перепискѣ. Въ послѣднее время, переписка эта прекратилась, а большой фотографическій портретъ этой дѣвушки, красавицы, какъ можно было судить по немъ,—исчезъ съ письменнаго стола Ивана Николаевича. Виноградовъ спросилъ Пальцева объ этой дѣвушкѣ.

— Я съ нею разошелся, неохотно отвѣтилъ Пальцевъ.

— Да вѣдь у ней былъ ребенокъ отъ тебя? Онъ-то гдѣ-же?

— Онъ умеръ... Что у тебя за манера, Виноградовъ, производить полицейскіе допросы? раздражительно заговорилъ Пальцевъ.—Если я женюсь на другой, стало быть, я разорвалъ связи съ прежней невѣстой, и ужъ, конечно, устроилъ все, какъ слѣдуетъ... Мнѣ разговоръ этотъ непріятенъ, онъ бередитъ во мнѣ заживающую рану...

Виноградовъ извинился и больше разговоръ объ этомъ не заводилъ и только въ душѣ пожалѣлъ красавицу, покинутую гдѣ-то далеко его непостояннымъ другомъ...

III.

Не кончили еще пріятели своего чая, какъ въ комнату вошелъ человѣкъ Ивана Николаевича и доложилъ, что его ждетъ видѣть какая-то дама.

Пальцевъ поблѣднѣлъ и быстро поднялся со стула.

— Дама?.. Какая дама?.. Скажи, что меня нѣтъ... Я не одѣтъ... Какая дама? заговорилъ онъ, растерянно смотря кругомъ; человѣкъ хотѣлъ было идти, но дверь отворилась, и на порогѣ показалась молодая дама въ черномъ кашемировомъ платьѣ съ небольшимъ сакъ-вояжемъ въ рукахъ.

— Маша! тихо проговорилъ Пальцевъ и сдѣлалъ два шага на встрѣчу вошедшей.

— Да, это я, Иванъ Николаевичъ... Простите, что я вошла, не дождавшись вашего разрѣшенія, грустно заговорила дама и подала Пальцеву руку.—Здравствуйте!

— Здравствуй... здравствуйте... Я очень радъ... Степанъ иди... Самоваръ подогрѣй... Маша... Марья Григорьевна, садитесь... Я такъ... Все это неожиданно...

Пальцевъ растерянно суетился по комнатѣ, то пододвигая стулъ, то переставляя посуду на столѣ.

— Садитесь, будемъ чай пить... Я сію минуту... Виноградовъ, займи... Позвольте представить—Петръ Степановичъ Виноградовъ, студентъ, моя... Марья Григорьевна Ширипа... Я сію минуту... Распоряжусь...

Пальцевъ быстро вышелъ изъ компань. Марья Григорьевна опустила на стулъ и развязала ленты у шляпы.

— Жарко такъ, душно, грустно улыбнулась она въ сторону Виноградова.

— Да, душно... Вы изъ дороги сейчасъ? спросилъ тотъ, пристально смотря на гостью.

— Изъ дороги, да...

Гостья оглянула комнату.

— Вы пріятель Ивана Николаевича? спросила она.

— И сожитель его-съ.

— Да? Онъ, кажется, женится?

— Гмъ... Не знаю... Да, кажется...

— Вы не знаете его невѣсту?

— Нѣтъ-съ, не видалъ... Тутъ у него былъ все портретъ какой-то его невѣсты, да онъ убралъ его... Гляжу я теперь на васъ и какъ будто узнаю, видно, вы и есть оригиналъ того портрета? Только похудѣли вы словно или постарѣли... Да, да, вы и есть...

— Оригиналъ *первой* невѣсты Ивана Николаевича? Да, я была его невѣстой. Марья Григорьевна опустила глаза и задумалась. Виноградовъ какъ-то тоскливо смотрѣлъ на нее и, глубоко вздохнувъ, началъ ходить по комнатѣ.

Вошелъ Пальцевъ.

— Извините, что я оставилъ васъ, заговорилъ онъ, развязно усаживаясь неподалеку отъ гостьи. Растерянности въ немъ не осталось и слѣда: глаза смотрѣли твердо, холодно, на всемъ

лицѣ легла печать самоувѣренности; въ чуть замѣтной улыбкѣ скользили презрѣніе и насмѣшка.

— Вы сейчасъ пріѣхали, Марья Григорьевна? спросилъ онъ.

— Да, сейчасъ, Иванъ Николаевичъ...

— Такъ-съ. Захотѣли посмотрѣть выставку?

Гостья подняла на Пальцева свои чудные грустные глаза.

— Да, на выставку, проговорила она, хотѣла еще что-то сказать, но закрыла лицо руками и болѣзненно, истерически зарыдала, вздрагивая всѣмъ тѣломъ.

Пальцевъ скривилъ лицо въ какую-то скверную улыбку и повернулся на стулѣ. Виноградовъ быстро вскочилъ со стула, налилъ стаканъ воды и подбѣжалъ къ Марѣ Григорьевнѣ.

— Успокойтесь... Что съ вами?.. Выпейте воды... Вамъ дурно? растерянно заговорилъ онъ, взявъ за руку рыдающую дѣвушку.

— Благодарю васъ, ничего... Это нервы.. Дѣвушка отпила немного воды и передала стаканъ Виноградову.

— Пальцевъ, заговорила она, успокоившись и вставая со стула страшно блѣдная,—я пріѣхала сюда объяснить съ вами; я была такъ наивна, что думала найти въ васъ раскаяніе, мечтала даже возвратить прежнее, но... взглянувъ на васъ, я увидала...

Виноградовъ взялъ было свою шляпу и хотѣлъ незамѣтно уйти; дѣвушка замѣтила это и остановила его жестомъ.

— Останьтесь, Бога ради: я хочу говорить съ нимъ при васъ, я хочу, что-бъ вы знали, что такое вашъ другъ...

Виноградовъ покорно остановился и, бросивъ шляпу на столъ, присѣлъ на край стоявшей тутъ кровати.

— Взглянувъ на васъ, продолжала дѣвушка, услыхавъ этотъ тонъ, я пришла къ заключенію, что вы гадкій подлецъ и негодяй...

Пальцевъ всталъ со стула.

— Сударыня, съ дрожью въ голосѣ заговорилъ онъ,—я вамъ прощаю, потому что вы женщина... За такія слова бьютъ...

— Да, когда они—клевета, но когда приводятъ доказательства ихъ, тогда...

— Я васъ прошу замолчать, сударыня, возвысилъ голосъ Пальцевъ.—Эти мелодрамы ни къ чему не приведутъ, между нами порваны всѣ отношенія...

— Пальцевъ. обратился къ Ивану Николаевичу Виноградовъ,—ты обязанъ выслушать, хотя-бы для того, что-бы оправдаться, если ты не признаешь обвиненій.

Пальцевъ злобно посмотрѣлъ на пріятели.

— Чего-же тутъ оправдываться? Въ чемъ?... Марья Григорьевна будетъ обвинять меня въ томъ, что я разлюбилъ ее—довольно странное обвиненіе!

— Только въ этомъ? грустно улыбулась дѣвушка.—Только въ этомъ? Нѣтъ, если-бъ вы разлюбили меня, я-бы не пришла-бы къ вамъ, Пальцевъ... Я-бы не пришла... Я-бы стала трудами рукъ своихъ кормить моего ребенка, отецъ котораго вы, и не пришла-бы къ вамъ, говорю я; вы бросили меня безъ средствъ въ чужомъ городѣ, съ вашимъ ребенкомъ и поѣхали сюда искать занятій, потомъ вы написали мнѣ, что до васъ дошли слухи о предосудительномъ моемъ поведеніи, которое и даетъ вамъ право бросить меня... Вы, мало того, что бросили меня, еще оскорбили и для того только, чтобы освободиться отъ меня и жениться... Я ушла для васъ изъ семьи, потеряла уваженіе и любовь того общества, въ которомъ жила, и вы...

Слезы опять стали душить дѣвушку.

— Вы бросили меня изъ корыстныхъ цѣлей... Вы женитесь на деньгахъ!...

Дѣвушка зарыдала.

— Но, что-же вы мнѣ прикажете дѣлать, если и при всемъ этомъ и разлюбилъ васъ? спросилъ Пальцевъ, опять теряя самоувѣренность.

— А вашу невѣсту вы очень любите?

Пальцевъ потупилъ глаза и ничего не отвѣчалъ.

— Суди-же васъ Богъ, Пальцевъ... Вы погубили меня, вы изломали всю мою жпзнъ, чтобы получить приданое съ нелюбимой вами невѣсты, вы и ее губите, женясь на ея деньгахъ..., Я все узнала, мнѣ обо всемъ писали... Прощайте, не забудьте

по крайней мѣрѣ, вашего ребенка, если меня не станетъ... Не бойтесь, я въ судъ не пойду и не буду мѣшать вашимъ планамъ... Прощайте... Прощайте, Виноградовъ...

Дѣвушка подала руку Виноградову, взяла свой сакъ-вояжъ и вышла изъ комнаты. Пальцевъ долгимъ, долгимъ взглядомъ проводилъ ее и потомъ обратился къ Виноградову.

— Непріятная исторія, Петръ Степановичъ! А, какъ думаешь? принужденно улыбаясь, спросилъ онъ.

— Да, исторія подлая въ достаточной степени, проговорилъ тотъ и вышелъ изъ комнаты.

Въ сѣренькій, пасмурный денекъ изъ Москвы-рѣки, около Воробьевыхъ горъ, рыбаки вытащили трупъ молодой утопленницы.

Утопленница была одѣта небогато, но изящно; черты мертвого лица хранили слѣды замѣчательной красоты, и искренне, искренно пожалѣли люди юную утопленницу... Кто она—было неизвѣстно, такъ какъ при трупѣ не было ничего, по чему-бы можно придти къ какимъ-нибудь догадкамъ.

Поискали, поговорили, пожалѣли и схоронили юную красавицу, похоронившую свою тайну на днѣ тихой, безмолвной Москвы-рѣки.

Мученики литературы.

(СЦЕНКИ И ОЧЕРКИ).

I.

ИЩЕТЬ СЮЖЕТА ДЛЯ ДРАМЫ.

Николай Степановичъ Золотовъ только что всталъ съ постели и вышелъ въ столовую, гдѣ его молоденькая хорошепкая женка уже разливала чай.

— Ранняя птичка, ранняя! заговорилъ Николай Степановичъ, подходя къ женѣ и цѣлуя ее въ розовую щечку. Вотъ я при-

вязывать тебя буду къ кровати, чтобъ ты не вставала такъ рано, дрянная!... Проснешься, поцѣловать захочется, а ея ужъ и слѣдъ простылъ!

— Не спать-ли по твоему, до одиннадцати часовъ?... О, лѣн-
тій! Убирайся, не цѣлуй меня, сердита!

Николай Степановичъ поцѣловалъ еще разъ женку и сѣлъ на диванъ.

— Ну, наливай мнѣ чаю, Нюся,—и сдѣлай бутербродъ, да расскажи, что во снѣ видѣла.

Хорошенькая Нюся проворно исполнила просьбу мужа и весело начала рассказывать ему какой-то смѣшной сонъ.

Супруги благодушевствовали.

Вдругъ раздался пронзительный звонокъ, который раскатился по всѣмъ комнатамъ.

— Кого это несетъ спозаранку? вздрогнувъ, сказалъ Николай Степановичъ, ставя недопитой стаканъ. Да и звонить-то какъ! Точно пожаръ въ домѣ...

Черезъ нѣсколько минутъ, въ столовую вошла горничная и доложила, что пришелъ господинъ Курганчиковъ и желаетъ видѣть Николая Степановича.

— Курганчиковъ? Кто это такой Курганчиковъ?... Не знаю! Какой онъ изъ себя?

— Молодой еще-съ господинъ... Чудной такой-съ...

— Чѣмъ-же чудной?

— Да такъ-съ... Волосы точно у попа, глаза такъ и бѣгаютъ... Чудной-съ!

— Гмъ! Проси его въ кабинетъ, да вели мнѣ дать пиджакъ.

Николай Степановичъ перемѣнилъ свой шлафрокъ на пиджакъ и вышелъ въ кабинетъ.

Заложивъ руки въ карманы свѣтло сѣрыхъ съ полосками брюкъ и опустивъ голову на грудь, по кабинету ходилъ какой-то господинъ, лѣтъ двадцати пяти. Это былъ дѣйствительно господинъ *чудной*.

Его длиннѣйшіе, съ рыжеватымъ оттѣнкомъ, волосы въ беспорядкѣ были разбросаны по узкимъ плечамъ; водянистые сѣрые глаза бѣгали съ предмета на предметъ, и онъ постоян-

но теребилъ свою жиденькую бороденку неопредѣленнаго цвѣта. Плохо сшитый и хотя новый, но залачканый сюртукъ, какъ на вѣшалкѣ, болтался на его жидкой фигурѣ; пестрый галстукъ развязался и висѣлъ какой-то тряпкой на измятой груди сорочки. Лишь только Николай Степановичъ вошелъ въ кабинетъ, какъ гость бросился къ нему и затараторилъ, перескакивая съ мѣста на мѣсто.

— Вы... Позвольте отрекомендоваться... Я знаете... Вы извините меня!... Моя фамилія Курганчиковъ, Иванъ Иванъ Курганчиковъ... Вы читали что нибудь мое? Я пишу много, но не печатаю, ничего не печатаю!... Вообразите! Шлю я свою вещь, замѣчательная, знаете вещь!... Да, шлю я ее въ «Отечественныя Записки», и чтоже вы думаете? Что вы думаете?

— Мнѣ-бы...

— Иѣтъ позвольте!... Что, вы думаете, отвѣтила мнѣ редакція?

— Я-бы хотѣлъ знать...

— Она пишетъ мнѣ: ваша поэма—никуда негодная вещь!.. Это *моя-то* поэма!.. Ха, ха, ха!..

— Извините, заговорилъ наконецъ Золотовъ, чему я обязанъ вашимъ посѣщеніемъ, господинъ Курганчиковъ?

— Сейчасъ, сейчасъ я объясню вамъ!.. Насъ никто не подслушаетъ?

— Конечно! А вы развѣ хотите сообщить мнѣ тайну?

— Отчасти... Вы будьте со мной совершенно откровенны, Бога ради, прошу васъ объ этомъ!.. Писатель все равно, что докторъ: тотъ наблюдаетъ тѣло, этотъ—душу... И наконецъ, сюжетъ для писателя, особенно драматурга—все!.. Будьте вполне откровенны!..

Николай Степановичъ, подумалъ что передъ нимъ умалишенный и невольно попятился.

— Что-же вамъ угодно-то отъ меня? Извините, я ничего не понимаю!

Гость подошелъ поближе и взялъ Золотова за пуговицу пиджака.

— Вамъ очень тяжело жить съ вашей женой? Сильно вы страдаете? спросилъ онъ шепотомъ.

Николай Степановичъ широко раскрылъ глаза и опять попятился.

— Вы удивлены?... Вы меня, можетъ-быть, считаете за съумасшедшаго?.. Не бойтесь!.. Меня, знаете, многіе за съумасшедшаго считаютъ, я очень нервный человѣкъ, очень нервный!.. Вы сядьте, успокойтесь... Вотъ сядемте сюда, и я вамъ все объясню... Я взволнованъ немного, но на это есть очень уважительныя причины...

Курганчиковъ насильно почти усадилъ Николая Степановича на диванъ и сѣлъ съ нимъ рядомъ.

— Сюжетъ для писателя, говорю я—*все!* Есть сюжетъ—есть и драма, и поэма, и романъ!.. Вы не стѣсняйтесь, вы все расскажите мнѣ!.. Очень тяжело вамъ? Очень мучить васъ ваша жена? захлебываясь отъ волненія, говорилъ Курганчиковъ, теребя за пуговицу Николая Степановича.

Тотъ, наконецъ, разсердился.

— Да что вамъ угодно? Кто вы такой? Съ чего вы взяли, что мнѣ тяжело съ моею женой? вскрикнулъ онъ, вскакивая съ дивана.

— Не сердитесь, успокойтесь!.. Я вамъ объясню все... Но умоляю васъ: выслушайте меня!

Въ голосъ господина Курганчикова слышалась отчаянная мольба, и Николаю Степановичу стало жаль его.

— Да я не сержусь-съ! Сдѣлайте одолженіе—рассказывайте..

Курганчиковъ опять усадилъ своего хозяина и началъ торопливо говорить;

— Я пишу... нѣтъ, не пишу, а хочу писать драму... Драма должна быть потрясающая ужасная!..

«И всю Москву залью слезами и и
кровью!..»

Да... У меня уже обдуманъ планъ, есть герои, но я не могу найти сюжета... Представьте мое положеніе!.. Я непремѣнно желаю семейную драму, а сюжета нѣтъ!..

Курганчиковъ всталъ и въ волненіи прошелся по комнатѣ.

— Слышу я, что одинъ купецъ приревновалъ свою жену къ брату; вотъ, думаю, сюжетъ!.. Ревность... братъ, отнимаю-

щій жену у брата... О, это великій, Шекспировскій сюжетъ!.. Иду я къ этому купцу...

— Пошли?! воскликнулъ Николай Степановичъ.

— Да...

— Ну, и что-же онъ?

— Онъ изругалъ меня, толкнулъ и кромѣ того облилъ съ ногъ до головы горячими щами!..

— Ха, ха, ха! раскатился Золотовъ.

— Вамъ смѣшно? О, это было ужасно!.. Онъ принялъ меня за шпіона и хотѣлъ отправить въ полицію, но я умолилъ его не дѣлать этого... Вообразите: писателя ведутъ въ полицію, драматурга!.. Ужасно дикій народъ!..

— Ну, такъ и не нашли вы сюжета у купца?

— Нѣтъ... Я ходилъ цѣлый мѣсяцъ и искалъ чего-нибудь подходящаго—нѣтъ!.. Одинъ разъ на бульварѣ я замѣтилъ какого-то господина очень мрачнаго вида... У него на душѣ драма, подумалъ я, и подошелъ... Что-же вы думаете?

Золотовъ, задыхаясь отъ душившаго его смѣха, спросилъ:

— Что?

— Онъ поглядѣлъ на меня, вынулъ изъ кармана копѣйку и подаль мнѣ: сюжета, говоритъ, у меня, любезный нѣтъ, а вотъ тебѣ копѣйка!..

— Ха, ха, ха! закатился опять Николай Степановичъ.

— Да, это смѣшно, но каковъ мнѣ!...

— Про меня-то вы отъ кого-же слышали? Кто вамъ сказалъ, что уменя есть сюжетъ для драмы?

— Я получилъ анонимное письмо, мнѣ пишутъ, что вы, — и адресъ дали, страшно страдаете, что у васъ жена-мегера, которая отравляетъ всю вашу жизнь, что она задушила своего ребенка, чтобы отомстить за что-то вамъ.

— Ха, ха, ха!... Я сейчасъ покажу вамъ мою мегеру..

Николай Степановичъ ушелъ и черезъ пять минутъ явился подъ руку съ женой

— Вотъ, Нюся, господинъ Курганчиковъ, драматическій писатель и поэтъ.. Моя мегера, г. Курганчиковъ! сказалъ Золотовъ, подведя жену къ Курганчикову.

Драматургъ всталъ и раскланялся.

— Эта? спросилъ онъ и грустно покачалъ головой.—Это сюжетъ для идилліи, а не для драмы!

А хорошенькая, розовенькая, бѣленькая Нюся въ своемъ снѣгоподобномъ утреннемъ платьицѣ, весело смѣющаяся, съ недоумѣніемъ посматривала то на мужа, то на драматурга.

— Извините меня . Я понялъ теперь, что это мистификація, глупая шутка . Извините... Господи, а сюжета для драмы все нѣтъ!.. Я готовъ самъ жениться и устроить драму, чтобъ имѣть сюжетъ!..

Курганчиковъ комично развелъ руками.

— Знаете что, г Курганчиковъ? обратился къ нему Золотовъ —Я вамъ дамъ сюжетъ...

— Для драмы?!

— Нѣтъ, для водевиля: всѣ ваши похождения!

— Да!.. Мнѣ остается писать лишь водевили и фарсы!.. До свиданія, простите меня, Бога ради! . До свиданія.

Курганчиковъ поклонился и стремительно вышелъ изъ кабинета Нюся испуганными глазами проводила его

II.

Поиски за рифмой.

Саша Котовъ былъ очень недурненькій юноша, не имѣлъ никакихъ пороковъ, въ родѣ пьянства, картежничества, займа денегъ безъ отдачи и тому подобное, и могъ-бы нравиться, имѣть успѣхи въ обществѣ и на службѣ, но...

Саша былъ поэтъ.

При рожденія на свѣтъ Божій его укусила какая-то муха и отъ этого укушенія онъ сдѣлался поэтомъ.

Онъ писалъ стихи въ самые первые годы своего существованія; писалъ въ школѣ, гдѣ его за это очень больно сѣкли; писалъ наконецъ на службѣ, гдѣ его хотя не сѣкли, потому что это не принято, но гдѣ начальникъ, вообще врагъ всякаго

сочинительства, многократно дѣлалъ Сашѣ выговоры и грозилъ исключеніемъ изъ службы, ибо чисто дѣловая бумага переписываемая Сашей начиналась словами: «согласно предписанія вашего превосходительства отъ 1-го іюля за № 1231», а кончалась звучимъ стихомъ Саши, въ родѣ:

И небесное свѣтило
Нашу землю освѣтило,
И красавица нагая
Вышла славная такая!..

Начальникъ, не понимая всей красоты подобнаго стихотворенія, очень сердился и бранилъ поэта.

— Это тово, это чертъ знаетъ, что такое!.. Ежели вы тово—я принужденъ буду тово!.. Вы какой-то помѣшанный!

Саша почтительно слушалъ выговоръ начальства, но иногда при послѣднемъ словѣ вынималъ кпжку и что-то записывалъ.

— Что вы тамъ записываете? спрашивалъ начальникъ.

— Это я такъ-съ... Слово одно-съ...

— Какое слова?

— Рифму-съ... Давно ищу рифму къ слову повѣшанный, тенерь нашелъ-съ: помѣшанный...

— Тьфу, ты чертъ! сердился пачальникъ и прогонялъ Сашу съ обѣщаніемъ прогнать его безъ всякой жалости и не сдерживалъ обѣщаніе потому только, что у Саши была тетка, съ выразительными черными глазами, крайне симпатичная начальнику.

— А Саша уходилъ и сію же минуту писалъ стихотвореніе, радуясь давно искомой рифмѣ.

Горить предъ домомъ милой Кати
Фонарь повѣшанный;
Смотрю я на него въ тоскѣ,
Какъ будто-бы помѣшанный!..

Сашѣ всего болѣе и не давались рифмы, онъ иногда искалъ рифму по два, по три дня и, находя, радовался несказанно.

Пробовалъ было онъ писать безъ рифмъ, бѣлыми стихами, но одинъ пріятель сказалъ ему, что отъ чтенія его бѣлыхъ стиховъ можетъ сдѣлаться бѣлая горячка и Саша, совершенно согласившись съ пріятелемъ, сталъ писать съ рифмой, неустомимо гоняясь за нею.

Написавъ стихотвореніе на половину, Саша останавливался, не находя какойнибудь рифмы, и начиналъ грызть перо, рвать волосы и наконецъ бѣжалъ искать эту рифму къ пріятелямъ или просто на улицу, прислушиваясь къ разговорамъ проходившихъ.

— Сидоровъ, голубчикъ,—прибѣгалъ онъ къ пріятелю,—не найдешь ли ты мнѣ рифмы къ слову «вѣтръ»?... Написалъ прелесть какое стихотвореніе и не могу подобрать рифмы къ «вѣтръ»!..

— Убирайся ты къ черту съ твоимъ вѣтромъ! сердился пріятель;—я только что пообѣдалъ, уснуть хочу, а онъ тамъ вѣтръ какой то выдумалъ!...

— Да стихотвореніе то очень хорошенькое, я его въ «Отечественныя записки» пошлю, тамъ плата очень хорошая.... Слушай, я прочту...

— Не надо, не надо!.. Бога ради, не надо! махалъ пріятель руками.

— Нѣтъ, ты послушай...

Я стоялъ на вершинѣ скалы,
И глядѣлъ далеко, далеко въ небеса,
Подо мною кипѣли морскіе валы
Видѣлъ я въ небесахъ чудеса!..
По валамъ гулялъ яростный вѣтръ,..

Вотъ на вѣтръ то у меня нѣтъ рифмы!..

— Да поди же ты къ чорту отъ меня! Право, я мировому судѣ пожалуюсь наконецъ! Предусмотрѣно же вѣроятно какойнибудь статьей это преступленіе—морить стихами!..

— Да ты скажи мнѣ рифму на вѣтръ—я уйду, спи съ Богомъ.

— Не знаю я рифмы, уйди, а то я тебя съ лѣстницы выброшу! яростно кричалъ пріятель, вскакивая съ мѣста.

Саша по опыту зналъ, какъ страшно дѣйствуютъ на нѣкоторыхъ его стихи, и уходилъ.

Присаживался Саша къ бесѣдующимъ на бульварныхъ скамьяхъ и вслушивался въ разговоры, ловя рифму къ какому нибудь слову, и часто находилъ, къ великому своему счастью и къ неменѣе великому изумленію разговаривающихъ.

— Славная сегодня погода, Иракліонъ Аристарховичъ, говорить какой нибудь баринъ собесѣднику.

— Да, погода не дурна, Селиверстъ Ивановичъ, долго-ли простоятъ такая...

— Врядъ-ли долго: барометръ...

Саша, чутко прислушиваясь къ разговору, вскакивалъ.

— Какъ-съ?... Какъ вы извоили сказать? Барометръ?... Отлично, отлично!... Очень вамъ благодаренъ!... Я нашель рифму: вѣтрь—барометръ!... Отлично!... Очень вамъ благодаренъ!..

Бесѣдующіе таращили глаза и величайшимъ изумленіемъ смотрѣли на Сашу.

— Я стихотвореніе пишу-съ, пояснялъ Саша, и никакъ не могъ отыскать рифмы къ слову вѣтрь,.. Теперь нашель-съ: барометръ!..

По валамъ гулялъ яростный вѣтрь
Непогоду показывалъ мой барометръ!

Очень вамъ благодаренъ-съ!..

Саша почтительно приподнималъ шляпу и поспѣшно шелъ домой доканчивать стихотвореніе.

Кончилъ поэтическое поприще Саша очень печально.

Переписывая одинъ разъ какую-то очень спѣшную и очень дѣловую бумагу, онъ увлекся поэтическимъ жаромъ и дописавъ бумагу до словъ «приказали»—послѣ чего слѣдовало написать только резолюцію,—задумался, погрызъ кончикъ пера и написалъ:

Сколь ты мнѣ прекрасна, Вѣра!
Сколь любить себя готовъ!
Въ свѣтѣ нѣтъ ужъ такого примѣра,
Какъ привязанъ къ тебѣ твой Котовъ!...

Лишь только успѣлъ Саша кончить послѣднюю строчку, какъ столоначальникъ подошелъ къ столу и спросилъ:

— Готово у васъ, Котовъ?

— Готово-съ кончилъ.

Столоначальникъ поспѣшно взялъ бумагу и пошелъ къ начальнику, который нарочно ждалъ, чтобы подписать ее...

Въ это время тетка Саши съ выразительными глазами уже не принадлежала болѣе его начальнику, и увы, Саша былъ уволенъ отъ службы!

Скитаясь кое гдѣ, перебиваясь изъ-за куска хлѣба бѣдный поэтъ умеръ въ городской больницѣ, и оставивъ послѣ себя множество тетрадей съ стихотвореніями и завѣщаніе смотрителю больницы, написать на могильномъ крестѣ слѣдующее, послѣднее, стихотвореніе:

Подъ сямъ камнемъ погребенъ
Не чиновникъ, не учитель, не купецъ,
А Александръ Котовъ стихотворецъ.

Васильевъ вечеръ.

О Ч Е Р К Ъ .

Погасли послѣдніе лучи заката. Точно прозрачной дымкой окутался небосклонъ; потемнѣло. На небѣ загорѣлась звѣздочка, другая, третья...

Наступилъ *Васильевъ вечеръ*.

Въ домикахъ села Крылацкаго, которое неправильной линіей раскинулось по берегу Москвы-рѣки, зажглись огоньки.

Въ крайней избѣ огоньки эти были ярче и многочисленнѣе: тамъ собралась *бесѣда*. Наняли эту избу на святочные вечера дѣвушки у одинокой бобылки, Дарьи Васильевны, и еще до сумерекъ собрались въ свой временный клубъ. Позднѣ сюда соберутся парни, придутъ ряженые, и начнется веселье, а пока дѣвушки гадаютъ.

На шесткѣ ярко горитъ лучина, и красивая нарядная дѣвушка топить надъ нею въ желѣзной ложкѣ олово. Нѣсколько

другихъ дѣвушекъ окружають ее; другія раскладываютъ на полу кучки овса, приготовляясь кормить пѣтуха, который долженъ рѣшить, кому раннѣ всѣхъ идти замужъ.

Смѣхъ, шутки, оживленіе.

— Да топи скорѣй олово-то, Маша! Подбавь лучины, а то у тебя и огня-то ничего нѣтъ! торопить топившую олово бойкая, краснощекая дѣвушка.

— Успѣешь!... Ишь, тебѣ больно охота мужа-то выгадать!

— Мужа!... Больно мнѣ нужно мужа! Мнѣ и безъ мужа хорошо...

— Вреть, вреть, дѣвоньки! закричала одна изъ приготовляющихъ овесъ.—Ей страхъ, какъ охота за Ваньку Парменовскаго!... На него и гадаютъ!...

— Полно ужъ!... Не тебѣ ли охота-то? Жаль только онъ на тебя не взираетъ...

— Невидалъ твой Ванька!...

— Да ужъ такъ-ли, не такъ-ли, а Сашкѣ косому не уступить!...

— Полно вамъ, дѣвицы, ругаться! Чай мы не для ругани пришли сюда, что вы, дуры! прикрикнула Маша на подругъ.

— Вотъ я такъ и гадать не буду: мнѣ никто не любъ изъ нашихъ парней! замѣтила блондинка, печально сидѣвшая у окна.

— Што такъ? Али въ Москвѣ живши, дружка себѣ тамъ нашла?

— Нѣтъ; я потому и парней не люблю; что охоты у меня замужъ идти нѣтъ...

— Отчего же это, Катя?

— Наглядѣлась на сестрину жизнь, на замужнюю то, больно сладко!...

— Плохо живутъ?

— Ой, какъ плохо, дѣвицы!.. Бьетъ ее мужъ, тиранить, покою не знаетъ, сердешная... Не любитъ онъ ее больно...

— Это ужъ плохо дѣло, Катя!...

— Нѣтъ, вотъ у Корнилова молодые-то живутъ, такъ живутъ!... Смѣхъ на нихъ! захохотала Маша, подбавляя лучины.

— А что?... Мужъ-то Наташи страхъ любить ее.

— Да любить-то, любить, да вишь ты, дѣло какое: ему охота, што бы она все съ нимъ была, все бы онъ ласкалъ ее, да миловалъ, больно ужъ любить онъ ее, кажись, больше свѣта бѣлаго!

— Ну, такъ что-же?

— А съ ними мать Наташина то живетъ, ну, видитъ она, што мужъ дочкинъ ничего дѣлать женѣ не даетъ и обижається; «онъ де все на меня хочеть свалить, жену барыней желаетъ видѣть, а меня въ батрачки», и серчаетъ на него, да и на Наташу; работать ее заставляетъ, а ему это хуже ножа; вотъ у нихъ и идутъ смуты; то цѣлуются, то брань по цѣлымъ днямъ!... Потѣха, на нихъ глядя: бранятся, бранятся, да зачнутъ цѣловаться!...

— Чудно! Наташу похвалить тоже за эфто нельзя: она должна потрафлять мужу за любовь за его, на то онъ и мужъ; плохого мужа, и то нужно уважать, а не то што...

— А мать то Наташи нешто не видитъ, что мужъ ее дочку любить такъ? Другая-бы рада была...

— Кто ее знаетъ?...

— Какъ-то мы, дѣвицы, за мужьями-то жить будемъ? спрашиваетъ полная, неповоротливая дѣвушка.

— Ты плохо, потому што въ тебѣ жиру больно много, лѣнива...

— Олово готово, олово!... На кого загадывать, дѣвки? кричитъ Маша.

— На меня, Маша!... На меня, милая?...

— На меня! На меня?

— На всѣхъ, должно быть!... Ишь вы набросились!... На себя вылью допрежъ всего...

Маша пошентала что-то надъ ложкой и вылила кипящее олово въ чашку со снѣгомъ.

— Что-то выйдетъ тебѣ, Маша! говорили дѣвушки, окружая шипящую чашку.

Маша вынула остывшее олово, принявшее какую-то неопредѣленную форму, и положивъ его на ладонь, подошла къ стѣнѣ.

— Вѣнецъ, Маша, вѣнецъ! закричали дѣвушки, указывая на тѣнь, которую бросило олово на стѣну.

— Выдумаете вы!... И не похоже на вѣнецъ, словно могила съ крестомъ... Умру я, видно, въ этотъ годъ...

— Ха, ха, ха! Съ вѣнца-то на могилу съѣхали! засмѣялась одна изъ дѣвушекъ. И не могила это, и не вѣнецъ, а пукъ прутьевъ какихъ, али копна сѣна...

— Сѣнокосъ хорошъ будетъ у васъ, вотъ что!

— Нѣтъ, дѣвушки, не то! Маша замужъ выйдетъ, и ее мужъ будетъ прутьями бить!... Ха, ха, ха!...

Олово опять положили на ложку и стали топить. Потомъ принесли пѣтуха, пололи снѣгъ, гадали въ карты. Часовъ въ семь въ избу вошли парни.

— Помогай Богъ, дѣвицы! воскликнулъ передовой молодецъ, снимая шапку.

— Въ гаданьи-то Богъ помогай! засмѣялась одна изъ дѣвушекъ. Ужъ Алешка, что ни скажетъ—все сморозить, дуракомъ родился, дуракомъ и помретъ!...

— Молчи, востроглазая!... А на меня чай гадала сама? погоди, возьму замужъ тебя—я те отплачу!

— Бери ужъ Ольгу Захаровну, она тебѣ больно по душѣ, а я и безъ тебя обойдусь!

— Ишь Ольга тебѣ поперегъ горла встала!... Получше тебя, што ни говори!

— А ты бы, Алексѣй Иванычъ, чѣмъ ласы-то точить, на свѣчи намъ далъ, глядя на тебя и другіе-бы дали, а ты побогаче, начини! сказала Маша, лукаво посматривая на красиваго Алеху.

— Это мы, Марья Григорьевна, очинно можемъ-съ!... Получайте, а вотъ и орѣхи на всю компанію!... Ребята, давай дѣвкамъ денегъ на свѣчи!

Парни вынули кошельки и стали класть на столъ мѣдныя монеты

— Ну, теперь есть на что свѣчъ купить, можно и *кадриль* сплясать! .. Васюкъ, вымай гармонью!... Марья Григорьевна, дозвольте съ вами *кадриль* ходить.

— Съ Ольгой ходите...

— Опять Ольга!... Да ее нѣту здѣсь, да коли-бъ и была—я бы съ вами ходилъ, потому Ольга противъ васъ рыломъ не вышла! Васюкѣ, начинай «Чирика»!

Съ вывертами и трелями, размахивая гармоникой заигралъ Васюкѣ «Чирика», и парни, топнувъ каблуками, пустились въ плясъ.

Алексѣй плясалъ съ Машей.

Это былъ ловкій, бойкій парень изъ фабричныхъ; хорошій мастеръ, сынъ зажиточнаго отца, тоже фабричнаго, смѣлый и красивый собою—онъ особенно нравился дѣвушкамъ и пользовался у нихъ громаднымъ успѣхомъ, почему и не дорожилъ ими, мѣняя подругъ чуть-ли не каждую недѣлю.

Красавица Маша пришлась ему особенно по душѣ, и онъ началъ сильно ухаживать за нею, бросивъ только что плененную дѣвушку изъ сосѣдней деревни Мневники—Ольгу.

Машѣ Алексѣй тоже приглянулся и она отдалась ему беззаветно, безъ разсужденій, не думая о томъ, что выйдетъ изъ этого, куда приведетъ ее любовь...

Весело было всѣмъ вообще, но Машѣ съ Алехой—особенно.

— Эхъ, хорошо плясать, да уходить надо! сказалъ Алексѣй, кончая танецъ и бросая выразительный взглядъ на Машу.

— Вотъ-те разъ! куда это? спросили парни.

— Отецъ наказывалъ къ мастеру нонѣ безпремѣнно сходить, дѣло одно есть... Да я еще приду, часокъ этакъ спустя...

— Приходи, Алеша, вырядимся, по бесѣдамъ пойдемъ!

— Безпримѣнно приду... До увиданья, дѣвицы! Не поминайте лихомъ, а добрымъ печѣмъ, я вѣдь вамъ врагъ лютый!

— Чѣмъ-же ты намъ врагъ?

— Хорошъ уродился больно—сохнете по мнѣ!

— Ахъ ты бохвалъ, бохвалъ!...

— Вѣрно говорю!... Вонъ гляди, какъ Варвара Анисимовна высохла по мнѣ, однѣ кости остались! указалъ Алеха на толстѣйшую дѣвку.

— Ха, ха, ха! закатились всѣ. Варвара шлепнула по спинѣ Алексѣя изо всей силы.

— Пудовая рука у дѣвки, плохо мужу будетъ! Такъ до увиданья, компанія, скоро будемъ-съ!

Алексѣй еще разъ бросилъ взглядъ на Машу и вышелъ изъ избы.

— Будемъ снова кадрпль ходить! Али давайте пѣсни пѣть...

— Пѣсни давайте!... Эй, Василиса, запѣвай что нибудь протяжное...

«На правой на рученькѣ
Колечко съ бирюзой,
Въ коротенькой визиточкѣ,
Хорошенькій собой,
Подружки говорили:
«Не женихъ-ли это твой?»...»

затянула Василиса заунывную пѣсню:

Я не думала сегодня угорѣть,
Пришелъ вечеръ, голова стала болѣть!
Всѣ угары зашумѣли въ головѣ,
Самовары закипѣли на столѣ!

Перебилъ парень съ гармоникой и пошелъ трепака.

Въ это время Маша незамѣтно вышла изъ избы.

Круто обрывается берегъ Москвы рѣки за селомъ Крылацкимъ, и надъ самымъ обрывомъ пріютилась полуразрушенная избушка, служившая когда то жилищемъ давно-умершаго бо-быля-рыболова.

У этой-то избушки стоялъ теперь деревенскій донъ Жуанъ—Алеха, и нетерпѣливо постукивалъ каблуками по обледенѣлому снѣгу.

Минуть черезъ двадцать захрустѣлъ снѣгъ подъ чьими-то торопливыми шагами, и къ избушкѣ подошла Маша, въ кое-какъ накинутаю шубкѣ.

— Маша! воскликнулъ Алеха, быстро шагнувъ къ дѣвушкѣ и обнимая ее,—пришла таки, красавица моя... Экая красота-то писаная!...

— Пришла, Алеша, пришла... Страшно мнѣ, боюсь я, а все же пришла... ужъ больно люблю мнѣ, соколикъ!...

— Любовь? А ты-то мнѣ какъ любя, жемчужинка моя... Кажись и во вѣкъ не забыть тебя мнѣ!...

— Не обмани же меня, Алеша!... Обманешь, погубишь и грѣхъ, большой грѣхъ тебѣ будетъ... Дорогой ты мой, неоцѣненный!... Маша порывисто обняла Алеху.

Въ эту минуту изъ избушки выбѣжала какая-то женщина и бросилась къ влюбленнымъ.

— Ольга!!! воскликнулъ Алексѣй, отскакивая отъ Мани.

— Я, соколикъ, я!... Обманулъ таки, погубилъ!... Не мнѣ ли ты клялся, божился на эфтомъ самомъ мѣстѣ... Погубилъ, обманулъ!... съ дрожью въ голосѣ говорила выбѣжавшая дѣвушка, замѣчательно красивая собою брюнетка.

Алексѣй растерянно стоялъ, перебирая бортъ своей нарядной поддѣвки.

— Ахъ ты, разлучница!... Змѣя подколотная! обратилась дѣвушка къ Машѣ. Разлучила, околдовала... Такъ вотъ-же тебѣ отъ меня! Ольга бросилась къ Машѣ и изо-всей силы толкнула ее въ грудь.

— Ай! раздался вопль дѣвушки, и она полетѣла съ обрыва...

Ударилось тѣло объ обледенѣлый уступъ обрыва разъ, другой, третій, и все смолкло...

Алексѣй въ ужасѣ стоялъ надъ обрывомъ, блѣдный; какъ смерть, и смотрѣлъ на Ольгу.

— Что смотришь?... Ха, ха, ха!... Жалко зазнобу-то!... Поди къ ней, поди... Ждетъ тебя, лежитъ на пуховой перины... Ха, ха!... Страшна была красивая Ольга въ эту минуту.

— Ольга, Ольга, что ты сдѣлала?! пробормоталъ Алексѣй.

— Не любо? А мнѣ любо было, когда ты бросилъ-то меня съ ребенкомъ на побои отца, на позоръ людямъ?... И тебѣ-бы туда надо, къ лебедушкѣ твоей бѣлой, да ужъ Богъ съ тобой—живи, веселись, радуйся!... Ха, ха, ха!...

Ольга опять дико расхохоталась и быстро пошла отъ Алексѣя...

Машу нашли убитой. Началось слѣдствіе, но ничего не открыло оно: никто не зналъ отношеній покойной Маши съ Алехой, который вскорѣ послѣ ея смерти ушелъ въ Москву.

А Ольга?

По селу Крылацкому и сосѣднимъ деревнямъ зиму и лѣто бродить помѣшанная дѣвушка, оборванная, грязная, худая и пугаетъ всѣхъ дикими воплями и постоянными «причитаніями» о покойницѣ—это Ольга.

Юбилей городского головы.

(картинки провинціальной жизни).

Савва Николаевичъ Вертлюгинъ, городской голова города Многогрязева, копчалъ третье трехлѣтіе своей службы.

Купечество любило Савву Николаевича, ибо онъ былъ человѣкъ «ходовой», «табунный»; любилъ «общество», не дуракъ былъ выпить и, не смотря на свой санъ, не отказывался и подебоширничать при случаѣ; однимъ словомъ—подходилъ къ нашему козырю въ масть, почему въ средѣ купечества и явилась мысль почтить его, ко дню окончанія третьяго трехлѣтія, празднествомъ.

Первому эта мысль пришла кожевнику, Петру Ермолаевичу Уксузову, человѣку бывалому и до всевозможныхъ праздниковъ «очинно охочему».

— А вѣдь надо, господа, Саввѣ то Николаеву юбилей устроить, предложилъ одинъ разъ Уксузовъ нѣкоторымъ купцамъ.

— Эфто што такое—*юбилей*? спросилъ одинъ.

— Голова съ мозгомъ, юбилея не знаетъ! усмѣхнулся Уксузовъ

— Не знаю и то. А ты, коли знаешь, растолкуй.

— Юбилей... Чудакъ какой—не знаешь!.. Юбилей... Вотъ ты, примѣрно, умеръ...

— Тѣфу!.. Па твою-бы голову!.

— Да я къ примѣру только!.. Ну, не ты, другой кто—все

равно... Вотъ умеръ человѣкъ, проходить тамъ 25 или 50 годовъ, ему и устраиваютъ юбилей...

— Такъ вѣдь Савва-то Миколаевъ не умеръ!

— А ты погоди!.. Юбилей устраиваютъ и живымъ.

— И живымъ?

— Да.

— Такъ што-же такое за юбилей эфто?

— Эхъ, братецъ, не понимаешь!.. Почетъ такой, праздникъ, на манеръ именинъ... Тенерича Савва Миколаевъ третье трехлѣтіе служить, ну, вотъ ежели мы проздравимъ его съ эфтимъ и пиръ, обѣдъ ему устроимъ—это и будетъ юбилей. Понялъ?

— Маленько понялъ...

— Ну, вотъ мы и устроимъ ему юбилей.

— Обѣдъ, то-исъ?

— Обѣдъ и все такое... Подарокъ поднесемъ, рѣчи говорить будемъ...

— Рѣчи-то зачѣмъ?

— Такъ нужно; завсегда на юбилей рѣчи говорятъ...

— Кто же говорить-то будетъ?

— Я рѣчь скажу, еще кто-нибудь... Пригласимъ адвоката энтаго, Мусорова онъ скажетъ...

— Что же—эфто можно... Обѣдъ, гышъ?

— Да, обѣдъ...

— Выпивка, музыка и все такое?

— Непремѣнно!

— Эфто хорошо!

— Такъ подписку пужно устроить... Я отъ себя жертвую пять красныхъ... Иванъ Степанычъ, ты сколько?

— Вали и съ меня такое-же количество!

— Я винъ, сколько потребуется, доставлю...

— Съ меня четвертнаго билета будетъ, потому я нонѣ горѣлъ...

— А ты не жмись, Продъ!.. Горѣлъ! Чай! не прогорѣлъ совсѣмъ-то? Сарай гнилой сгорѣлъ у тебя!

— А въ сараѣ-то товару на десять тысячъ было!

— Было у тебя!.. Подпиши полсотни и ты!

— Пѣтъ, четвертнаго будетъ...

— Экій, прости Господи, чертъ упористый! Вѣдь жрать-то больше всѣхъ будешь.

— Все-же четвертной не сожру!.. Ежели, теперича, въ трахтирѣ -- на три цалковыхъ сытъ и пьянъ будешь...

— Въ трахтирѣ! Такъ вѣдь это не въ трахтирѣ, а юбилей!

— Я и пишу по эфтому самому не три, а двадцать пять...

— Ну, чертъ съ нимъ—бери!

— Погоди-же ты, упористый лѣшій, сердито заговорилъ Уксусовъ, — въ газетахъ будетъ пропечатано объ юбилеѣ эфтомъ и сумма подписки выставлена будетъ...

— По фамиліямъ?

А то пѣтъ!..

— Ну, бери и съ меня полсотни!..

— Давно-бы такъ-то!..

И такимъ образомъ тутъ-же была собрана довольно порядочная сумма.

На другой день подписку дали прочимъ купцамъ и мѣщанамъ, и дѣло закипѣло. Ко дню юбилея все было готово «за первый сортъ». Подарокъ, рѣчи, стихи—все обдумалъ и приготовилъ Уксусовъ.

Въ день юбилея зала въ городской думѣ представляла видъ очень эффектный. Нарядно сервированный столъ «покоемъ» занималъ почти всю комнату. На передней стѣпѣ красовался портретъ юбиляра, украшенный цвѣтами, зеленью и надписями. У одной изъ стѣнъ было устроено мѣсто для музыкантовъ, которое и заняли пять евреевъ, составляющіе туземный оркестръ.

Съ самаго ранняго утра, Уксусовъ, въ качествѣ распорядителя, суетился въ Думѣ и улаживалъ все, съ помощью мѣстнаго адвоката Мусорова.

— А вѣдь хорошо будетъ, Мусоровъ? сказала Уксусовъ, окинувъ все довольнымъ взглядомъ.

— Оччень недурно!.. Оччишь!.. Полный эффектъ!

— Да ты, кажись, ужъ тово? обернулся Уксусовъ къ адвокату.

— То-есть, что это «тово?»

— Хватилъ?.. Экая ты безтыжая харя, Мусоровъ!.. Какъ же ты рѣчь-то говорить будешь?

— Я?.. Съ фурроромъ произнесу!.. Почтенный юбилляръ!.. Движимые чувствомъ... Отлично скажу!.. А я не *тово*! Ей-Богу, не *тово*!.. Я только попробовалъ вино-потому нельзя же не попробовать, ежели я вродѣ распорядителя!..

— Свинья ты, братецъ мой!

— Кто? Я? Званіе частнаго повѣреннаго имѣю и вдругъ— свинья! Не совмѣстимо одно званіе съ другимъ!.. Я, можно сказать, уполномоченъ...

— Не мели ужъ, суслики!.. Подъ, выпей зельтерской воды, освѣжи башку-то!

— Я лучше коньячку...

А по шеѣ не хочешь? Вѣдь ты за рѣчь-то впередъ четвертной билетъ взялъ, а налимонился теперь-же!

— Рѣчь для меня плевое дѣло! Я рѣчь во всякую данную минуту могу экспромптомъ произнести!.. Господа судьи и господа присяжные засѣдатели...

— Да замолчи-же!.. Выпей, говорятъ тебѣ, зельтерской воды, а то, ей-Богу, прогоню! Ну тебя къ черту и съ рѣчью твоей!..

Адвокатъ отошелъ.

Ровно въ два часа, какъ было сказано въ пригласительныхъ билетахъ, начали съѣзжаться гости. Степенно входили почтенные купцы, истово крестились на икону, кланялись Уксу-сову и ранѣе приходившимъ и усаживались по стѣнкамъ.

Когда собралось уже достаточно гостей, въ залу явился какой-то лохматый господинъ, въ потертомъ фракѣ, и сѣлъ за приготовленный неподалеку отъ портрета юбиляра столикъ. Утирая ротъ рукавомъ фрака и громко икая, господинъ этотъ разложилъ на столикѣ листы бумаги и карандаши.

Купцы начали переглядываться и перешептываться.

— Это, господа, приглашенный мною для составленія отчета и корреспонденціи о нашемъ юбилеѣ, господинъ корреспондентъ

всѣхъ газетъ, Егоръ Генриховичъ Скорпиончевскій... Писать можетъ немного по стенографіи, объяснилъ Уксусовъ купцамъ.

— На кой ты его лѣшій призвалъ? шепотомъ спросилъ одинъ купецъ.

— Корреспонденцію падо будетъ написать...

— Ну, вотъ!.. Опишетъ онъ тебѣ чорта рогатаго!..

— Нелзя-же...

— Хорошо, коли онъ красиво напишетъ, а ежели онъ насквилъ составитъ, всѣ наши штуки выставить—тогда што? Тоже безъ глупостей-то юбилей энтотъ не пройдетъ!..

— Нѣтъ, не опишетъ: онъ господинъ смирный...

— Смирный! Вонъ рожа-то какая сочинительская у него, да и лохматый!.. Жди тутъ добра!..

— Ничего! Это онъ дикость на себя такую напускаетъ, чтобъ ученый видъ имѣть, а парень-то онъ простой...

— Одна фамилія его доказываетъ, што онъ человѣкъ злокачественный! Скорпиончевскій!.. Эка, Господи, кличка!

— Голова пріѣхалъ! крикнулъ официантъ, вбѣгая въ залу.

Пошла суматоха.

— Музыканты, жарь скорѣй «По улицѣ мостовой!» закричалъ кто-то.

— Нѣтъ, не то!.. Маршъ валяйте!..

— Господа, берите подарокъ и идите на встрѣчу! скомандовалъ Уксусовъ.—Мусоровъ, вставай вотъ тутъ, и какъ только я проговорю свои слова—ты валяй рѣчь!

Музыка грянула Персидскій маршъ, и выбранные для поднесенія подарка купцы двинулись на встрѣчу виновника торжества.

Подарокъ состоялъ изъ серебряной вызолоченной стопы въ русскомъ вкусѣ, Овчинниковской работы. На одной сторонѣ стопы стояли цифры года вступленія Вертлюгина на службу и года юбилея, а подъ ними красовалась эмалевая надпись: «для пользы града своего не жалѣю ничего»; на другой сторонѣ было написано: «пей до дна».

Торжественно вошелъ юбиляръ, одѣтый въ мундиръ, при шпигѣ и украшенный медалями.

Куницы съ низкимъ поклономъ подали ему на блюдѣ подарокъ, а Уксусовъ всталъ въ позу и на всю залу произнесъ:

«Прими отъ насъ подарокъ, голова,
«На немъ найдешь любимыя твои слова!..»

— Мусоровъ валай!..

Адвокатъ покачнулся, икнулъ и громко закричалъ: «Досто-
почтенный юбиляръ! Мы собрались сюда выпить... Виновать!..
Почтить твою многолѣтнюю выпивку... То есть, нѣтъ, не то...
А ты, Уксусовъ, не толкай меня, а то, братъ, за оскорбленіе
дѣйствиємъ, при исполненіи обязанности...

Голова поставилъ стопу обратно на подносъ, окинулъ все
собраніе гнѣвнымъ взглядомъ и трясущимся отъ волненія го-
лосомъ заговорилъ:

— Не ожидалъ я отъ васъ, эндакой, къ примѣру говоря,
надсмѣшки и пакости!.. Служилъ я вамъ по силѣ, то-ись, по
своей и вдругъ... Свины вы, свиньи!.. Оно точно — я выпить
не прочь въ компаніи, но штобъ, значить, любимыя мои слова
были «пей до дна»—энто вы врете!.. Напрасно вы написали
ихъ на бакалѣ эфтомъ!.. Нда!.. При самомъ моемъ входѣ по-
дали вы пустой бокалъ—пей, молъ до дна, да еще энтотъ
лѣшій брякнулъ, што это мои любимыя слова!.. Свины вы
всѣ, свиньями и останитесь!..

Юбиляръ повернулся и, подъ звуки того же марша, быстро
вышелъ изъ залы.

Я опускаю занавѣсъ на этомъ мѣстѣ, читатель, и предо-
ставляю вамъ самимъ вообразить картину, послѣдовавшую за
уходомъ почтеннаго юбиляра. Моихъ блѣдныхъ красокъ не
хватитъ на это...

Газету издаютъ!..

(Очерки изъ жизни провинции).

Трактирщики подтянулись, озаботились, взволновались. Тем-
ныхъ дѣлишекъ люди чутко насторожили уши...

Газету въ городѣ издавать задумали! *Не простую газету,*

каковой служили до сегодня «Губернскія Вѣдомости», а *учено-литературную!*.... Старинный трактирщикъ Иванъ Егоровичъ, владѣлецъ лучшей въ городѣ гостинницы—«Венеціи», озабоченно вошелъ раннимъ утромъ въ *дворянское зало* своей гостинницы и оглянулся кругомъ.

— Эфто што это такое? ткнулъ онъ пальцемъ въ жирное пятно на стѣнѣ.—Что эфто такое, спрашиваю я тебя... А?

Половой подошелъ поближе

— Гдѣ-съ? спросилъ онъ хозяина.

— Гдѣ-съ!... Вотъ гдѣ!... Смотри вотъ сюда, возьми гла-за-то въ зубы, иродъ нечесанный!....

— Эфто пятнышко-съ; господинъ Топлениновъ разсердился одинъ разъ, котлетой бросили съ...

— Пятнышко!... Знаешь-ли ты, чертова кукла, што эфто пятно-то со стѣны на мою совѣсть перейти можетъ?... Всю, то ись, фирму мою запакостить!... А?... Жили, мы слава Богу, въ спокоѣ, ничега такого не было, никого мы не боялись и вдругъ... газета!... А? Такъ, молъ, и такъ у Ивана Егорова въ «Венеціи» пятно!... Пропечатають, ну и шабашъ, ну, и погибай!... срамъ тебѣ, канфузъ, пятно, да не такое, вотъ какъ тутъ, а вотъ каксе, во о-отъ!

Иванъ Егорычъ развелъ руками.

— Это точно-съ, канфузно, ежели теперича въ каррикуатурѣ тебя пропишугъ и по всей, можно сказать, Россейской имперіи опозорять... Неудобно весьма-съ! соглѣсился половой.

— Вотъ ты и чувстрый эфто! Блюди хозяина-то свово, радѣй объ емъ, онъ тебя кормитъ... Уничтожить эфто пятно, сей-же моментъ уничтожить! Што-бъ его и духу не было!...

— Слушаю-съ... Вотъ на счетъ духу-то, Иванъ Егорычъ...

— На счетъ какого духу?

— Вообще духу-съ.... По калидорамъ у насъ духъ пехо-рошъ-съ...

— И духъ уничтожить!

— Ужь очинно невозможно-съ: силенъ больне-съ!

— Изогнать!... И духъ въ газету попадетъ... Все попа-

дѣтъ туда!... Ну, уничтожай пятно, а на счетъ духу я съ аптекаремъ посоветуюсь... Эхъ, дѣла, дѣла!... Газету издавать дернулъ чертъ!...

Иванъ Егоровичъ покрутилъ головой, развелъ руками и пошелъ изъ комнаты, а половые принялись за пятно.

Развалистой походкой вошелъ въ дворянское зало туземный обитатель, мушникъ Савва Николаевичъ Волокопытинъ.

— Эй, лоботрясь, дай-ка-сь мнѣ чайку съ молочкомъ да очищенаго графинчикъ приволоки, распорядился онъ, усѣвшись къ столу.

— Сю минуту-сь!... Вотъ только чуточку пятно дотру-сь...

— Да што на васъ напало такое: въ коридорѣ уксусомъ курять, тутъ пятно, которое годовъ пять было, стирають? Левизора, што-ли, какого ждете?

— Вродѣ того-сь! Газету хотять издавать-сь...

— Тоисъ, какъ газету? У насъ въ городѣ?

— Да-сь. Господинъ профессоръ Лученовъ задумали-сь, и скоро выйти должна-сь; потому хозяина и взяло сумлѣніе—не вышло-бы-де какого каламбура, потому ежели газета будетъ, и собственные корресподенты заведутся, такъ опасно-сь: пропечатать могутъ...

— Погоди.... Топсь, у насъ, въ нашемъ городѣ, газета будетъ?

— Такъ точно-сь... На манеръ столичныхъ городовъ-сь... Въ Москвѣ теперича есть газеты разныя съ ну, и у насъ будетъ... Улучшенія всякія дѣлають: мосты поправляютъ, дороги-сь, ну, вотъ и по газетной части задумали нашъ городъ съ столицей сравнить...

— Со столицей?... Г-мъ... И будетъ газета?

— Будетъ-сь, на дняхъ перваго номера ждуть-сь.

— Пропечатывать въ ей все будутъ?

— Рѣшительно-сь! Какъ дебошъ, али что—въ газету!

— Г-мъ! Савва Николаевичъ задумался.

— Принеси ты чаю на двоихъ, да пошли мальчишку за Стакановымъ, Савво, молъ, Миколанчъ зовуть...

— Слушаю-сь.

Половой ушелъ, а Волокопытинъ задумчиво опустилъ голову и молча сидѣлъ до прихода своего сосѣда по лавкѣ—Степана Ивановича Стаканова.

— Я думалъ онъ къ водкѣ меня зоветъ, а онъ за чаемъ утробу грѣетъ! заговорилъ, входя Стакановъ.— Чаю-то у меня и въ лавкѣ много!

Стакановъ былъ немного *того*, въ подвыпитіи.

— А ты садись, все будетъ.... Пить-то вотъ только нонѣ несподручно. не рука словно...

— Ай у тебя великій постъ насталъ?

— Постъ не постъ, а вродѣ, братъ, того, коленкоръ-то выходитъ.

— Што-же такое? Здравье ослабло?

— Газета выходитъ...

— Што?

— Газета выходитъ... «Будильники»-то, да «Развлеченіи» теперь по-боку можно: своя завелась!

— Да што ты говоришь такое? Какая тамъ у тебя газета?

— Слышь ты, въ городѣ у насъ газета выходитъ будетъ...

— Эфто «Губернскія Вѣдомости»-то? Давно знаю, братъ, даже получалъ прошлаго года, да бросилъ нонѣ: очинно сухая матерія, читать нечего...

— Вотъ-те будетъ теперь другая матерія, не сухая!... Новую газету издають, на манеръ столичныхъ, всю подиоготную пропечатывать будутъ, мораль пушать, критику выводить!

— Это здѣсь?

— Да, другъ, здѣсь! Профессоръ какой-то удумалъ... Ужаси какое на всѣхъ уныніе напало!...

— Да съ, совершенно вѣрно, что уныніе, подтвердилъ половой, подавая водку;—вродѣ, какъ бы холера пришла-съ...

Стакановъ задумчиво поковырялъ въ носу.

— А вѣдь плохо, Савва! сказалъ онъ.

— Чаво хуже!... Помнишь, ты прошлаго года дѣвицу керосиномъ облилъ въ пьяномъ видѣ? Вѣдь прошло дѣло-то, затухло... Ну-ка облей ты нонѣ!... Ну-ка, попробуй!... Такъ тебя протащать, што во всю жисть не забудешь!... Да што

керосинъ, Дозволь ты себѣ выпить до остервененія—пропечатаютъ!

— Пропечатаютъ?... Вѣдь плохо, ей-Богу, плохо!

— Опасливо!... Очинно-бы любопытно знать, будутъ-ли домашнія дѣла пропечатывать?

— Тонсь, какія домашнія дѣла?

— А вотъ къ примѣру я супругѣ шиньонъ помну, али тамъ другое што, пропечатаютъ-ли за эфто?

— Безпримѣнно-съ вступился опять половой.— Потому у газеты корреспонденты есть-съ, и они обязаны все знать-съ...

— Все? Гдѣ-же они возьмутъ корреспондентовъ эфтихъ? Изъ обывателей не наберешь, надо полагать, потому у нашихъ нѣтъ сноровки эфтой...

— Изъ столицы выпишутъ, вѣроятно-съ, большія деньги зарабатываютъ-съ...

— Вотъ утка-то подъ соусомъ!

— Да, карамель!...

— Съ одной стороны это и прекрасно-съ, замѣтилъ половой.

Кушцы посмотрѣли на него.

— Эфто газета-то?

— Да-съ. Безобразіевъ много дѣлаютъ-съ, а теперича все-же поопасливѣе будутъ. Народъ у насъ неполированный, вродѣ дикаго-съ... Вотъ теперича къ примѣру нашего брата возьмемъ: вѣдь куда какъ тяжело иной часъ—онъ-те облаетъ, онъ-те въ рыло, онъ-те горчицей, а теперь все не то-съ...

— Радъ? А ежели за эфти рѣчи хозяину на тебя жалобу принести? А? Твое-ли дѣло, съ твоимъ-ли рыломъ объ эфтомъ разговоры-то заводить? Пшелъ на мѣсто!... М-м-м-разъ!...

— Не хвали дѣло, братъ!...

А у буфета стоятъ два подрядчика, одинъ *хамъ*, другой—*бѣлой кости*.

Выпиваютъ.

— Это, я вамъ скажу, одна ерунда и ничего больше! говорить *бѣлая кость*. На что намъ газета? Роскошь одна! Причуда!... А между тѣмъ порядочный чоловѣкъ не можетъ по-

койно спать, ожидая ежеминутно, что его какой-нибудь писака протиснетъ!...

— Ида съ, вообще не нужно-бы эфтого, потому зачѣмъ-же? Жили мы безъ газеты, и ничего-съ, а теперича --забота-съ... Рыло я, примѣрно, рабочему разбилъ—ничего съ, а понѣ могутъ оконфузить за эфго-съ, мораль пустить...

— Да что тутъ толковать!... Рожѣ твоей не правится—въ газету ее, туда ее, анаѣмскую!... Жена у тебя кривобокая—и ее въ газету, сѣди ее, при туда! Потомъ отъ тебя воняетъ и потъ туда!... У меня вотъ привычка пятки по ночамъ чесать, нарочно для этого особую горничную держу—узнаетъ писака—и пятки въ газету! Не чеши, не балуй себя!... Эхъ, гадкое, сверное дѣло задумали?... Челаэкъ, налей мнѣ коньяку...

Подрядчики выпиваютъ и озлобленные уходятъ.

А цумеръ новой газеты ужъ въ наборѣ...

Въ Москву на выставку.

(очерки изъ провинціальной жизни).

Въ квартирѣ Костромскаго помѣщика Луки Васильевича Трещеткина большой безпорядокъ.

По диванамъ и стульямъ разбросаны ворохи платья, бѣлья и различнаго хлама; въ гостиной на полу лежатъ два чемодана, на половину уложенные всякой всячиной; въ залѣ двѣ дочери Луки Васильевича, Капочка и Фросичка, укладываютъ въ громадный картонъ платья, стараясь ихъ не измять; двѣ другія дочери, Елушичка и Прасичка, подъ надзоромъ мамыши, укладываютъ сундукъ. Самъ Лука Васильевичъ, въ полотняномъ пиджакѣ и таковыхъ-же папталонахъ, ходитъ по залѣ и, покуривая трубку, напѣваетъ:

У поповны тѣло жирно,
Съ поволокою глаза,
Съ поволокою глаза,
Подъ гребеночку заколота коса! ..

— Лука Васильичъ, твоя черная пара не уложится, потому рѣшительно мѣста нѣтъ! говорить супруга, колѣнками вдавливая наложенное въ сундукъ платье.

— Ну, вотъ! Для всѣхъ вашихъ тряпокъ есть мѣсто, а мнѣ нѣтъ!... Какъ-же это я въ Москвѣ и безъ черной пары? Уложить, непременно уложить!...

— У поповны тѣло жирно,
Съ поволокою глаза...

— Да если мѣста нѣтъ, чудакъ ты этакій!.. И зачѣмъ тебѣ тамъ черная пара?

— Какъ зачѣмъ?...

Такъ зачѣмъ! Куда ты будешь въ черной парѣ ходить? У тебя есть вишневая пара, пикейная бѣлая, зачѣмъ тебѣ черную-то?

— Все-же... Сановники будутъ разные на выставкѣ..

— Ну, такъ что?

— Могутъ потребовать... Приѣхалъ дворянинъ изъ Костромы, чищъ на себѣ имѣеть, знакъ отличія есть, ну, и могутъ полюбопытствовать: «позвать-де Трещеткина», а у меня и черной пары нѣтъ!... Къ сановнику братъ, въ вишневой не явишься.

— Ври больше! Зачѣмъ ты сановнику-то понадобишься?

— Такъ... Опять-же, женихъ, можетъ навернется для которой-нибудь—какъ же я безъ черной пары?

— Вотъ это развѣ... Я Капочкину накидку выну...

— Ну, ужъ нѣтъ, извините! закричала Капочка.—Я безъ накидки не могу-съ!... Лучше Фросичкину тальму или Клушичкину бархатную кофту....

— Нѣтъ, нѣтъ! завизжали барышни. Ни за что!..

— Я безъ тальмы ни за что не поѣду! развела руками Фросичка.

— А я свою кофту не позволю оставить! заявила Клушичка.

— Своей любимицы Просички что-нибудь выкиньте: у ней, и такъ дѣвать некуда, ехидно посоветовала Капочка.

— Молчать!... У меня вся надежда на Просичку: она всѣхъ васъ получше, ее всего скорѣй выдать можно, и изъ ея вещей

я ни единого лоскутка не оставляю! заявила мамаша.—Хорошенькая Просичка торжествующимъ взглядомъ окинула сестеръ.

— Знаемъ, знаемъ, что Прасковья любимица ваша!.. Красавица писанная, что и говорить! сказала Капочка.

— За милліонера выйдетъ или за графа сѣятельнаго! подсказала Клушичка.

— Молчать-же! прикрикнула опять мамаша.—Будете языки чесать, я вѣдь и дома оставляю...

— Ну, ужъ это нѣтъ!.. Этого ужъ не будетъ!.. Извините на этотъ счетъ! со всѣхъ сторонъ завизжали барышни.

— Лука Васильичъ, уйми-же ихъ! обратилась мамаша къ супругу. Что ты молчишь-то? Вѣдь твои это доченьки-то, прикрики на нихъ!..

— Горла не хватить уменя прикрикивать-то, надоѣло мнѣ ужъ!.. Ты затѣяла выставку эту ты и вожжайся, какъ знаешь...

— У поповны тѣло жирно,
Съ поволокою глаза...

— Да, брось ты, эту пѣсню глупую, надоѣлъ до страсти!

— Ты мнѣ и больше надоѣла съ крикомъ своимъ...

«Съ поволокою глаза,
Подъ гребеночку заколота коса...

— Тѣфу! плюнула супруга.—Ты батюшка, не отецъ а дуракъ какой-то! Тебѣ никакого дѣла до чадъ твоихъ нѣтъ, точно онѣ чужія тебѣ!..

— Кабы дѣла не было, не заложилъ-бы послѣдней усадьбишки, чтобъ ихъ на выставку тащить...

— Напрасно еще ты не уперся! Вѣдь Капочкѣ-то двадцать семь лѣтъ, пора, кажется, о судьбѣ ея подумать...

— Судьба-го захотѣла-бы, такъ и въ Костромѣ-бы пришла...

— Какъ это вы глупо резсуждаете, Лука Васильевичъ! Кострома или Москва? Вѣдь на выставку-то со всей Россіи народу наѣдетъ, а здѣсь и жениховъ-то совсѣмъ нѣтъ, странный вы человѣкъ!

— И товару-то этого навезуть не мало...

— Какого товару?

— А невѣсть-то перезрѣлыхъ... Я думаю самый обширный отдѣлъ будетъ съ дѣвцами, жаждущими жениховъ...хе, хе, хе!..

— Тиранъ вы дѣтей своихъ, Лука Васильевичъ! покачала головой чадолюбивая мамаша и сердито отвернулась отъ супруга.

Въ эту минуту въ комнату вошелъ вертявой походкой чело­вѣкъ, лѣтъ подъ сорокъ въ долгополомъ сюртукѣ, въ сапогахъ бураками и съ бородкой клинушкой.

— Наше вамъ-съ! поклонился онъ на всѣ стороны.—Лукѣ Васильичу. Матренѣ Степановиѣ, барышнямъ-съ... Всѣ-ли въ добромъ здоровѣ-съ...

— А, Прохоръ Прохоровичъ!.. Здравствуйте, родной! растерянно поклонился Лука Васильичъ и переглянулся съ женой.

— Въ дорогу собираетесь? Въ Москву на выставку-съ окидывая глазами комнату, спросила бородка.

— Ни... да... думаемъ... Можетъ, еще не поѣдемъ...

— Тэкъ-съ... А я на счетъ домика-съ, векселекъ вашъ принесъ, да исполнительный листикъ-съ...Получить позвольте-съ...

— Отецъ родной, Прохоръ Прохорычъ, повремени немного, голубчикъ! сложивъ на животѣ руки, умоляющимъ голосомъ, сказала мамаша.

— Докедова съ?

— А вотъ съ выставки вернемся, уплатимъ, родной.

— Нѣшто товаръ какой везете туда-съ?

— Нѣтъ... Дочерей вотъ веземъ...

Бородка ухмыльнулась

— Тэкъ-съ... Нѣтъ ужъ позвольте получить, потому деньги нужны-съ...

— Нѣтъ теперь, Прохоръ Прохорычъ, ей-Богу, нѣтъ!

— Въ Москву безъ денегъ не поѣдешь-съ, деньги должны быть, коли на выставку собрались-съ...

— Въ обрѣзъ, голубчикъ, ей-Богу въ обрѣзъ'

— Изъ оныхъ и отдайте-съ, а выставку-то можно и отложить, пытаму должны мнѣ давно-съ...

— Какъ-же отложить-то, вѣдь мы дочерей вотъ веземъ...

— Тамоди очинно даже много и безъ нихъ-съ, напрасно

прохарчитесь только... Дозвольте получить-сь, а то я къ описи приступлю-сь; на извозникъ господинъ судебный приставъ ждутъ-сь...

— Какъ?! Лука Васильичъ, проси-же ихъ подождать! Умоляй ихъ!..

— Да, тово .. подожди, Прохоръ Прохорычъ я . тово...отдамъ .

«У поповны тѣло бѣло,
Съ поволокою глаза...

— Господи, онъ пѣсни поетъ!... Варваръ ты этакій, вампиръ, что ты дѣлаешь?! Вѣдь безъ выставки мы останемся!..

— Что-же матушка, дѣлать? Вы-же задолжали-то...

«Съ поволокою глаза,
Подъ гребеночку заколота коса..

Матрена Степановна сѣла на уложенный сундукъ и, закрывъ лицо руками, заплакала; барышни присоединились къ мамашѣ.

— Очинно чувствительно барышни плачутъ-сь, даже въ сердечное умиленіе я пришелъ-сь, заговорила послѣ нѣкотораго молчанія бородка.—Извольте-сь, я повременю, только-сь векселечикъ перепешите-сь и процентики выставьте-сь за подожда-ніе двойные-сь...

— Благодарѣтель, голубчикъ!.. Милый Прохоръ Прохорычъ!.. Папаша, переписывайте! Идите скорѣй! со всѣхъ сторонъ закричали барышни

Лука Васильичъ, почесалъ затылокъ и пошелъ въ кабинетъ.

— Не только усадьбишки, а и послѣдняго домишка съ выставкой этой лишимся! уныло проговорилъ онъ и въ сопровожденіи бородки скрылся въ кабинетѣ.

Барышни весело запрыгали...

Открытіе клуба въ провинціи.

О Ч Е Р К Ъ .

Кружокъ «избранныхъ» людей губернскаго города Болотинска задумалъ открыть клубъ. Уставъ клуба былъ написанъ, утвержденъ, и въ день полученія разрѣшенія вся мѣстная

аристократія собралась въ домѣ Анны Степановны Замухрыгиной, богатой барыни и туземной «грандъ-дамъ». Въ большой залѣ мадамъ Замухрыгиной за большимъ столомъ сидѣли собравшіеся члены будущаго клуба.

Тутъ былъ богатый землевладѣлецъ Егоръ Петровичъ Щукинъ, необъятной толщины баринъ; мѣстный адвокатъ Ярыжниковъ; первый танцоръ и «душка» Усиковъ; хозяинъ дома, робкій и забитый господинъ, подъ именемъ «Замухрыгинскаго мученика»; владѣлецъ дома нанятаго подъ клубъ, вялаго вида, но продувная шельма, Иванъ Ивановичъ Щупальцевъ и еще много представителей туземныхъ обитателей.

Ярыжниковъ, какъ секретарь клуба, былъ приглашенъ прочитать докладъ, составленный распорядителями.

— Милостивыя государиши и милостивые государи! началъ Ярыжниковъ, мы собрались сюда....

— Это мы знаемъ!... Вы докладъ-то начинайте, а то мнѣ некогда, перебилъ Щукинъ.

Ярыжниковъ смѣшался.

— Я и начинаю докладъ... Это довольно странно, Егоръ Петровичъ....

— А я думалъ вы рѣчь хотите говорить.... Извините! кивнулъ головой Щукинъ.

Мы собрались сюда, продолжалъ Ярыжниковъ, откашливаясь и выпивъ глотокъ воды, чтобы обсудить всесторонне все то, что касается до нашего клуба и выяснить....

— Да это рѣчь, ей-Богу, рѣчь! опять перебилъ Щукинъ. Право-же, мнѣ некогда, а то-бы я ничего, пусть говоритъ, я-бы всхрипнулъ пока....

— Ахъ, Егоръ Петровичъ, вы вѣчно мѣшаете! проговорила мадамъ Замухрыгина. Неужели вы не можете удѣлить какой-нибудь часъ столь великому дѣлу?

— Не могу-съ, да и рѣчей не переносу; я вотъ въ земствѣ также: какъ рѣчь—сію минуту и драло!

— Да не рѣчь-же это, Егоръ Петровичъ, это вступленіе въ докладъ, увѣрялъ Ярыжниковъ.

— Знаемъ мы эти вступленія!... А по моему, никакого!

доклада не нужно: потолкуемъ обо всемъ, выпьемъ и дѣлу конецъ!

— Я согласенъ съ мнѣніемъ господина Щукина, приподнялся «душка» Усиковъ.

— Ахъ, шалунъ, ему не сидится на мѣстѣ! нѣжно промолвила мадамъ Замухрыгина, бросивъ взглядъ на Усикова.

— И я тоже согласенъ, заговорилъ супругъ хозяйки,— потому....

— Потому, что вы глупы! перебила его супруга. Вашего мнѣнія никто не спрашиваетъ.

— Какъ-же, душенька?... Вѣдь я экономомъ избранъ, я....

— Молчите, крикнула супруга.

Мученикъ уныло опустилъ голову.

— Ну, нечего дѣлать, оставимъ докладъ до слѣдующаго собранія, продолжала мадамъ Замухрыгина. Поговоримъ о нѣкоторыхъ вопросахъ.... Господа, кому угодно что-нибудь возбуждать?

— Вотъ супругъ вашъ словомъ *экономъ* аппетитъ возбуждиль, нельзя-ли закусить! улыбнулся Щукинъ.

— Ахъ, Егоръ Петровичъ!... Мосье Усиковъ, вы хотѣли говорить что-то по поводу кадрили—не угодно ли начать?

— Я имѣлъ намѣреніе предложить общему собранію танцовать шесть кадрилей....

— Какъ, сегодня? спросилъ Щукинъ.

— Ахъ, нѣтъ, Егоръ Петровичъ!... Мосье Усиковъ говорить о танцевальныхъ вечерахъ....

— Ну, говорите, говорите, виновать!...

— Говорите, мосье Усиковъ.

— Немного-ли будетъ шести-то! спросилъ владѣлецъ клуба. Полы у меня новые, а какъ ваши приказные будутъ каблуками отзванивать, такъ половъ-то я на одинъ годъ не хватить!

— Какъ, развѣ приказные будутъ бывать въ клубѣ? обратилась къ мадамъ Замухрыгиной одна изъ дамъ.

— Будутъ, конечно; вѣдь, нашъ клубъ соединенныхъ сословій.

— Приказные въ клубѣ?! Эти ужасные господа съ запахомъ лука? И они будутъ танцовать съ моей Лили?

— Не съ одной Лили, а со всѣми нами.

— Ну, ужъ нѣтъ, извините, я своей дочери не позволю танцовать, Богъ знаетъ, съ кѣмъ!

— Ахъ, какіе предразсудки!...! Какъ-же я буду танцовать? Надѣюсь, что я не хуже вашей Лили!

— Вы можете, а ужъ моя дочь не падетъ до такой степени, нѣтъ!

— Вы забываетесь, мадамъ Утиралова!... Танцовать съ приказнымъ не значить «пасть»! Я—жена надворнаго совѣтника, урожденная Завихляй-Обкарнакова, танцовала Богъ знаетъ съ кѣмъ въ пользу славянъ, такъ ваша дочь, *какая-то* Утиралова, не унизить себя этимъ!

— *Какая-то!*... Не знаю, кто изъ насъ *какая-то!*... Мой покойный мужъ былъ....

— Сударыня, я уѣду, ей-Богу, уѣду! перебилъ вспыхнувшую было барыню Щукинъ.

— Pardon, господа, я увлеклась немного споромъ!... Мосье Усиковъ, развивайте вашу теорію о кадрили.

— Я предлагаю шесть кадрилией на томъ основаніи, что....

— Много шесги, право, много! Самый каблушный этотъ танецъ, бѣда поламъ отъ него! перебилъ владѣлецъ клуба.

— Ваше мнѣніе, господа?

— Съ половой точки зрѣнія дѣйствительно не удобно, вставъ съ мѣста, началъ одинъ изъ засѣдающихъ, но за то, если принять во вниманіе отсутствіе легкихъ танцоровъ, кадрили является неизбѣжнымъ зломъ, такъ сказать....

— Со всякимъ неизбѣжнымъ зломъ слѣдуетъ мириться. Совѣтъ постановилъ: танцовать шесть кадрилией. Еще о чемъ будемъ говорить? спросилъ Щукинъ, зѣвая.

— Я хочу высказать свое мнѣніе о туалетахъ, господа, заговорила мадамъ Замухрыгина, по моему, туалеты дамъ должны быть роскошны,—это избавить нашъ клубъ отъ посѣщенія разной дряни.

— Я соглашаюсь съ этимъ, проговорила Утиралова.

— И что-бъ непременно декольте....

— Нѣтъ, это не обязательно! вскочила съ мѣста супруга

мѣстнаго казначея, имѣющая двухъ крайне тощихъ дочерей. Нынче декольте почти не принято.

— Да, у кого плечи тощи и черны — не принято, ехидно улыбулась мадамъ Замухрыгина.

— По моему мнѣнію, вопросъ о декольте столь важенъ, что его слѣдуетъ обсудить въ отдѣльномъ, специально для сего назначенномъ собраніи, а теперь перейти къ другимъ вопросамъ, предложилъ Шукинъ, смотря на часы.

— Не позволить-ли собраніе прочесть письмо, адресованное какимъ-то неизвѣстнымъ авторомъ всему собранію? обратился къ обществу съ вопросомъ маленькій черненькій господинъ.

— Прочитайте; я объ этомъ письмѣ слышала еще на той недѣлѣ; говорятъ, оно очень дерзко? прищурила глаза на черненькаго господина мадамъ Замухрыгина.

— Вотъ оно-съ.

Господинъ откашлялся и началъ читать.

«Обезьяны города Болотинска! Влекомыя модой, вы задумали открыть какой-то клубъ, забывъ то, обстоятельство, что въ вашемъ городѣ нѣтъ женской гимназіи. Вамъ-ли, о, лишенные здраваго смысла, открывать что-нибудь? Вы, какъ пауки, собранные въ одну банку, перегрызетесь всѣ и переѣдите другъ друга! Одна изъ дамъ вашего преуморительнаго бомонда, вѣчно подкрашенная, вѣчно ватой подбитая, башмакомъ мужа своего бьющая»...

— Что вы такъ смотрите на меня, мадамъ Замухрыгина? перебила письмо госпожа Утиралова. Надѣюсь, что это не меня задѣваетъ авторъ письма!

— Не знаю, быть можетъ, и не васъ, но...

— Это тебя, душенька: ты одинъ разъ меня башмакомъ ударила! радостно воскликнулъ «мученикъ».

Собраніе разразилось неудержимымъ хохотомъ.

Захлебываясь отъ гнѣва, поднялась съ мѣста госпожа Замухрыгина; лицо ея было блѣдно, глаза сверкали.

— Вы.... Я.... Письмо.... Я прошу оставить мой домъ!.... Я въ столицахъ была, меня.... Я плюю на вашъ гадкій клубъ,

на ваше общество!... А ты, ты,—обратилась она къ мужу,—ты узнаешь, узнаешь!... Ай, миѣ дурно, дурно?...

Госпожа Замухрыгина пошатнулась и полетѣла на полъ.

— Пусть приведутъ ее въ чувство домашніе, а мы господа, поѣдемъ закусить, а то у меня желудокъ занялъ ужъ отъ всего этого! проговорилъ Щукинъ и, осторожно перешагнувъ черезъ мадамъ Замухрыгину, вышелъ изъ залы. Всѣ гости послѣдовали за нимъ.

— Господа, господа, спасите меня-то, Бога ради, а то вѣдь все это на меня обрушится! умоляющимъ голосомъ проговорилъ «мученикъ», догоняя уходившихъ «членовъ».

— Останься дома, миѣ лучше! раздался голосъ мадамъ Замухрыгиной.

«Мученикъ» схватилъ себя за волосы и замеръ на мѣстѣ.

Клубъ въ Болотинскѣ не открытъ и до сего дня.

Крестины.

(изъ быта провинціальныхъ чиновниковъ).

У титулярнаго совѣтника Анемподиста Степановича Ронзובה родился сынъ.

Давно желалъ и ждалъ Анемподистъ Степановичъ наслѣдника и теперь былъ крайне обрадованъ появленію первенца, названнаго, въ честь начальника, Сакедромъ и уже съ перваго-же дня появленія на свѣтъ осужденнаго на служеніе въ томъ самомъ присутственномъ мѣстѣ, въ которомъ родитель служилъ много лѣтъ и пріобрѣлъ чинъ титулярнаго совѣтника, орденъ святыя Анны, маленькій домикъ и геморрой.

Крестины новорожденнаго Анемподистъ Степановичъ рѣшилъ отпраздновать съ наивозможнѣйшимъ торжествомъ, ибо кумомъ былъ приглашенъ самъ его превосходительство, начальникъ Анемподиста Степановича, Сакедронъ Купріановичъ Антимоновъ.

Въ убранной по праздничному залѣ была приготовлена закуска; въ маленькой гостинной горѣли стѣнные лампы и нѣ-

сколько стеариновыхъ свѣчей; даже спальня роженицы была тщательно убрана, такъ какъ чиновный кумъ долженъ былъ внести туда окрещеннаго новорожденнаго Сакедрона и передать его матери.

Въ ожиданіи изъ церкви кума съ новорожденнымъ, Анемподистъ Степановичъ нетерпѣливо похаживалъ по комнатамъ и наблюдалъ за всѣмъ своимъ хозяйскимъ глазомъ, въ сотый разъ наказывая тещѣ, хлопотавшей въ кухнѣ, не перепечь пирога, на который возлагались большія надежды, ибо его превосходительство питалъ особенную склонность къ пирогамъ и кулебякамъ.

— Ради всего святаго, не испортите пирога, маменька-теща! съ трепетомъ говорилъ Анемподистъ Степановичъ, даже прижимая къ сердцу руки.

— Ахъ ты, Господи Боже мой! взывала теща.—Да уйдите вы, пожалуйста, изъ кухни, не мѣшайте вы мнѣ!.. Неужто я пирога-то не умѣю сдѣлать? Гмъ, странно даже!.. Я купцу Осьмиглазову, миллионщику, богачу страшенному, пирогъ дѣлала, да и то кушалъ, да пальчики облизывалъ. а не то что што!..

— Ахъ, маменька-теща, какъ вы довольно странно разсуждаете: то купецъ, а то его превосходительство!.. У купца желудокъ грубый, невоспитанный, мужицкій желудокъ, а у его превосходительства тѣлосложеніе генеральское, желудокъ воспримчивый, гастрономическій, можно сказать!

— Астрономическій или не астрономическій, а ужъ противъ миллионщикьяго не будетъ, потому съ миллиономъ въ карманѣ можно такія фрикасе кушать, какихъ и на свѣтѣ-то нѣтъ!..

— Все-же противъ генеральской деликатности ему далеко...

— Ахъ ты, Боже мой!.. Да вашъ генералъ-то генераломъ родился, што-ли?.. Ълъ, чай, картофель съ коноплянымъ масломъ, потому, роду-то опъ не больно важнаго: батька-то былъ дьякономъ у Успенья...

— Замолчите, маменька-теща, потому съ вами разговаривать—бѣду наживешь!.. Поймите вы то, что его превосходительство ежедневно устриць кушаетъ!

— Ну, такъ что-жь?

— А то, что ему пужпо угодить, да и угодить!.. Можетъ, изъ-за пирога вашего я несчастнымъ сдѣлаюсь, или ужъ по гробъ дней своихъ подъ его милостью буду!..

— Ужъ идите, идите—угожу!

Анемподистъ Степановичъ нюхалъ кухонный запахъ и уходилъ, волнуемый мыслями о пирогахъ и чиновномъ кумѣ.

Часа въ четыре кортежъ, состоящій изъ кума, кумы,—барыни очель важной, вдовы мѣстнаго туза-финансиста, — и повивальной бабки съ новорожденнымъ на рукахъ, прибылъ въ сіяющую огнями квартиру счастливаго Анемподиста Степановича, который, вмѣстѣ съ собравшимися на крестины гостями, чиновниками—сослуживцами, встрѣтилъ кума и, помогая снять ему шубу, со слезами облобызалъ его щеку.

— Осчастливили, вашество!.. Вотъ какъ осчастливили—по гробъ!.. Въ умоизступленіе привели! пробормоталъ онъ.

— Ну, ничего, ничего, я радъ... Ну, съ сыномъ тебя! снисходительно проговорилъ начальникъ.—Давайте мнѣ маленькаго Ронзебова—я его кумѣ отнесу...

— Подайте, подайте! метнулся Анемподистъ Степановичъ къ бабушкѣ и вырвалъ у ней послѣдника.

— Не обезпокоилъ-бы онъ ваше превосходительство... Малъ съ, неразуменъ еще, не постигаетъ, у кого онъ на рукахъ!

— Ничего, ничего... Ну, пойдемъ, Ронзевовъ, пойдемъ, я тебя къ матери отнесу.

Генералъ, сопровождаемый гостями, прошелъ въ спальню, передалъ крестника матери, прочиталъ ей маленькое наставленіе о воспитаніи дѣтей, вообще, а о воспитаніи дѣтей чиновниковъ, въ частности, сунулъ подъ подушку пять рублей «на зубокъ» и вышелъ въ залу.

— Ну, угощать, что-ли, чѣмъ будешь, или домой ѣхать? обратился онъ къ хозяину.—Можетъ, домой ѣхать? А?.. Хе, хе, хе!..

— Осчастливьте, вашество, откушайте... Пирогъ, рыба, сыръ... Икры въ два рубля фунтъ купилъ... Своего собствен-

наго тѣла готовъ зажарить для столь высокаго гостя! съ чувствомъ говорить хозяинъ, усаживая кума на диванъ.

— Я свинины... хе, хе, хе... не ѣмъ, а вотъ я чаю! снисходительно съострилъ генералъ и потрепалъ Ронзебова по плечу.

— Чаю, чаю!.. маменька-теща, бросьте все, чаю его превосходительству! засуетился хозяинъ.

— А ты не тово, не суетись, успѣемъ... Водки выпьемъ за здоровье твоего новорожденного...

Генералъ подошелъ къ столу съ закуской и налилъ рюмку водки.

— Ну, пью за здоровье новорожденного Сакедрона; желаю ему жить, до генеральскаго чина дожить и умереть съ сознаниемъ... Я самъ былъ рожденъ... Я служилъ, и вотъ вы видите... Я долженъ сказать, что санъ, который на мнѣ... Трудно, отвѣтственно, но я призванъ, и я... У кого ты водку бралъ, Анемподистъ Степанычъ?

— У Егорова, вашество... Самый первый сортъ-съ, для васъ спрашиваль-съ... Такъ и сказалъ: его превосходительство будутъ, можетъ быть, кушать...

— Ну, ничего, ничего, водка у него хороша... Такъ за здоровье новорожденного Сакедрона!

Генералъ выпилъ рюмку и поддѣлъ на вилку сардинку.

— У графа Затомильскаго я сардинки ѣлъ—вотъ это сардинки!.. Таесть во рту сардинка?

— Таесть?!.. спросили гости, выражая изумленіе.

— Таесть... Я ѣмъ, а онъ говоритъ: «для вашего, говоритъ, превосходительства изъ Москвы выписываемъ»... У владыки тоже хороши сардинки подаютъ.

Генералъ медленно положилъ въ ротъ сардинку и сталъ жевать ее; гости почтительно смотрѣли въ ротъ его превосходительства.

— Ну, выпейте вы, поздравьте моего кума, обратился генералъ къ гостямъ; тѣ потоптались на мѣстѣ и переглянулись.

— Господа, прошу... За здоровье его превосходительства! громко произнесъ хозяинъ и высоко поднялъ рюмку съ водкой.

Всѣ выпили и приступили къ закускѣ, осторожно выбирая кусочки и стараясь жевать потише.

— Вотъ и сынъ у тебя, Анемподистъ Степанычъ, и наслѣдникъ твоему имуществу, проговорилъ генералъ, принимая поданный чай.

— Онъ, вашество, наслѣдуетъ мое уваженіе къ вашему превосходительству... Ни благословенія моего, ни куска хлѣба не будетъ ему, ежели онъ не раздѣлитъ со мной чувствъ, питаемыхъ къ вамъ!..

— Ну, спасибо, спасибо... Однако мнѣ того, нора...

— Пирога откушайте, вашество, поощрите тещу—два дня и двѣ ночи сидѣла надъ пирогомъ-съ!

— Ну, и просидѣла его, значить, и не хорошъ, значить, хе, хе, хе! засмѣялся генералъ, колыхаясь животомъ. Гости поддержали и тоже посмѣялись, пустивъ тономъ ниже.

Поданный пирогъ оказался очень вкуснымъ, и его превосходительство изволилъ скушать его большой кусокъ.

— Еще середочку, вашество! умильно просилъ хозяинъ.

— Еще?... Ну, пожалуй, пожалуй, такъ и быть, съѣмъ... Пирогъ, знаете, имѣетъ значеніе...

— Въ отношеніи питательности, вашество?

— Нѣтъ, въ отношеніи, такъ сказать, семейнаго строя... Культура народовъ имъ выражается... Вообще, знаете, пирогъ, въ нѣкоторомъ родѣ, продуктъ цивилизаціи, ибо онъ есть усовершенствованіе и, такъ сказать, очагъ домашній... Возьмемъ человѣка холостаго, онъ пирога не имѣетъ, ибо у него нѣтъ семьи, а ежели есть семья—есть и пирогъ!.. Основа семейнаго благосостоянія и выраженія внѣшняго спокойствія... Да, это—истины чисто того, философскія...

Генералъ докушалъ остатки и быстро поднялся.

— Ну, пора, нора, поѣду... У меня дѣла есть, проговорилъ онъ, надѣвая перчатку.

— Гуся-бы откушали, вашество, предложилъ хозяинъ.

— Нѣтъ, не хочу, не хочу, поѣду...

— Гусь, вашество, также выражаетъ основу, ибо онъ птица

степенная, замѣтилъ одинъ изъ гостей, смѣлый отъ пяти рюмокъ водки.

Генераль ничего не сказалъ и, протянувъ лѣвую руку хозяину и кивнувъ головой гостямъ, пошелъ въ переднюю, сопровождаемый всѣми гостями и счастливымъ хозяиномъ.

Проводивъ чиновнаго кума, Анемподистъ Степановичъ и его гости приступили къ закускѣ, и далеко за полпочъ продолжался пиръ на крестипахъ новорожденнаго Сакедрона.

Наградныя получили!

(ПРЕДПРАЗДНИЧНАЯ СЦЕНКА ИЗЪ ЖИЗНИ ЧИНОВНИКА)

Двадцатое декабря. Въ квартирѣ титулярнаго совѣтника Ивана Ивановича Смагина замѣтно особое оживленіе; супруга его хлопотливо бѣгаетъ изъ кухни въ залу, изъ зала въ кухню и поминутно раздаетъ подзатыльники и шлепки ребятишкамъ, которые толкуются въ комнатѣ и тоже особенно оживлены, восклицая: «папаса пидеть, гостинца плинесеть—онъ нагладу полючить!»! Теща Ивана Ивановича собирается куда-то, порывисто надѣвая салопъ и капоръ.

— Нѣтъ, непременно нужно идти, Дорочка! говоритъ она дочери.—А то твой благовѣрный опять прямо изъ присутствія въ трактиръ махнетъ и половину денегъ ухнетъ!..

— Идите, маменька, идите!.. Только вы въ швейцарской постойте, а наверхъ не ходите...

— Не пойду, конечно, а то начальникъ опять увидить и по прошлагоднему выговоръ сдѣластъ... Прошлаго года прямо сказалъ: если, говоритъ, вашъ зять не благонадеженъ въ семействѣ, то наипаче неблагонадеженъ онъ на службѣ! Я, говоритъ, его уволю...

— Папаса идеть! кричить одинъ изъ наслѣдниковъ господина Смагина.

— Гдѣ?! спрашиваютъ въ одинъ голосъ теща и жена титулярнаго совѣтника.

— По дволю сейчасъ плошелъ...

— Пьяный?!

— Тлезвый; узли несеть!..

Черезъ минуту въ прихожую входитъ Иванъ Ивановичъ. Въ рукахъ его узлы, свертки, корзинка, на фizioноміи блаженная волна довольства.

Теща и жена пытливо смотрять ему въ лицо.

— Что смотрите? Не пьянъ, не бойтесь! Только съ экзекуторомъ полбутылки поповской выпили, потому что онъ у меня на имянинахъ не былъ... Маменька теща, подите, отдайте извозчику три гривенника...

— На извозикѣ пріѣхалъ? спрашиваетъ жена.

— Не пѣшкомъ же тащиться! . Видишь—сколько ташу!...

— Ты бы на конкѣ, Ваня...

— Ну, вотъ!.. Подите, мамелька теща, а ты Дорочка, самоваръ поставь...

— Готовъ давпо, только тебя ждали... Долгонько ты сегодня...

— Долгонько! не скоро тоже получишь: казначей то индо вспотѣлъ раздававши! Вы, говорить, свиньи, бросаетесь, какъ воропы на пададь на деньги то, а я, говорить, одинъ... канцелярскому чиновнику Очинкину пось въ кровь разбилъ, деньгами сунувши!..

— Сердитъ?

— Страхъ! Онъ ужасти какъ не любить деньги раздавать, потому жадень очень...

Черезъ пять минутъ семья сидитъ за чаемъ. Среди булокъ, баранковъ, банки съ вареньемъ и прочаго—стоитъ бутылка водки. У ребятишекъ въ рукахъ кони, гусары, куклы.

— Много получилъ награды то, Ваня? спрашиваетъ супруга, наливая чай.

— По окладу жалованья...

— Сорокъ рублей?

— Да... Вычетъ нынѣ великъ...

— А? Сколько вычли?...

— За чинъ, на пенсію—это изъ жалованья, а изъ наградныхъ въ кассу двѣнадцать рублей удержали, да у казначея пять рублей бралъ...

— Много!... Сколько всего то осталось?

Иванъ Ивановичъ вынимаетъ кошелекъ и начинаетъ пересчитывать новыя денежки. Теща и жена значительно переглядываются и потомъ запускаятъ глаза въ кошелекъ.

— Пятьдесятъ два рубля, сорокъ три копѣйки, говоритъ Смагинъ

— Мало какъ Ваня! говоритъ жена.

— Мало и то, подтверждаетъ теща.

— Вамъ все мало!.. А вы сосчитайте! Двѣнадцать въ кассу, пять казначею...

— Семнадцать...

— Погоди!... На пенсію, да за чинъ, да у Егора Ѳедоровича брать три рубля...

— Когда? Ты неприносишь этотъ мѣсяцъ...

— Не приносилъ!.. Вамъ-бы все приносить? Я на свои нужды брать...

— Свинство, Ваня! Ты знаешь, сколько нужды дома-то, а ты еще свои нужды заводишь! Какія у тебя нужды могутъ быть?

— Трактиры, извѣстное дѣло! ввертываетъ теща.

— А вы не свербите, маменька-теща, а то я вамъ, замѣсто платка, который купилъ, шишъ на постномъ маслѣ поднесу къ празднику-то!

— Хорошъ зять! А я плюну на все, да и уйду отъ васъ!.. У меня своя пенсія есть, я проживу, мнѣ чужаго не нужно!.. Свиньи!

-- Пошли теперь!

— И пойду!.. Ты мнѣ отъ cadaго жалованья долженъ удѣлять, потому я у васъ и кухарка, и горничная, и нянька! Да... Скотъ безчувственный!

— Маменька!

— Нечего—маменька!..

— Я брошу все и уйду, маменька-теща!.. Ей Богу уйду!.. Это какое-то...

— Не сердись, Ваня: мамаша не будетъ! уговариваетъ жена — Посчитай лучше деньги... Ну, куда ты еще тратилъ?

— Платокъ твоей матушкѣ, за ругань ея ежедневную,— полтора рубля...

— Не ошибся, зятекъ!.. Могъ бы и подороже купить! замѣчаетъ теща

— Не довольны еще? На васъ, маменька-теща, самъ чертъ не угодить!

— Самъ ты чертъ!

— Да погодите вы Бога ради! вступаеся жена.—Вотъ со-
считаемъ—тогда и ругайтесь, великъ день-то, еще успѣете!
Ну, потомъ?

Сыру три фупта, по сорока копѣекъ...

— Зачѣмъ это? Что ты за дуракъ у меня, Иванъ! На кой ты
дьяволъ сыру-то покупалъ? Что мы за аристократы—сыры
раскушивать?

— Сама ты дура!.. Вѣдь чай зайдетъ кто нибудь праздни-
комъ-то? Степанъ Иванычъ хотѣлъ быть, столоначальникъ
придетъ...

— Жрутъ и безъ сыру водку-то! Огурцами закусятъ... Ни-
чего-то у тебя соображенія нѣтъ!.. А ты не пей, будетъ!

— У тебя много!.. Ну, чаю купилъ, сахару...

— На сколько?

— На два рубля... Сапожнику занесъ два съ полтиной..

— Врешь, врешь! Сапожника и въ городъ-то нѣтъ, онъ
въ деревню уѣхалъ... Иванъ Ивановичъ наливаетъ рюмку
водки и сконфуженный выпиваетъ.

— Я... За стекло вычли два-то рубля, стекло я въ дежур-
ной разбилъ...

— Варваръ ты, варваръ!.. Это ты бралъ у кого нибудь
на пьянство!..

— Конечно на пьянство! Помнишь пьяный на той недѣлѣ
пришелъ, сказалъ. что столоначальникъ именинникъ былъ—
вотъ это онъ и пролимонилъ тогда два-то рубля! Не отецъ ты
своимъ дѣтямъ, не мужъ женѣ, а какъ есть подлець! всту-
паетъ теща.

— Это я подлець? подымается со стула Иванъ Ивановичъ.

— Подлець! Знаешь ты, что у жены башмаковъ нѣтъ, у ре-
бятишекъ одеженка съ плечъ свалилась, а ты пьянствуешь?

-- Сами вы подлець, маменька-теща!.. Когда такъ—пѣтъ вамъ платка!

— И не нужно твоего платка, подавись имъ!.. Дора, убери водку-то: онъ нахлещется, да еще опять буйство устроить!

Супруга беретъ бутылку.

— Оставь! кричитъ Иванъ Ивановичъ.

— Нѣтъ, шалишь, голубчикъ, не оставляю!.. Кто въ трактирахъ пропиваетъ—тому дома не полагается!..

— Не полагается? говоритъ Смагинъ, поводя осовѣлыми уже глазами.

— Да, не полагается!

— Такъ чертъ-же васъ побери—оставайтесь праздникъ безъ денегъ! Всѣ, до единой копѣечки пропью!

Смагинъ встаетъ.

-- Поди на сунься! говоритъ жена.—Ты въ трактиръ, а я къ генералу вашему: онъ те задастъ гонку!

Смагинъ садится.

— Ну, дай одну рюмочку, Дорочка!.. Одну только!.. Единую!..

— Ты въ трактиръ пилъ, да здѣсь почти полбутылки вызудилъ—будетъ!

— Единую, Дорочка!

— Не давай, не давай, Дора!.. Вишь онъ нализался ужъ! У, зюзя, подзадориваетъ теща.

— Маменька-теща!

— Не давай, Дора, не давай!

— Ну, пусть, маменька, выпьетъ одну; только, сначала деньги отдай... Давай сюда деньги, налью рюмку...

— Я кто! откидываясь на спинку стула, спрашиваетъ Смагинъ.

— Пьяница, вотъ кто!

— Но я глава!.. Въ законѣ сказано...

— А ты деньги-то давай, законникъ! Вишь тебя разматренило!...

— Возьми, Дорочка!.. На!.. Деньги... деньги пустяки!.. Налей рюмашечку, Дорочка и я пойду спать... А ты не сердись!.. Два рубля эти... Эхъ, Дорочка, я на нихъ порцію ухи у Тѣ-

стова съѣлъ!.. Ослѣпительная уха съ налимками!.. И... и коньяку вышилъ... съ лимон... съ лимонадъ-газесомъ!..

Иванъ Ивановичъ ткнулся носомъ впередъ, блаженно улыбнулся и повалился со стула.

— Подлецъ, подлецъ! проговорили надъ нимъ теща и жена и стали пересчитывать деньги.

Пирушка въ складчину.

(Очеркъ изъ жизни чиновниковъ).

На лужайкѣ, за Сокольничьей рощей, расположилась живописная группа молодыхъ чиновниковъ одного изъ московскихъ присутственныхъ мѣстъ.

Тутъ были юные канцелярскіе служители въ нестрыхъ брюкахъ и зеленыхъ галстукахъ; не менѣе юные, но полные солиднаго достоинства коллежскіе регистраторы, въ фуражкахъ съ кокардами, и, совершенно уже съ олимпійскимъ величіемъ, — помощники столоначальниковъ и даже одинъ столоначальникъ съ сунругой въ шелковомъ платьѣ.

Были тутъ и дамы.

Первое мѣсто занимали полные, съ широкими лицами и таліями дочери протопона Палестинскаго Луша и Саша, въ палевыхъ кисейныхъ платьяхъ, отдѣланныхъ голубыми лентами. Луша и Саша подбирали губки и опускали глазки, слушая комплименты помощника архивариуса Араратскаго и щелкали кедровые орѣхи, кокетливо бросая скорлупками въ сидѣвшихъ рядомъ канцеляристовъ Аграпонтowa и Державина.

Немного поодаль отъ протопоновскихъ дочерей сидѣла недурненькая барышня въ свѣтло-лиловомъ шерстяномъ платьѣ, дочь экзекутора и играла «въ четъ не четъ» съ коллежскимъ регистраторомъ Сашей Отвориворотскимъ. Тутъ-же сидѣли двѣ чиновничьи жены, мадамъ Свѣтловзорова и мадамъ Кодилюно-сячинская, занимаемая франтовито одѣтымъ канцеляристомъ Солистеровымъ.

Все общество собралось подышать свѣжимъ воздухомъ и по-

пить чайку въ складчину, устроенную чиновниками по инициативѣ Солистерова. Кавалеры внесли на эту загородную пирושку по полтиннику, дамы-же участвовали безвозмездно, какъ созданья деликатныя и созданныя исключительно для того, чтобы благовоспитанные кавалеры всячески тѣшили и услаждали ихъ нѣжныя чувства.

Общество ждало прибытія транспорта съ съѣстными припасами и выпивкой, доставка которыхъ была поручена двумъ вольнонаемнымъ писцамъ—Оникову и Кантеморскому.

— Какое вы чувство испытываете теперь, барышни? спрашивалъ помощникъ архиваріуса у протопоповскихъ дочерей.

— Ежели вы спрашиваете насчетъ сердечнаго чувства, то это секретъ, а ежели насчетъ желудочнаго — то мнѣ ужасно какъ хочется чаю! отвѣчала Луша.

— А мнѣ колбасы, жеманно улыбнулась Саша.

— Почему-же сердечное чувство ваше секретъ, Лукерья Мордарьевна? играя цѣпочкой, спросилъ Араратскій.

— Потому что... Перестаньте, не спрашивайте, мнѣ стыдно!

— Какой-же тутъ можетъ быть стыдъ? Разговоръ о чувствѣ между кавалеромъ и барышней даже въ большой модѣ...

— Ахъ, оставьте!

— Нѣтъ, однако? Мнѣ-бы весьма любопытно было знать ваше мнѣніе о чувствѣ.

— Какой вы!...

— Какой-съ?

— Любопытный.... Барышня завсегда сокроетъ свое чувство, особливо при молодомъ кавалерѣ....

— Еслибъ я былъ барышней-съ—я напротивъ....

— Араратскій, дай мнѣ папиросу, я портапаръ дома забылъ, обращается къ помощнику архиваріуса одинъ изъ копордоносцевъ.

— У меня у самого немного.

— Ужели тебѣ жалко папиросу для товарища? Это, братъ, подлость ужъ! Я тебя, свинья, въ субботу до положенія ризъ напоилъ, а тебѣ папиросы жалко....

Араратскій сконфуженный достаетъ папиросу.

— Ахъ какіе они сердитые! замѣчаетъ Луша.

— Кто-съ?

— Вашъ товарищъ: Вдругъ кавалера при барышняхъ и такъ конфузить!

— Какъ же его не конфузить, ежели онъ свинья? спрашиваетъ кокарда.

— Во первыхъ они не свинья, а кавалеръ, а во вторыхъ они заняты съ барышнями....

— Это мнѣ наплевать-съ!... Онъ кавалеръ по отношенію къ вамъ, а по мнѣ онъ свинья, и будетъ свиньей....

Протопопицы встаютъ и уходятъ сопровождаемыя Араратскимъ.

— Ну-съ, четъ или нечетъ? спрашивалъ Отвориворотскій, протягивая руку, съ зажатыми въ ней орѣхами къ дочери экзекутора.

— Дозвольте сперва взглянуть!

— Какія вы!... Ежели отгадаете—я, не смотря на то, что на мнѣ новые брюки, поколѣно въ воду войду, а ежели нѣтъ—вы меня поцѣлуйте.

— Охъ, какой ловкій!... Убирайтесь, я такъ не хочу, давайте просто на орѣхи играть....

— Вотъ вы какія, Олимпиада Никоновна! Я для васъ новыхъ брюкъ не жалѣю, а вы поцѣловать меня не хотите!... Ну-съ, четъ или нечетъ?

— Четъ!

— Вѣрно, угадали.

— Значитъ мое желаніе сбудется, мечтательно замѣчаетъ мадамъ Свѣтловзорова,—я загадала: если четъ, то сбудется, если нечетъ—нѣтъ.

— Какое же это желаніе? спрашиваетъ Солитеровъ.

— Придите послѣ дождичка въ четвергъ — я скажу! улыбается дама.

— Я столь проникателенъ, что знаю и самъ.

— Неужели? А ну, скажите.

— Получить-ли вашъ мужъ прибавку. Угадалъ?

— Нисколько даже! Я не столь корыстолюбива, чтобы гадать о деньгахъ....

— Господа, скоро ли же наконецъ мы приступимъ къ чаю и закусѣ? Вѣдь ужъ болѣе двухъ часовъ мы тутъ природой то наслаждаемся! кричитъ столоначальникъ.— У меня въ желудкѣ, точно при ревизорѣ въ канцеляріи чистехонько!

— Ахъ, у меня тоже! говоритъ мадамъ Кадилоносященская.

— Тоже ревизоръ въ желудкѣ?

— Не ревизоръ, а хочется чаю...

— Должны быть скоро, только за ними и остановка, а то самоваръ скипѣлъ давно...

— За кѣмъ за ними? спрашиваетъ столоначальникъ.

— За Ониковымъ и Кантемирскимъ, ихъ за покупками послали.

— Ахъ, что-бы ихъ тамъ розарвало!...

— Скоро будутъ, Антиподистъ Степановичъ, потерпите не много-съ...

— Потерпите! Вамъ хорошо тутъ съ барышнями-то, а мнѣ ужъ эта эрунда-то надоѣла...

— Это даже очень обидно—барышни и вдругъ эрунда! надувъ губки, говоритъ экзекуторская дочка.

— Я говорю относительно, Олиніада Никоновна: холостому человѣку барышни дѣйствительно нѣчто эдакое, такъ сказать, воздушное и привлекательное, а женатому—пустякъ!

— Вовсе даже напротивъ! Ежели мужчина и женатъ, да съ образованіемъ—онъ всегда деликатность имѣетъ и барышнѣ уваженіе сдѣлаетъ...

— Обрила! въ полголоса замѣчаетъ канцеляристъ мрачнаго вида.

— Вы, Липочка, очень дерзки и не по уму заноситесь, вступается жена столоначальника,—вашъ отецъ только безъ году недѣлю чинъ имѣетъ, а мужъ мой коллежскій ассесоръ и кавалеръ и ежели я вашей мамашѣ скажу, она вамъ прическу изомнетъ, а можетъ, по молодости лѣтъ вашихъ, и березовой кашей накормитъ, какъ это было въ прошломъ году, когда вы гусарскому юнкеру записку посылали....

Липочка покрывается яркимъ румянцемъ и опускаетъ голову.

— Еще лучше обрила! опять замѣчаетъ мрачный канцеляристъ и смотритъ на небо.

— Дешное свѣтило кончаетъ свой путь, уступая мѣсто ночной мглѣ, говоритъ онъ и обращаетъ къ Солитерову:—Амфитріонъ, кого ты командировалъ за яствами и напитками?

— О니кова и Кантемирскаго послали...

— Сашку Оникова и Прошку Кантемирскаго? Сихъ слабыхъ, смертныхъ?

— Да; не знаю, что они долго...

Канцеляристъ встаетъ и беретъ свое пальто.

— Оплакиваю свой полтинникъ и скорблю о жалкой участи вашей... Прощайте.

— Куда ты? Куда ты уходишь? Что такое? Объясни! раздались голоса со всѣхъ сторонъ.

— Иду домой, ибо Сашка Ониковъ и Прошка Кантемирскій не придутъ: они пропиваютъ деньги въ гостинницѣ Петергофъ и гоняютъ шары по зеленому полю билліарда...

— Какъ? Что такое? Отъ кого ты слышалъ?

— Идучи сюда, на сборный пунктъ, завернулъ въ упомянутый трактиръ освѣжить себя рюмкой водки и зрѣлъ тамо рекомыхъ....

— Да не ломайся, говори толкомъ!

— И зрѣлъ тамо рекомыхъ, Сашку и Прошку, зело упившихся и съ маркеромъ по полтинѣ на билліардѣ играющихъ.... До свиданья, обманутые друзья мои!

Канцеляристъ поклонился и не торопясь пошелъ по направлению къ Москвѣ.

Въ пѣмомъ ужасѣ стояли собравшіеся на пикникъ кавалеры и дамы, поглядывая другъ на друга. Самоваръ пускалъ клубы пара и пѣлъ жалобную пѣсню о не состоявшейся пирушкѣ...

Именины у чиновника.

(очеркъ).

I.

Начальство въ гостяхъ.

Титулярный совѣтникъ Иваѣъ Николаевичъ Губошлепчиковъ—именинникъ.

Въ двухъ комнатахъ, носящихъ громкое названіе *залы* и *гостиной*, множество гостей. Изъ кухни доносится запахъ пирога и жаренаго гуся. Въ залѣ, на диванѣ, передъ круглымъ столомъ, накрытымъ цвѣтной скатертью, сидитъ приходскій священникъ Губошлепчикова, отецъ Василій, явившійся въ гости первымъ, съ матушкой и дочкой, полной дѣвицей, лѣтъ двадцати. На диванѣ же сидитъ архивариусъ Желтобровкинъ съ супругой, очень молодой барыней, бывшей до замужства экономкой у генерала Пламебибова. По стѣнкѣ, на занятыхъ у домоваго хозяина вѣпскихъ стульяхъ, сидятъ барышни: все дочери, племянницы и свояченицы сослуживцевъ Ивана Николаевича. Около нихъ живописной группой расположились молодые чиновники, одѣтые въ пиджаки и свѣтлые брюки. Въ другой комнатѣ сидятъ гости попроще. Самъ хозяинъ ходитъ изъ комнаты въ комнату и все посматриваетъ на часы: онъ ждетъ главнаго гостя—начальника отдѣленія, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Благодарственнаго. Отецъ дьяконъ, мужчина громаднаго роста и крайне мрачнаго вида, сидитъ одиноко въ углу и каждая пять минутъ подходитъ къ столу съ закуской и выпиваетъ рюмку водки, что крайне беспокоитъ Ивана Николаевича.

— Будетъ-ли уже вашъ патронъ-то? Поздно довольно говорить батюшка.

— Хотѣли непременно быть! Я еще вчера звалъ и сказали: «буду непременно!» пожимая плечами, говоритъ именинникъ.

— Гмъ! Можетъ, задержало что.

— Весьма возможно: особа значительная!

— Туалетомъ занять; онъ каждый день по два часа передъ зеркаломъ сидитъ, хоть и старикъ, отзывается изъ группы барышенъ молодой столоначальникъ, съ либеральными волосами.

— Иванъ Ивановичъ! укоризненно замѣчаетъ Губошлепчиковъ. Писцы фыркаютъ.

— Какое нынѣ неуваженіе къ начальству-то у молодыхъ людей! замѣчаетъ архиваріусъ батюшкѣ. Въ наше время съ трепетомъ и думали-то о начальствѣ, а не то-что!

— Свободомысліе, легкомудрость!... вздыхаетъ батюшка.

Дьяконъ, выпивающій въ это время, оглядывается на отца Василья.

— У меня легкомысленность?... Ошибаетесь, отецъ Василій, ошибаетесь!... Вы давно гоненіе на меня воздвигнули, но не сокрушаюсь! Не сокрушаюсь потому, что правъ и чистъ въ помыслахъ своихъ!

— Да вовсе не про тебя, отецъ дьяконъ! Съ чего ты взялъ?

— Гоните меня, гоните!

Дьяконъ выпиваетъ и идетъ на свое мѣсто.

— Напрасно вы его пригласили, Иванъ Николаевичъ! шепчетъ священникъ хозяину.

— Начудить, думаете?

— Безъ сомнѣнія!... Человѣкъ онъ нрава дикаго и подъ вліяніемъ спиртуозныхъ напитковъ неукротимъ! Вѣдь у васъ нынѣ будетъ, можно сказать, особа!

— Ничего при нихъ-то онъ сдержитъ себя: они какъ-то особенно внушительно смотрятъ, робость какая-то одолѣваетъ человѣка!

— Развѣ что. А строги?

— Они добры, очень добры, но какая-то важность въ нихъ особая, взглядъ какой-то пронзителенъ!

— Гмъ! Особа.

— Да-а!...

— Иванъ Николаичъ, говоритъ архиваріусъ,—что такъ то

сидѣть?—давай хоть въ преферансъ, что ли; видно не будетъ ужъ...

— Подождемъ еще немного, да я велю чай подавать. Выкушайте пока, господа!... Отецъ Василій, Иванъ Ивановичъ, Аристархъ Поликарповичъ — пожалуйста!... Отецъ дьяконъ!... А вамъ, господа, обращается именинникъ къ писарямъ, — въ той комнатѣ припасено, особо: вы молодежь; прошу туда, только не пейте много то!... Господа, милости просимъ!...

Гости подходятъ къ закускѣ.

— Сами наливку то дѣлали? спрашиваетъ архиваріусъ, тыкая вилкой въ селедку.

— Сами, жена приготавлила.

— Хорошо.

— Нѣтъ, какой случай былъ, говоритъ батюшка, прожевывая колбасу. — Прихожанинъ у меня старикъ богатый; хорошо. Наливка у него вишневая въ бутылкѣ и, какъ бы вы думали, сколько лѣтъ наливкѣ?

— Стара?

— Нѣтъ, однако?

— Бываетъ очень стара, лѣтъ по десяти...

— У генерала Пламебибова наливка была по десяти лѣтъ и больше; у него всего были запасы... Ахъ, какіе запасы!... Ужаси! восклицаетъ жена архиваріуса.

— Ну; и пусть его! осаживаетъ мужъ. Не люблю я, какъ ты этимъ генераломъ начнешь хвалиться!...

— Да что же...

— А тоже!... Ну, такъ что же, батюшка?

— День стояла эта наливка! батюшка, улыбаясь, смотритъ кругомъ.

— То есть, какъ день?

— Единый день, а готовили въ прокъ, надолго!

— Такъ почему же не сберегли?

Батюшка лукаво смотритъ на всѣхъ.

— Дьяконъ нашъ въ гостяхъ у того старика въ этотъ день былъ! Ха, ха, ха!...

Батюшка очень доволенъ анекдотомъ; гости тоже хохочутъ.

— Гоните, гоните меня! Я кротокъ и многотерпѣливъ! басыть дьяконъ.—Сколько много творять мнѣ люди зла!

— А вѣдь это мы шутимъ, ты, дьяконъ, не обижайся! Батюшка хлопаешь дьякона по животу.

— Я? Я никогда не обижаюсь!...

А анекдотъ вамъ рассказать?

— Нѣтъ ужъ, отецъ дьяконъ, не надо! Знаемъ ваши анекдоты!... Вѣдь здѣсь барышни...

— А! Ну, коли такъ—я выпью!...

— Пріѣхалъ! Пріѣхалъ! кричитъ, появляясь въ залѣ кухарка, и снова исчезаетъ.

Иванъ Николаичъ бѣжитъ въ прихожую и кричитъ кому то:

— Помахайте платками! Помахайте платками: дымомъ пахнетъ!... Самоваръ то!... Пирогъ-то!...

Гости оправляются и принимаютъ позы. Барышни жмутся другъ къ другу и хихикаютъ.

— Сюда, ваше превосходительство-съ! Пожалуйте въ зало, здѣсь раздѣнитесь!... Марья! Марья!... Калоши то, калоши то!... Сюда, ваше превосходительство!...

— Не беспокойтесь, мой милый, не беспокойтесь: я раздѣнусь; гостей-то занимайте!

— Помилуйте-съ, ваше превосходительство-съ!... Осчастливили!

Какое же счастье? Я очень радъ, очень радъ!...

Начальникъ отдѣленія входитъ въ зало и надѣваетъ пенсне. Гости, какъ по командѣ, кланяются ему, барышни встаютъ, и только одна, дочь домового хозяина, интендантскаго смотрителя, сидитъ, обмахиваясь вѣеромъ.

— Здравствуйте, mesdames! элегантно кланяется генералъ.— Мое почтеніе, господа!... А-а! Да здѣсь много знакомыхъ...

Подчиненные улыбаясь кланяются.

— Пожалуйте на диванчикъ то, ваше превосходительство!.. Подушечку не прикажите-ли? суетится счастливый хозяинъ.

— Нѣтъ, не надо... Не дуетъ отъ огня-то?

— Никакъ нѣтъ-съ!

Генералъ садится.

— Ну, съ ангеломъ васъ!... Подарокъ на Новый годъ дадимъ; вотъ сюда! генераль показываетъ на петлицу.

Именинникъ захлебывается.

— Вашш...ство...сь. Чаю не угодно-ли?

— Чаю?... Гм... Дайте чаю, выпью... А супруга ваша гдѣ же?

— По хозяйству-сь; онѣ выдутъ-сь потомъ-сь... Чаю, чаю давайте!..

— Бразды домашняго, такъ сказать, правленія всегда сосредоточены въ рукахъ хозяйки! говорить батюшка.

Генераль поворачиваетъ къ нему голову.

— Какъ?

— Я говорю: бразды...

— А!.. Вы духовникъ именника?

— Точно такъ-сь. Іерей, Василій Благодѣловъ-сь...

— Очень пріятно!

Генераль подаетъ руку отцу Василю.

— Пастырь и наставникъ сего словеснаго стада! вдругъ пускаетъ октавой дьяконъ.

Барышни фыркаютъ. Генераль подымаетъ брови.

— Отттець дьяконъ!! свирѣпо шепчетъ именинникъ.

— А я опоздалъ немного, говорить генераль: — задержалъ меня князь Горлозвонскій...

— Скажите!

— Да. Пріѣхалъ и сидитъ... А эти барышни кто такія?

— Разныя-сь... Вотъ это отца Василя дочь, это свояченица...

Барышни жмутся одна за другую.

— Хорошо, хорошо! Не беспокойте ихъ... Да, и задержалъ!

— Горлозвонскій, вы изволили сказать, ваше превосходительство? обращается вдругъ къ генералу жена архиваріуса.

Архиваріусъ дѣлаетъ ей угрожающіе знаки.

— Что? поворачиваетъ генераль голову.

— Горлозвонскій, вы изволили сказать-сь?

— Да, князь Иванъ Горлозвонскій...

— А я полагала, не Кашниковъ-ли: у генерала Пламебибова часто князь Кашниковъ бывали...

— Нѣтъ, не Кашниковъ!.. Кто эта дура? тихо спрашиваетъ генераль у архивариуса.

— Виновать-съ... Это моя супруга!..

Генераль поспѣшно допиваетъ чай.

— Еще прикажите, ваше превосходительство?

— Нѣтъ, спасибо... Ну, что же вы не веселитесь, mesdames? Вы-бы веселились, танцовали... А?

Барышни переглядываются.

— Безъ музыки танцовать неудобно, а музыки нѣтъ, да и кавалеры не развязны! бойко говорить дочь интендантскаго смотрителя.

— Да?.. Кто это такая?

— Интендантскаго смотрителя дочь, ваше превосходительство, Громовозова-съ.

— Хорошенькая!.. А?

— Да-съ, чувствительная барышня... Смѣю просить выкушать чего нибудь, ваше превосходительство...

— Что?

— Выкушать чего нибудь-съ, вина или чего-съ...

— Хорошо, хорошо, я выпью...

— «Какъ по морю, какъ по морю,

«Какъ по морю, морю синему!..

страшнымъ басомъ, вдругъ начинаетъ дьяконъ.

— Тс! тс!.. Отецъ дьяконъ!..

— Я ничего! Я пою!.. Боляринъ, дозволю спѣть что нибудь!..

— Пойте, мой милый, пойте!.. Это кто?

— Дьяконъ нашъ-съ; человѣкъ-бы хорошій, но слабъ! говоритъ батюшка.

— Опъ слабъ?!

— Не тѣломъ, но духомъ: не воздержанъ очень.

— А! Пусть онъ споетъ, пусть...

Дьяконъ выходитъ на средину комнаты и поетъ: «Среди долины ровныя».

Генераль аплодируетъ, и гости подражаютъ ему.

— Вотъ и барышни могутъ пѣть, ваше превосходительство; прикажите...

— Приказать барышнямъ?.. Хе, хе, хе!.. Я умолять только могу!.. Mesdames, если возможно, спойте что нибудь... А?

— Спойте, барышни!... Нехорошо вѣдь! упрашиваетъ хозяинъ.

— Марья Ѳедоровна, начните!.. Начните вы, Ольга Егоровна!..

— Жепскій полъ слабъ и нѣженъ тѣломъ, и не смѣлъ духомъ—конфузятся! замѣчаетъ багюшка.

— Что?

— Я говорю...

— Про тѣло что-то вы сказали?

— Слабъ, я говорю, женскій полъ и нѣженъ тѣломъ.

— А!.. Да-а... Слабъ и нѣжель, слабъ и нѣженъ... Что?

— Нѣтъ-съ, я ничего...

— А я думалъ... Ну, однако мнѣ пора...

Генералъ встаетъ.

— Посидите, ваше превосходительство!.. Выкушать чего не угодно-ли?

Выкушать?.. Ну, прикажи мнѣ подогрѣть лафиту...

Иванъ Николаевичъ пораженъ: лафиту нѣтъ.

— Сію минуту-съ!.. Сейчасъ!.. Ваня, голубчикъ, бросается онъ къ одному изъ чиновниковъ, скачи на извозицѣ въ погребъ, возьми лафиту бутылку... Бога ради, поскорѣй только!.. Ахъ, ты, Господи!.. Петръ Степанычъ, нѣтъ-ли у васъ пяти рублей?..

Генералъ между тѣмъ подходитъ къ барышнямъ.

— Скучаете?.. Вы бы танцы устроили, игру въ фанты...

— Прикажете вашимъ чиновникамъ быть полюбезнѣе, а то они всѣ разбѣжались куда-то! говоритъ бойкая интендантша.

— Ваши глазки способны разогнать самыхъ смѣлыхъ кавалеровъ!

— Ха, ха, ха! Развѣ они такъ страшны?

— Жгучіе глазки, съ огнемъ!

— Mersi за комплиментъ!

— А вы много имѣете поклонниковъ?.. Позвольте мнѣ быть въ числѣ ихъ...

— Много чести!..

— Вы пре-хо-ро-шень-ка-я!..

— Не насмѣхайтесь, генералъ!

— У, какая!.. Хе, хе, хе!.. Ну, однако я ѣду... Прикажи, мой милый, подавать лошадь...

— А какже...

— Да, пора, пора... Ну, до свиданья, веселиться вамъ желаю... А жену такъ я и не видалъ твою...

— Извините, ваше превосходительство!.. Хозяйство-съ; полагаю, что вы удостоите чести откусать пирога—хлопочеть тамъ-съ...

— Да?.. Ну, хорошо, хорошо... До свиданья, mesdames! До свиданья, господа!..

Генералъ отдаетъ общій поклонъ и идетъ; всѣ провожаютъ его.

— Каковъ?! Не погнушался, пріѣхалъ! А? Ахъ ты, Господи!.. Обласкалъ всѣхъ, утѣшилъ!..

Именинникъ былъ совершенно счастливъ.

— А дьяконъ-то, дьяконъ-то! Ха, ха, ха!..

— Да! Я сначала испугался было: какъ тоже взглянуть! А они одобрили!..

— Высокаго ума особа!

— Что говорить!.. Ну, теперь, господа, за пирогъ!.. Выпьемъ, закусимъ, и молодежь за танцы, а мы за карты!.. Эй, давайте пирогъ-то...

И пошло пированье.

II.

Начальство уѣхало.

Высокій визитъ начальника совершенно осчастливилъ Ивана Николаевича Губошлепчикова. Ни однихъ еще именинъ не проводилъ онъ такъ пріятно и весело! Пирогъ оказался тоже не хуже начальника, и его, пирогъ, а не начальника, скушали

съ большимъ аппетитомъ, скушали и жирнаго гуся, приготовленнаго подь соусомъ «ала помъ дю теръ».

Головы зашумѣли, языки развязались, и подь конецъ закуски бесѣда оживилась вполне.

Иванъ Николаевичъ острилъ, сыпалъ шутками, говорилъ комплименты барышнямъ и пріятности кавалерамъ.

Отецъ-діаконъ провозгласилъ многолѣтіе именинника и его начальника. За пирожнымъ, молодой столоначальникъ съ либеральными волосами произнесъ стихъ, въ которомъ восхвалялъ именинника, его супругу, пирогъ и дѣйствительнаго статскаго совѣтника Благодарственнаго, называя его «почтеннымъ старцемъ, убѣленнымъ сѣдинами и украшеннымъ добродѣтелью».

— Ну, теперь, господа, прошу помочь вынести изъ залы мебель—танцевать молодежь будетъ, а мы въ гостинной за картишки сядемъ! проговорилъ именинникъ по окончаніи закуски и обратился къ писцамъ:

— Господа, принимайтесь-ка за работу, очищайте залу для танцевъ!

Живо были вынесены столы, диванъ, горка, и въ комнатѣ остались только стулья.

Чиновникъ Дальновзоровъ настроилъ гитару.

— Веселитесь, молодые люди, а мы за стуколочку!.. Иванъ Ивановичъ, обратился именинникъ къ столоначальнику съ либеральными волосами, — вы какъ? — потанцевать, или за карточки?

— Конечно, за карты! Я вообще скептически отношусь къ танцамъ!

— Тогда прошу покорно въ гостиную... Отецъ Василій, Аристархъ Поликарповичъ—прошу...

— А я плясать хочу! баситъ дяконъ.

— Не подобаетъ, дяконъ! Брось! замѣчаетъ батюшка.

— Почему не подобаетъ? Ничего!.. «Скакали плясали, веселыми ногами»!..

— Полно, брось! Вѣдь на тебѣ санъ!..

— Ну, ладно не буду... Но и играть не буду: лишень

серебра и злата, и нищъ!.. Ссуди, отецъ, три серебряника до праздника...

Батюшка вдыхаетъ.

— У самого весьма ограниченно...

— Жадность сіе!.. Ну, не нужно! Я буду сему гитаристу вторить, замѣсто контробаса!

И дьяконъ гудить, изображая контробасъ. Барышни хихикаютъ.

Миловзоровъ начинаетъ кадрили изъ русскихъ пѣсенъ. Дьяконъ аккомпанируетъ ему, оттопыривъ губы и отбивая тактъ по колѣнѣ.

Танцующіе становятся въ пары.

«По улицѣ мостовой шла дѣвица за водой»

выдѣлываетъ гитара, и кавалеры, топнувъ каблукъ, срываются съ мѣста и начинаютъ первую фигуру.

Дочь интендантскаго чиновника танцуетъ съ очень развязнымъ чиновникомъ Малеевымъ.

Малѣевъ одѣтъ въ коричневую визитку и свѣтло-сѣрые брюки; онъ въ голубомъ галстукѣ, заколотомъ булавкой, изображающей сердце, пронзенное стрѣлой, и танцуетъ «убійственно хорошо»!

Онъ топаётъ ногами, изящно выгибаетъ локти, закидываетъ голову и выдѣлываетъ такіе антраша, что дьяконъ приходитъ въ восторгъ и постоянно кричитъ:

— Отчетливо дѣйствуетъ! Лихо!.. Ходи, сѣрые брюки, ходи!.. Ай, сѣрые брюки!.. Колѣно-то выкидывай, колѣно-то!..

Другіе танцоры тоже стараются не ударить въ грязь лицомъ.

«За холодной ключевой!»

бойко выдѣлываетъ Дальновзоровъ, и дьяконъ густымъ басомъ подхватываетъ:

«За ней парень молодой—

Кричитъ: барышня, стой!

Мой амурчикъ, подожди, бѣлы ручки подожди!..

Бѣлы ручки подожди, бѣлы груди покажи!..

— Ха, ха, ха! закатываются кавалеры. Барышни краснѣютъ.

— Этого вовсе нѣтъ въ пѣснѣ, отецъ дьяконъ, и вы совершенно наоборотъ поете! замѣчаетъ дочь отца Василя.

— Пляши, отроковица, пляши!..

«Бѣлы груди покажи,
Свою милость докажи!..»

— Вторую фигуру! командуетъ Малеевъ и садится рядомъ съ своей дамой, ожидая очереди.

— Вы любите танцы? спрашиваетъ онъ интендантскую дочку.

— Кто же ихъ не любить!.. А вы?

— Я? Я, можно сказать, обожаю ихъ! Я даже въ палатѣ иногда танцую!

— Съ кѣмъ же вы тамъ танцуете?

— Одинъ-съ, когда дежурнымъ бываю; все хочу усовершенствовать себя... А вы знаете стихи какія нибудь?

— Станный вопросъ! Я знаю очень много стиховъ; знаю Пушкина, Лермонтова, Кольцова, Никитина...

— Я тоже знаю-съ, но только больше господина Аметистова сочиненія...

— Аметистовъ? Такого, кажется, и писателя нѣтъ!

— Есть-съ; у меня цѣлая тетрадь его сочиненій... Я самъ стихи сочиняю-съ...

— Да? Прочтите какіе нибудь.

— Я наизусть не знаю-съ, у меня память плоха, знаете...

— Своихъ стиховъ не знаете? Странно!

— Одни знаю...

— Прочтите.

Малеевъ откашливается.

«О, ты, которая мнѣ сердце пронзила
И стрѣлку тонкую амура тамъ вонзила—
Приди ко мнѣ!

Я безъ тебя, моя почтенная Анета,
Брожу по улицамъ и дома, какъ комета—
Приди ко мнѣ!

Твой голосъ тонкій, глазъ твой голубой
Меня плѣнили, и я готовъ повсюду за тобой—
Приди ко мнѣ!..»

— Хороши-съ?

Интендантская дочка смѣется.

— Ничего, но развѣ у вашей Анеты одинъ глазъ?

— То есть какъ-съ? Это въ родѣ насмѣшки можно припять...

— Да вы сами же говорите: «глазъ твой голубой», значить одинъ глазъ!

— Такъ это для риѣмы-съ; въ стихахъ всегда такъ... Намъ начинать-съ...

И снова Малеевъ танцуетъ, возбуждая восторгъ дьякона и зависть товарищей.

Съ дочкой отца Василья танцуетъ очень юный канцеляристъ, недурненькій мальчикъ, но немного обезображенный неуклюже сшитымъ сюртукомъ. Канцеляристъ выпилъ для храбрости и очень развязенъ.

— Марья Васильевна, я съ сего дня погибну во цвѣтѣ лѣтъ и кончу свою жизнь! говоритъ онъ, кончая фигуру и садясь.

— Ай, какія страсти! Отчего же это?

— Одна барышня въ голубомъ платьѣ поразила меня, и я влюбился въ нее до страсти.

Поповская дочка одѣта въ голубое платье съ розовымъ бантомъ на груди.

— Можетъ, это вы въ насмѣшку говорите? опускаетъ глазки, говоритъ она.

— Я? Не то, что въ насмѣшку, а отъ всего моего сердца!.. Какъ я бы желалъ быть этимъ бантикомъ?

— Какимъ?

— Вотъ который у васъ на грудцѣ...

— Ахъ, что вы!

Пауза.

— Вы сколько получаете жалованья? спрашиваетъ поповна.

— Пятнадцать рублей...

— Нашъ знакомый чиновникъ Мордоквасинъ получаетъ двадцать пять съ полтиной...

— Мнѣ скоро прибавятъ три рубля... Что бы вы сдѣлали вотъ съ этимъ платкомъ? чиновникъ показываетъ платокъ, не первобытной свѣжести.

— То есть какъ?

— Это я загадалъ: подъ платкомъ я предполагаю одного человѣка.

— А!.. Я бы... Я бы поцѣловала его.

— Мерси-съ! Платокъ—это я...

— Какой вы!.. А чтобы вы сдѣлали съ этой бумажкой?

— Съ бумажкой?..

— Да.

— Гмъ!. Я бы посадилъ ее на колѣни и поцѣловалъ сто разъ!.. Кто это?

— Отецъ дьяконъ!.. Ха, ха, ха!..

— Надсмѣшница!.. Я хочу купить себѣ фуражку съ кокардой..

— У Мордоквасина есть; онъ всегда мимо насъ ходитъ въ этой фуражкѣ и съ большой собакой; ее зовутъ Азоръ... Ахъ, какой онъ душка!

— Азоръ?

— Нѣтъ, Мордоквасинъ!.. Намъ танцевать...

Кадриль кончаютъ Малеевъ предлагалъ было гранъ-рондъ, но спутался и гранъ-рондъ не состоялся.

Барышни ходятъ по комнатѣ, обмахиваясь платочками; кавалеры удаляются «провѣтриться», потому, что въ комнатѣ невыносимо жарко.

— Какой душка Малеевъ! замѣчаетъ одна изъ барышень.

— Нисколько даже не душка! протестуетъ интендантская дочка.—Вотъ въ клубѣ я танцевала съ однимъ офицеромъ, такъ тотъ дѣйствительно душка!.. Ахъ!

— Офицеры вообще всѣ душки! говоритъ одна изъ барышень.

— Ну, не всѣ! Я знаю одного офицера, у котораго косые глаза и по всему лицу рябины! Можетъ-ли же онъ быть душкой?

— Все-же у него эполеты, шпоры...

— Шпоры не у всѣхъ; у интендантскихъ у всѣхъ шпоры.

— У насъ во флигелѣ живетъ одинъ офицеръ, очень пріятный кавалеръ, но только отъ него духъ нехорошъ...

— То-есть, какъ духъ нехорошъ?

— Пахнетъ непріятно...

— Фи!

Кавалеры возвращаются.

— Будемте продолжать танцы? спрашивает Малеевъ.

— Я больше играть не буду, объявляет Миловзоровъ.

— Почему?

— Пальцы всё намозолилъ, ну васъ къ лѣшему!..

— Миловзоровъ!

— Што — Миловзоровъ? Я давно Миловзоровъ! Вы-бы, свиньи, хоть на смѣхъ когда угостили меня, а то играешь, играешь для нихъ задаромъ то!.. Ну васъ!..

— Наплевать на него, господа! говорит Малеевъ. — Дайте въ фанты играть... Угодно, барышни?

Барышни соглашаются.

Въ гостинной «задуваютъ» въ стуюлку «по три копѣйки съ обязательной».

— Что вы все себѣ козырей-то сдаете, Иванъ Ивановичъ? Какъ сдавать—такъ у васъ всё козыри! сердито говоритъ старый чиновникъ, проигравшій уже три рубля.

— Странно! Не нарочно-же я сдаю себѣ—счастье такое....

— Дуракамъ всегда счастье...

— Чтò-съ?

— Проѣхало!.. Давайте мнѣ двухъ...

— То-то двухъ! Вы не забывайте, съ кѣмъ вы говорите! Я вѣдь не писецъ вашъ!..

— Давно ли изъ писцовъ-то? Велика штука!

— Не велика и вы штука!

— Я, братъ, надворный совѣтникъ!.. Ты еще у мамы каши просилъ, а я лямку ужъ теръ!.. Выскочилъ въ столоначальники, по милости того, что жена смазлива, такъ и думаетъ про себя не вѣсть что!..

— Я не буду играть господа!.. Это чертъ знаетъ, на что похоже!

Столоначальникъ бросаетъ карты.

— Полноте. Иванъ Ивановичъ, не сердитесь! уговариваетъ

хозяинъ.—А вы, Изоть Калистратычъ, постоянно ругаетесь, какъ проигрываете! Такъ нельзя же!.. Вы бы не сядились...

— Духъ стяжанія одолѣваетъ! замѣчаетъ батюшка, собирая въ карманъ выигрышъ.

— Тебя не одолѣваетъ! ворчитъ Изоть Калистратычъ. — Давай, што-ли, двухъ-то! Что губы-то надулъ? Я, братъ, старикъ, мнѣ можно уважить...

— Нельзя же все уважать старикамъ! либерально говорить столоначальникъ и сдаетъ, любовно косясь на грудку ремиза, который предполагаетъ взять.

— Я въ темную стучу! рѣшительно объявляетъ именинникъ.

— Не стучи, Ваня: опять обремизишься! уговариваетъ жена.

— Э, была не была!.. Сколько ремизу?

— Полтора рубля.

— Ну, такъ не буду! Пасъ.

— Такъ нельзя, Иванъ Николаичъ!.. Что же это за игра!..

— Ну, чортъ съ вами—давайте! Обремжусь! такъ обремжусь!..

— И обремизитесь! сіяя объявляетъ столоначальникъ и открываетъ туза, короля и даму.

Обремизившіеся ругаются.

Далеко за полночь кончается пирушка, и гости, допивая оставшуюся водку и закусивъ оглодочками пирога и колбасы, расходятся.

— Въ пятнадцать рубликовъ и вѣхали именины-то, да проигралъ безъ малаго четыре рубля! говоритъ Губошлепчиковъ, укладываясь спать.

— Чортъ тебя играть дернулъ! ворчитъ супруга.

— Ничего, Фисочка: за то ихъ превосходительство поѣтили—это много значитъ!

Во снѣ именинникъ видитъ себя статскимъ совѣтникомъ и кавалеромъ.

Травля волковъ на Ходынкѣ.

(НАБРОСКИ И СЦЕНКИ).

Сегодня публика собралась на Ходынку не на бѣга смотрѣть, не лошадиными «статьями» любоваться,—собралась она на потѣху другую, на травлю волковъ.

И охотники истые, и диллетанты и просто любопытные, окружили площадку (гипподромъ), на которой должна произойти рѣдкая потѣха. Ждутъ.

По кругу ходятъ охотники въ характерныхъ костюмахъ, развѣзжаютъ «доѣзжачіе», похлопывая арапниками и держа на сворахъ борзыхъ, которыя такъ и рвутся, такъ и кипятъ, чуя близкаго врага.

А врагъ этотъ, смѣлый хищникъ русскихъ лѣсовъ—сѣрый волкъ, не въ лѣсу ждетъ травли, не по опушкѣ путаетъ свой слѣдъ, слыша *порсконье* охотниковъ и свору гончихъ. Нѣтъ. Сидитъ онъ въ ящикѣ, замореный, запуганный, забитый..

— А любопытно посмотрѣть потѣху эту самую! замѣчаетъ купецъ, съ нетерпѣніемъ посматривая на кругъ.

Стоящій рядомъ съ нимъ усачъ презрительно улыбается.

Что смѣтесъ, поштенный? спрашиваетъ купецъ.

— На потѣху на эту!

— А што?

— Канитель одна, ребячья забава, да и забава-то *злая* какая-то, глядѣть тяжело будетъ....

— То-ись, какъ это?

— А такъ. Нешто не жалко глядѣть, какъ хвораго волка, замученнаго, собаки терзать будутъ? Вѣдь онъ чай тоже живое существо-то!... Волкъ. волкъ. а, поди, тоже чувство имѣетъ....

— Такъ, поштенный, но вѣдь онъ, теперича выходитъ, врагъ нашъ, на манеръ разбойника, стало быть его нужно искоренять....

— Гмъ! Такъ ты искореняй его въ полѣ, въ лѣсу, пулей,

али борзыми, да не такъ, какъ тутъ—изъ ящика!... Вотъ я у господина Одинцова, Николая Павловича, охотникомъ состоялъ, а допрежь того у Свѣчина барина въ Ярославской губерніи былъ—вотъ тамъ охота была, истребляли волковъ!... Эхъ, какая охота была!...

— Любопытно?

— Все отдай, да и то мало!... А это что!...

— Расскажите, любезный, потому сюжетъ долженъ быть любопытный, особливо ежели очевидность вы видѣли....

Усачъ началъ было рассказъ, но въ эту минуту публика заволновалась: высадили перваго волка.

Заметались собаки на сворахъ, подобрались борзятники.

Поджимая хвостъ, присѣдая на всѣ ноги, какъ подсѣдная лошадь, волкъ, понукаемый арапниками, выскочилъ изъ ящика и пугливо, по заячьи, озираясь пошелъ по кругу.

— Ату его! неистово крикнулъ кто-то, и собакъ спустили.

Вывалась сытая стая борзыхъ и безъ бѣгу, безъ угонки налетѣла на опѣшившаго волка.

— Ату его! Ату его! раздались голоса охотниковъ, и волкъ заметался подъ зубами остервенѣлыхъ собакъ, не успѣвъ пробѣжать и десяти сажень.

Охотники помогали собакамъ арапниками и кинжалами.

— Ха, ха, ха! раскатился могучій хохоть тысячной толпы. Вотъ такъ травля! Вотъ такъ затравили волка! Ха, ха!

— Въ ящикъ-то его бы зарѣзали!

— Да и то зарѣзали!...

— Храмой и волкъ-то!...

— Ну, охота, неча сказать!... Ха, ха, ха!...

— Долой Шереметьевскихъ собакъ! Не надо собакъ!... Не травить больше!...

На кругу приготовляются къ травлѣ слѣдующаго волка.

— Мажарова собаки пойдутъ, замѣчаетъ любитель.

— Мажарова? Охота херошая у него!

— Хорошая-то, хорошая, да только не мѣсто ей тутъ.

— Почему?

— А потому что такого волка любая дворняшка въ одиночку возьметъ.

— Это вѣрно, особенно, если охотники арапниками помогутъ!

— Травля ужъ!... Деньги-то только напрасно отдавала публика.

Въ другомъ мѣстѣ толкуетъ интеллигентная публика. Тутъ видны военныя фуражки, цилиндры, боберъ, соболь, холеныя фізіономіи.

— А тяжелое впечатлѣніе производитъ эта травля! замѣчаетъ бобровая шинель.

— Страшно тяжелое!... Для человѣка хотя сколько-нибудь нервнаго, это зрѣлище невыносимо! соглашается цилиндръ.

— Ахъ, ужасно! нервно пожимаетъ плечиками молоденькая дама, закутанная въ соболя и бархатъ. Какую цѣль преслѣдуютъ эти господа, устраивая травли?

— Цѣль-то собственно хорошая....

— Напримѣръ?

— Улучшеніе охотничьихъ собакъ и приученіе ихъ къ травлѣ волковъ, очень вредныхъ для нашего мужика.

— Да? Это хорошо....

— Но эта травля не достигаетъ цѣли!

— Конечно!

«Суждены имъ благіе порывы,

«Но свершить ничего не дано!

перефасониваетъ Некрасова юный администраторъ съ моноклемъ.

— Нѣтъ, вотъ я на охотѣ у графа Атукаева бывалъ—вотъ охота! баситъ толстый баринъ въ дворянской фуражкѣ.

— А!... Атукаевъ—первый охотникъ въ Россіи былъ!

Восторгъ!... Сидишь это на конѣ, гдѣ-нибудь на опушкѣ лѣса, *на лазу*, по охотничьи; пара борзыхъ на сворѣ. Идешь. Осень, знаете, легкій морозецъ, желтыя листья кой-гдѣ на деревьяхъ уцѣлѣли.... Тишина кругомъ страшная. Слушаешь, напряженно слушаешь.... Вотъ тявкнула въ островъ гончая, другая, третья, десятая.... Заварила вся стая!... «Держи краааснаго звѣря»!... подаетъ ловчій.... Сердце выскочить хо-

четь, дышать тяжело!... А ужь вся стая гонить *по зрячему*, насѣдаютъ ужь на звѣря.... Глядишь—вышелъ сѣрый пріятель изъ лѣсу! Не такой, какъ тутъ вотъ, а смѣлый, сильный, свободный!...

Кинулъ взглядъ по сторонамъ и пошелъ низами въ уйму какую-нибудь.... Скачками идетъ, смѣло, самоувѣренно.... Ату его!... Эхъ, господа, что за минута!... Все забудешь, жену, дѣтей, домъ!... Ату его, ату его, разбойника! а самъ во всю конскую прыть летишь по полю!

Толстякъ воодушевился, даже глаза засверкали.

— Некрасовъ описалъ это поэтическими красками. Помните?

«Однопометниковъ лай музыкальный
Душу уносить въ тотъ міръ идеальный,
Гдѣ ни долговъ въ опегунскій совѣтъ,
Ни безпокойныхъ исправниковъ нѣтъ!»

— Лихая забава!... А *это* что? Это дикая какая-то штука! Вытащить замореннаго волка, набросятся на него собаки, охотники кинжалами начнутъ колоть; вопль, стонъ, визгъ, кровь.... Фи, какая мерзость!... Эй, любезный, прикажите подавать мою лошадь.... До свиданья, господа, въ клубъ обѣдать поѣду....

— И я тоже. Только вотъ аппетитъ потерялъ послѣ этой гадкой травли!...

А на кругу травятъ, да травятъ...

И уходитъ народъ съ *садки волковъ* съ тяжелымъ чувствомъ чего-то противнаго, крайне возмутительнаго....

— Зналъ-бы я, что такая ерунда будетъ—не только-бы денегъ не далъ, а съ нихъ-бы ста цѣлковыхъ не взялъ! сердито говорить купецъ, усаживаясь въ сани.

— Грусть одна и печаль великая! подтверждаетъ гусаръ, сядя съ нимъ рядомъ. И смѣютъ еще себя охотниками величать!...

— Вольнодумство одно!

— Легкомысліе, батенька, ребячье!... Ужь по моему коли травить, такъ травить!.. Въ отъѣзжемъ полѣ, на просторѣ, а не тутъ!

— Это вѣрно. Ужъ на что я не чувствительный, кажется, человѣкъ, на всякую тиранскую выходку глядѣть люблю, а волка этого сердешнаго мнѣ жалко стало!... Жалко, говорю, потому несправедливость большая: онъ одинъ, да еще больной, а ихъ эвона сколько!...

- Пошелъ, Иванъ!...

- Домой, что ли, поѣдемъ? спрашиваетъ гусаръ.

— Не могли энтаго и думать!... У меня теперича волненіе въ крови большое и я ахнутъ охоту имѣю.. Въ «Стрѣльну» жаръ, Иванъ.... Живо!...

Публика разѣзжается.

У Сухаревского бассейна.

(КАРТИНКА СЪ НАТУРЫ).

Бассейнъ у Сухаревой башни.

Толпа водовозовъ, кухарокъ, рабочихъ, мастеровыхъ и разнаго люда ждетъ очереди наполнить свои бочки, кадучки и ведра водой.

Давка, брань, остроты, смѣхъ.

— Водяная ярмонка, братцы мои, ей Богу водяная ярмонка! говоритъ водовозъ, усаживаясь на бочку и закуривая трубку.

— Ужъ чисто, что ярмонка: давка такая, что ну! соглашается другой и отъ нечего дѣлать шиплетъ стоявшую рядомъ кухарку.

— Ну, ты къ лѣшему! огрызается та. Безъ тебя тошно, умаляясь до страсти, ждавши тутъ, да и хозяева поди ждутъ!

— Ничего, подождутъ!

— Хорошо тебѣ, а меня ругать будутъ, гуляла де, а тутъ вотъ гульня то какая!..

— Ида, положеніе незавидное! замѣчаетъ какое то пальто, дожидająceеся воды часа два. Меня дома больная тетенька ждетъ, печь пора затоплять, а я вотъ дежурю тутъ!

— А вы изъ какихъ? спрашиваетъ кухарка.

— Былъ по писарской части, а нонѣ безъ должности нахожусь и у тетеньки на хлѣбахъ состою. Тетенька поди думаетъ, что я въ кабакѣ сижу, а я и въ помышленіяхъ того не имѣю; по винѣ Думы напраслину долженъ терпѣть и отъ тетеньки выговоры слушать!

— Это какъ то есть по винѣ Думы? спрашиваетъ одинъ изъ водовозовъ.

— А очень просто: испорченъ бассейнъ на «Серединкѣ» и я долженъ сюда идти, а тутъ народу вонъ сколько, потому вода каждому нужна; я долженъ ждать, будь же у насъ Дума не такая—ничего бы сего не было!..

— Это точно что... А я, голова, все думаю: кто же молъ долженъ заботу объ этомъ имѣть? Анъ, выходитъ дума!

— Она, братъ, она... Мы, московскіе обыватели такую страду изъ-за воды терпимъ, что уму не постижимо! Теперича Сухаревскій бассейнъ снабжаетъ водой народу столько, что и трехъ бассейновъ мало!

— Мало, точно что мало! соглашается водовозъ.

— Одначе, это намъ на руку съ одной стороны, замѣчаетъ другой.

— Это какъ то есть?

— А вотъ какъ: дакедова на «Серединкѣ» бассейнъ былъ, я по мѣстамъ воду за рубль въ мѣсяцъ возилъ, а нонѣ за два вожу, да и то еще ломаюсь!

— Это вѣрно, говоритъ первый; одна барыня на первой Мѣщанской индо заплакала, когда бассейнъ изломалась! Я, говоритъ, и рубль то платила съ трудомъ; потому говоритъ, женщина я одинокая, бѣдная, а сама носить не могу.

— Заплачешь, братъ! Нонѣрунь то тоже ой-оймудренодобыть.

— А намъ то, родимые, мука какая! говоритъ кухарка, подпирая щеку рукой. Ходи-ко эдакую даль, таскай по десяти ведеръ чуть не за версту!

— Ничего, потаскаешь, ишь круглая какая! шекотитъ водовозъ кухарку.

— Да ну ты!.. Сбавить круглоты-то, какъ вотъ недѣлку повозить эго мѣсто!

— Повозишь и съ мѣсяць.

— Ну?

— Вѣрно. Теперича анженера призовутъ къ бассейну; придетъ анженеръ, походить, подумаетъ, папирску выкурить и и уѣдетъ домой, опять думать будетъ; подумаетъ дома и придетъ, такъ, молъ, и такъ; распорядится. Рабочихъ наймутъ; дня три рабочіе будутъ распоряженья ждать; дѣло, глядишь, недѣли три и протянется!

— Да пошто-же такъ долго?

— Пошто!.. Чай, Дума дѣлами-то завѣдуетъ...

— Ну, такъ что?

— А то, что на то она и Дума, штобы думать ей!

— Долго-же думаетъ Дума!

— Долго, родимая, долго.

— Это все еще ничего, начинается опять пальто;—ну, кухарку хозяева поругаютъ, меня тетенька понапрастно обидить, водовозъ лишній часикъ посидить, а вотъ ежели пожаръ—вотъ гдѣ бѣда!

— Да, тогда ужъ аминь, братъ!

— Погибель.

— Вобщемъ очень не похвально, вступаетъ въ разговоръ солдатъ,—я теперича вотъ одинокій человѣкъ, живу работой—сапоги шью; жду я тутъ два часа, а вѣдь за это время я-бы три гривенника выработалъ!

— Што говорить!.. А што ежели Думѣ этой прошеніе подать такъ-де и, такъ,—што она? спрашиваетъ водовозъ.

— Она? А она сичасъ это прошеніе прочитаетъ, подумаетъ и въ комиссію отошлетъ; комиссія подумаетъ, бумагу напишетъ и въ другую комиссію отошлетъ...

— Нѣтъ, это, братъ, чистая комиссія!..

— Оно все это пустое дѣло; никакъ этого нельзя, штобы Москва безъ воды была, и вода, нонѣ-ли, завтра-ли, а будетъ, а докедова будемъ отсюда брать... Пойдемъ, послободнѣе у бассейна-то стало...

Всѣ идутъ къ бассейну, толкая другъ друга.

Благовѣщенъевъ день въ Москвѣ.

(ОЧЕРКЪ).

Ярко взошло красное солнышко надъ златоглавой Москвой и заиграло лучами на многочисленныхъ крестахъ московскихъ церквей. Засверкали, заискрились кресты, точно свѣчи передъ ними зажглись для великаго праздника.

Наступилъ Благовѣщенъевъ день.

«Птица гнѣзда не завиваетъ, красна дѣвица косы не заплетаетъ» для этого великаго дня, и крѣпко чтить его народъ православный по всей великой Руси, а больше всего—въ Москвѣ бѣлокаменной. Всѣ сорокъ сороковъ церквей московскихъ полны богомольцами, и еще до звона идутъ къ обѣднѣ старъ и младъ въ нарядныхъ, праздничныхъ платьяхъ.

Вотъ загудѣли колокола, и могучій звонъ московскій разнесся по городу, по окрестностямъ и деревнямъ.

Весело, отрадно на душѣ!..

А солнышко такъ и сверкаетъ, такъ и играетъ въ подернутыхъ утреннимъ ледкомъ лужицахъ.

— Эхъ, славный денекъ далъ Богъ для великаго праздника! говоритъ сѣдой купецъ, выходя изъ церкви Георгія Побѣдоносца, что въ Охотномъ.

— Да, денекъ истинно праздничный, говоритъ другой купецъ, одѣлая копѣйками нищую братію.

— Замѣчено стариками, что какой день въ Благовѣщеніе, такой и въ Христово Воскресеніе, значить, помѣ Пасха будетъ красная...

— Безпремѣнно; примѣта эта, братъ, самая вѣрная, старики не ошиблись. Я вотъ шестой десятокъ доживаю, а ни единого раза не замѣтилъ, чтобы не сбылась примѣта эта!

Сошли купцы съ паперти и остановились, женъ, да знакомыхъ подождать.

— Куда послѣ обѣдни-то, Петръ Купріяновичъ? спросилъ сѣдой.

— Да супругу домой отпущу, а самъ, должно быть, въ трактиръ чайкомъ побаловаться. Идемъ вмѣстѣ?

— Идемъ-то, идемъ, а только допрежь всего нужно старинный, дѣдовскій обычай исполнить...

— Такъ что?

— А выпустить пташекъ на волю...

— Ахъ, я дурья голова! Вѣдь совсѣмъ забылъ я объ этомъ обычаѣ-то, ей-Богу, забылъ!.. Пойдемъ, Петръ Купріяновичъ, пойдемъ вмѣстѣ, и я пяточекъ пташекъ Божьихъ на волю выпущу!

— Безпремѣнно слѣдуетъ, Тихонъ Петровичъ, потому обычай это старинный, дѣдовскій!.. Въ старинные года, говорятъ, въ Москвѣ преступниковъ въ этотъ день выпускали на свободу... Внукъ у меня въ училищѣ учится, такъ въ книжкѣ онъ вычиталъ, что царь Алексѣй Михайловичъ въ Благовѣщеневъ день всегда преступниковъ выпускалъ изъ темницы...

— Да вотъ родитель мой покойный, царство ему небесное, бывало, изъ долговаго отдѣленія заключенныхъ выпускалъ на великіе праздники!

— И это бывало, доводилось и мнѣ выпускать... Вотъ и половины наши ползутъ... Пойдемъ-ка въ Охотный, тамоди и того, сдѣлаемъ доброе дѣло, дадимъ свободу пташкамъ Божьимъ...

Въ охотномъ ряду, особенно, у тѣхъ лавокъ, гдѣ продаютъ птицъ, уже много народу, больше все купечества православнаго, стариннаго, замоскворѣцкаго. Види́ются лисьи шубы, собольи салоны старинные, крытые атласомъ и ліонскимъ бархатомъ; дутые сапоги на матерыхъ купцахъ поскрипываютъ, цилиндры на солнышкѣ блещутъ.

Мальчишки съ большими садками, наполненными всевозможными птичками, снуютъ среди народа, громко предлагая свой живой, на разные лады чиликающій, товаръ.

— Это какія пташки? указываетъ купецъ на бьющихся въ западнѣ сѣренкихъ птичекъ съ красными головками.

— Чететки, господинъ купецъ, чететки! Самыя чувстви-

тельные птички, купите пяточекъ! бойко говорить торговецъ-мальчишка.

— Тоись, какъ это чувствительныя?

— Очинно чувствуютъ, когда ихъ на волю выпустятъ. Завьется, завьется, зачиликаетъ — точно вотъ спасибо тебѣ говорить!

— Гмъ! Значить ей, того, любя слобода-то?

— Извѣстное дѣло, купецъ! Теперича весна, она, птица эта, гнѣзда вьетъ, ну, и желательно ей на слободу...

— Такъ. Сколько за пятокъ просишь?

— Пожалуйте рубликъ, ваше степенство, безъ запросу...

— Безъ запросу? А четвертакъ ежели...

— Никакъ этого не возможно, господинъ. Птица она чувствительная, понятная... Овсянокъ тѣхъ и за четвертакъ можно, а энтихъ менѣе рубля нельзя... Ну, да извольте три четвертака, что съ вами дѣлать!..

— Полтину получай...

— Ей-Богу, нельзя, господинъ! Кабы птица не такая чувствительная, я-бы слова не сказалъ!

— Все равно, братъ, одно чувство-то у ней!

— Одно? Ахъ Ты, Господи!.. Да ежели теперича овсянку выпустить—она ничего, улетитъ, и шабашъ, а эта чувствуетъ, благодарить тебя; опять-же она птица хлинка, въ клѣткѣ не живетъ—помираетъ...

— Полтину бери, а то не нужно...

Купецъ идетъ.

— Эхъ, берите, купецъ!.. Гуляй, чечетка, на волѣ, моли Бога за купца!..

Мальчишка достаетъ изъ садка птичекъ, передаетъ ихъ купцу, и тотъ, осторожно поцѣловавъ птичку въ голову, выпускаетъ.

Взмахнетъ почувствовавшая свободу птичка крыльями и порхнетъ съ руки... Вотъ она чиликнула, порхнула въ воздухъ и унеслась высоко, высоко...

Купеческая супруга тоже торгуетъ птичекъ цѣлый десятокъ и, сторговавъ, начинаетъ выпускать по очереди.

— За Сашенькину душу помолись, пташечка!.. За Митенькину помолись! приговариваетъ купчиха, со слезами на глазахъ слѣдя за полетомъ птички. — Ишь, понеслась, ишь!.. Упокой, Господи, душу раба твоего Θεодора!.. А ты, пташка, за Васеньку помолись; онъ, родимый, въ хмѣльномъ видѣ умеръ, безъ покаянія...

— За него нужно, Степанида Сергѣевна, двухъ али трехъ выпустить, матушка! совѣтуетъ спутница купчихи, маленькаго роста, бѣдно одѣтая старушка.

— А?

— Вѣрно, матушка, вѣрно!.. Не скупитесь, родная!..

— Эхъ, голова, коли-бъ у меня хозяинъ померъ—соловья-бы на волю выпустилъ! замѣчаетъ, проходя мимо, пьяненькій мастеровой.

— Лють? спрашиваетъ его другой.

— Аспидъ!.. Нонѣ тоже двухъ пташекъ выпустилъ, а вчера жену избилъ, да двухъ мальченковъ такъ шпандыремъ отутюжилъ, что и по сейчасъ лежатъ!..

— Человѣкъ, значитъ, карахтерный!..

— Неполюпрованный человѣкъ, безо всякаго образованія!.. А вѣдь надо и намъ по пташкѣ выпустить? А?

— *Пропустить* намъ надо, это я знаю, а што на шшетъ пташекъ — такъ это купечеству предоставимъ... Мы, братъ ты мой, сами не плоше пташекъ энтихъ въ заперти сидимъ!.. Дернемъ, пойдемъ, по единой?

— Идетъ, землякъ, хлопнемъ!..

А надъ всѣмъ Охотнымъ рядомъ такъ и вьются, такъ и чиликаютъ получившія для великаго праздника свободу птички!.. Ярро свѣтитъ красное весеннее солнышко и освѣщаетъ нарядную толпу гуляющаго и дарующаго свободу Божьимъ птичкамъ московскаго люда...

Пересовремениль!..

(СЦЕНКА).

Часу въ третьемъ пополудни пріѣхалъ домой купецъ Евгеній Аркадьевичъ Отпѣваловъ и громко постучалъ въ двери своего жилища.

Замазанная, растрепанная служанка отперла ему.

— Невѣжество!.. Дичь одна и невѣжество! заговорилъ Евгеній Аркадьевичъ, оглядывая служанку. Гдѣ ты живешь? У кого? У трубочиста у какого али у члена Отпѣвалова, а?.. Что ротъ-то распахнула, бѣльма-то вытрескала? Тебя спрашиваю, дура несовременная!..

— Не понимаю я штой-то, Явгеній Аркадьичъ, што ты баишь-то... Чай, завсегда я такъ пушшаю тебя... Аль не угодила чѣмъ?..

— Дура, дура необразованная, созданье безполитичное!.. Говорить-то какъ а?.. Неужели ты никогда образованныхъ-то словъ не слыхивала?

На голосъ Евгенія Аркадьевича вышла «сама».

— Что тутъ промежь васъ вышло? Пошто ты ее ругаешь, Евгеній Аркадьичъ? запѣла она, вытирая «чаевый потъ».

Самъ оглядѣлъ супругу съ ногъ до головы.

— «Что у васъ промежь себя вышло?» передразнилъ онъ.— Вотъ тоже еще полуазія то, и рожа-то чисто африканская, тоже никакой солидарности нѣтъ!.. Ты посмотри на эту тетерю, посмотри: видъ у ей самый злокачественный, образованія никакого, на рождѣ ножи точить можно, и она лѣзетъ дверь члену отпирать!..

— Какому члену?.. Господь съ тобой, Аркадьевичъ, аль ты съ обѣда какого?..

— Какому члену, какому члену!.. Я—членъ!.. Слышишь, я членъ!.. Сего числа, декабря мѣсяца, меня, второй гильдіи купца Евгенія Аркадьева Отпѣвалова, выбрали въ члены благотворительнаго общества!.. Слышишь?.. Единогласно выбра-

ли и сегодня къ предсѣдателю *нашего* общества, генералу Каверію Леопардовичу Айайскому я на засѣданіе ѣду... Поняла?.. Тамъ будутъ генералы, графы, князья, купцы имениные—и я съ ними!.. Даве меня на утреннемъ засѣданіи выбрали, вотъ и бумага объ этомъ, а вечеромъ я опять поѣду. да поѣду ужъ членомъ!.. Сейчасъ мнѣ фракъ принесутъ, поспе себѣ у Пристлея купилъ и поѣду... За руку графа возьму, за руку князя, генерала какого-нибудь со звѣздой и все такое этакое, и вдругъ мнѣ эта чумичка дверь отпираетъ и *ты* меня въ глаза зоветъ *ты*, говоритъ!.. Могу я это переносить, али нѣтъ... Вотъ тебѣ мой приказъ: ѣштокъ у дверей безпремѣнно колокольчикъ повѣсить, на дверь я доску закажу съ надписью: «Членъ Евгений Аркадьевичъ Отпѣваловъ», а отпиралъ што-бы завсегда швейцаръ... У насъ въ ряду одинъ ундеръ шляется, на бѣдность просить, такъ его въ швейцары возьму; у яво лѣвой ноги нѣтъ и глазъ ему англичанинъ на Кавказѣ выкололъ, иначе вида онъ звѣрскаго, и голосъ какъ изъ бочки; ежели его въ швейцарскую амуницію надѣтъ—онъ страхъ наводить будетъ!.. У меня што-бы все по современному; поняли?

Супруга Евгенія Аркадьевича съ величайшимъ изумленіемъ слушала мужа и оглядывала его съ головы до ногъ; когда онъ, гордо сбросивъ шубу на руки служанки, вошелъ въ залу, она послѣдовала за нимъ.

— Да ты, Евгеша не былъ-ли на какомъ обѣдѣ? спросила она.

— Евгеша!.. Вотъ тоже вывезла! Ну, назоветъ-ли хошь полусовременная дама свою мужа Евгешей? А? Назоветъ аль нѣтъ?

— Коли яво Карпомъ или Сидоромъ зовутъ, такъ, знамо, не назоветъ, а ежели...

— Никогда не назоветъ! перебилъ Евгений Аркадьевичъ. По имени, по отчеству назоветъ, али милымъ супругомъ, а ужъ «Евгешей» не назоветъ, ннѣтъ!.. Давече генералъ Айайскій рѣчь говорилъ: «ежели, гытъ, мы, современные люди, гытъ, завсегда должны засѣдать... Современный, гытъ, чело-

вѣкъ общество знаетъ, а энто, гыть, свинство-то оставить надо»...

— Такъ и сказалъ — «свинство»?

— Не такъ сказалъ, а въ тѣхъ смыслахъ только... Вобще про современное говорилъ...

Евгеній Аркадьевичъ прошелся по комнатѣ.

— Ты поняла, что я тебѣ говорилъ, или въ твоёмъ чердакѣ сквозной вѣтеръ гуляетъ и всякую умственность выдуваетъ? спросилъ онъ у жены.

— Поняла, што ты угорѣлъ... Ты давно членства-то энтого добивался, тыщъ пять, поди, истратилъ, ну, вотъ и возликовалъ... А я такъ понимаю, што ничего путнаго-то изъ энтого не выйдетъ...

— Изъ чего изъ энтого?

— Изъ членства-то твоего; такъ только, — пьянство прибавится, да ломанья поболѣ будетъ...

Евгеній Аркадьевичъ остановился и заложилъ руки въ карманы.

— И за что это наказалъ меня Господь, что такую тумбу чугунную въ жены послалъ!.. Мужъ членомъ сдѣлался, съ генералами за однимъ столомъ сидѣть будетъ, а она... она только рожу косить, да слова дикія говорить!.. Вѣдь и тебѣ почетъ будетъ, дифтеритная твоя харя?... Вѣдь ежели ты теперь на гулянье или на народъ какой пойдешь съ мужемъ своимъ, такъ тебя не то што околоточный какой, а даже самъ приставъ не протолкаетъ!.. Какъ ты только скажешь, что ты членша, такъ тебѣ сейчасъ подъ козырекъ, и подъ ручку на почетное мѣсто!.. Вѣдь по современному жить-то будешь, дура таганская!..

Супруга покачала головой.

— Такъ-то, такъ, а только сумнительно очень, сказала она и вздохнула.

— Чего «сумнительно?»

— Пересовременишь ты...

Евгеній Аркадьевичъ задумался.

— Какъ ты сказала? спросилъ онъ.

— Пересовременишь, молъ...

— Гм... Воздержаніе буду имѣть, а иначе неизвѣстно... Впрочемъ, такъ какъ я среди генеральства и всего такого буду членить такъ; надо полагать, не пересовременю... Оно возгордиться можно, затмѣніе найти можетъ, но только я полагаю, что ничего... Съ умными людьми нужно больше бывать, разговоры заводить такіе подходящіе...

Евгеній Аркадьевичъ сталъ въ раздумьи ходить по комнатѣ и ходилъ до тѣхъ поръ, пока ему не доложили, что пришелъ портной и принесъ фракъ.

Какъ встрепанный выбѣжалъ новый членъ въ переднюю и встрѣтивъ портнаго, пошелъ примѣрять первый разъ въ жизни надѣваемый фракъ.

Часовъ въ двѣнадцать ночи сонная служанка опять отпирала дверь Евгенію Аркадьевичу.

Сбросивъ на полъ шубу и швырнувъ туда же цилиндръ, новый членъ пошелъ нетвердой походкой въ залу.

— Пріѣхалъ, Евгеній Аркадьевичъ? спросила сама, позывая въ руку и выходя на встрѣчу мужу.

— Пріѣхалъ... Привезли... Я, братъ, Ѳекла Спиридоновна, тово, пересовременилъ! уныло сказалъ Евгеній Аркадьевичъ и сѣлъ на стулъ.

Супруга взглянула на него и ахнула.

Новый фракъ былъ разорванъ, одно стеклышко пенсне разбито, волосы нависли на лобъ, бѣлый галстукъ грязный тряпкой болтался по измятой груди сорочки... Не красивъ былъ видъ Евгенія Аркадьевича.

— Батюшки, да что-же это съ тобой?.. Родные мои!.. заговорила сама, разводя руками.

— Пересовременилъ!.. Однимъ стаканомъ шимпанскаго пересовременилъ... Поздравляли меня, пили... Все пилъ и современнымъ человѣкомъ былъ,—одинъ стаканъ пересовременилъ!.. Моментъ—и фитъ, и готово!.. Къ Натрускину ахнули, посуду бить зачали... «Нельзя», гыть... Какъ нельзя? Кому нельзя?.. Ежели я членъ и современный человѣкъ—мнѣ все можно!..

Спорить, что нельзя... Ка-акъ я его звякну!.. И переносица, и надъ бровями, и губа—все окровавилъ... Зло взяло и почаль я косить... Вязать стали... Ѳекла Спиридоновна, ты таво, ты правильно... Пересовременилъ я, братъ, Ѳекла Спиридоновна!..

Евгеній Аркадьевичъ качнулся на стулѣ, махнулъ рукой и свалился...

Ѳекла Спиридоновна стояла надъ нимъ покачивая головой. Въ передней всхрапывала служанка.

Грума обучилъ.

(РАЗСКАЗЪ).

Савва Терентьевичъ Колокольниковъ устроилъ очень ловкую сдѣлку съ кредиторами, потомъ крайне выгодно продалъ большую партію залежалаго товару и нажилъ здоровую копѣйку.

— Теперича мы, Аксиныя Степановна, можемъ къ аристократической націи пристать, такъ какъ капиталъ имѣемъ значительный, и все такое, этакое у насъ въ порядкѣ, сказали онъ одинъ разъ супругѣ, послѣ приведенія въ извѣстность наличныхъ и сведенія счетовъ.

— Очинно хорошо это, Савва Терентичъ; особливо мнѣ Крупенниковой носъ утереть хочется—страхъ, какъ зазналась! Это ѣдетъ въ коляскѣ, на парѣ сѣрыхъ, сама вся въ бархатѣ и пансе на посу! Индо нутро у меня повернуло отъ досады! Давно-ли это она на извозникѣ-то ѣздила въ манчестерской кофтѣ, а теперь --на-ка! И не поклонилась мнѣ!

— Мы имъ утремъ носъ-то!.. Пансе тебѣ не пристапетъ, потому у тебя физаномія аляповата, на манеръ простонародной, опять-же носъ—пуговкой, никакая его пансейпая пружинка не удержитъ, а вотъ на счетъ выѣзда—мы имъ подзудимъ, во какъ, подзудимъ!.. Я у Ильина на фабрикѣ фельетонъ купилъ...

— Это что-же такое, Терентичъ? Фельетономъ-то въ газетѣ что-то называется, а это, знать, что другое...

— То газетный фельетонъ, а то экипажный... Видала ты

въ Паркѣ, ѣздить въ экипажахъ такихъ новомодныхъ, гдѣ кучерь, одѣтый особымъ манеромъ, сзади сидить?

— Видала, видала! Лошади еще безъ дуги, и на глазахъ козырьки этикіе надѣты...

— Во, во! Зовутъ эту штуку — фельетонъ; есть и другое названіе, мериканское какое-то, иначе больше фельетономъ зовутъ. Такъ вотъ — купилъ я такую штукенцію, завтра привезутъ, а нонѣ ко мнѣ кучерь придетъ; мериканскій кучерь — настоящій, и ежели мы его въ эту одежду вырядимъ, шляпу съ прозументомъ надѣнемъ, а въ руки кнутъ, аршина въ три, дадимъ, за первый сортъ будетъ!

— Ой, какъ любопытно-то будетъ, Терентьичъ! Вотъ Кру-пениха-то заегозить!

— До крови затылокъ расчесеть! А ты надѣнь пальто бархатное, платье бархатное; декольте я тебѣ у Крумбюгеля куплю...

— Тамъ декольте нѣту, штой-то ты! Это коли голая шея, да плечи, такъ декольте зовутъ...

— Ага! Я смѣшалъ съ чѣмъ-то, что-то вродѣ этого есть изъ золота съ камнями...

— Фермуляръ?

— Во-во-во!...

— У меня есть.

— А коли есть надѣнь. Ты съ такой пудрыпустишь — въ носъ бросится! Кто это, дескать, ѣдетъ? Колокольниковъ купецъ съ супругой въ своемъ собственномъ фельетонѣ... Нда-съ!

— Савва Терентьичъ, тамъ пришелъ человекъ какой-то къ вамъ, грубъ какой-то, доложила вошедшая горничная.

— А, это грумъ! Введи его сюда... Это, Аксюша, кучерь для фельетона...

Мериканецъ?

— Нѣтъ, онъ русскій, иначе, для мериканской упряжки приспособленъ, а я его еще больше обучу, настоящего грума сдѣлаю!

Въ компанію вошелъ человекъ, невысокаго роста, одѣтый въ поддѣвку, но съ бритыми усами и бородой; подъ лѣвымъ гла-

зомъ у него темнѣль большой синякъ; носъ былъ сизовато-красный, усѣянный бутонами.

— Наше вамъ, встрѣтилъ его Колокольниковъ. Грумъ будешь?

— Что вамъ угодно-съ; могу за грума быть, могу кучеромъ ѣздить, фолетѳромъ, ливрейнымъ лакеемъ....

— Въ фельетонѣ ѣзжалъ?

— Въ фаetonъ-съ? Многократно. У господина Кучкина въ американкѣ ѣздилъ, все это мнѣ досконально извѣстно ..

— Такъ. Водку пьешь!

— Рюмочку дозвольте.

— Нѣтъ, я не про то!... Выпивать охочъ?

— Очинно умѣренно-съ.

— А фонарь-то кто подсадилъ? Да и по носу видать что клюкнуть не прочь!

— Совершенно напротивъ-съ! Синякъ мнѣ лошадь подсадила, потому у графа Юлина лошади—звѣр-ри, изъ-за того и ушелъ отъ него, а носъ, носъ у нашего брата долженъ быть за-всегда съ колеромъ, потому должность такая, на вѣтрѣ все.... Опять-же носъ солидность придаетъ....

— Ну, энто какъ знаешь; я, братъ, ежели пить будешь, по шеѣ, и дѣлу конецъ! По-американски говорить умѣешь?

— Что-съ?

— По-американски, молъ, умѣешь говорить?

— Никакъ нѣтъ.... Это зачѣмъ-же?

— А зачѣмъ, что настоящій грумъ безпремѣнно долженъ англичаниномъ быть, а то это вродѣ русскаго кучера выйдетъ. Вотъ я на фабрикѣ у Золотова былъ, такъ тамъ грумъ по-русски ни единого слова не знаетъ! Што ты его ни спроси, онъ только и знаетъ *уезъ, уезъ*, это, значить, про ѣзду что-нибудь, а больше ни-ни!

— Много и русскихъ бываетъ грумовъ. .

— Можетъ, и бываетъ, да я не хочу!... Ну, да это дѣло поправимое.... Обязанности свои знаешь?

— Какъ-же-съ, знаю.

— Такъ Будешь ты, значить, сидѣть на заднемъ мѣстѣ,

руки кренделемъ на груди, на физаноміи што-бы гордость... Такъ?

— Могу-съ.

— Ну, а теперь слушай: кто-бы тебя, что-бы тебя ни спросилъ—ты долженъ отвѣчать: «не понимай,» какъ, значить, нѣмцы и прочіе иноземцы говорятъ. Чей ты? — «*Не понимай?*».—Чьи это лошади? «*Не понимай*» или «*не понимэ*», это еще даже лучше — «*не понимэ*». Понялъ?

— Это я могу.

— И моги; я тебѣ за это по красному билету лишку буду платить, ну, а ужъ если проврешься—въ шею, и расчета не получишь. Идетъ?

— Согласенъ-съ.

Коли согласенъ, я тебѣ экзаменъ сдѣлаю.... Какъ тебя зовутъ?

— Егоръ Ѳедо....

— Дуракъ! Вѣдь это экзаменъ!...

— Виновать-съ'... Спрашивайте снова.

— Какъ фамилія твоего хозяина?

— Нэ понимэ!

Ловко!... Чьи это, любезный, лошади?

Нэ понимэ!

Молодца!... Еще что-нибудь иностранное этакое добавь, вродѣ бонжура или тамъ шира, мара, бара... Ну-ка: чьи лошади?

— Нэ понимэ!... Адью, мусье, бонжуръ, мадамъ, пардонъ, сулеву, ейнъ, цвей!...

— Ха, ха, ха! Ловко, чертъ тебя обдери!... Такъ вотъ что, другъ: иди ты въ контору, тамъ условіе напишутъ, и оставайся съ Богомъ, а на счетъ «*нэпонимэ*» я тебѣ вотъ что скажу: коли ежели я тебѣ упрежденіе не сдѣлаю, что въ сурьезъ говорю — ты всегда и мнѣ отвѣчай: «непониме» — это пріучить тебя, а когда я скажу тебѣ: въ сурьезъ отвѣчай—тогда ты по-русски ужъ....

— Слушаю-съ.

Новый грумъ поклонился и вышелъ изъ комнаты.

— Парень, кажись, ловкій и понятливый, замѣтилъ Савва Терентьичъ.

— Носъ-то сомнителенъ у него очень, Терентьичъ!

— Носъ—плевое дѣло!... Ну, Аксюша, зададимъ-же мы форсу!..

И крайне довольные супруги разошлись.

Въ первый-же праздничный день, Савва Терентьичъ, съ разодѣтой въ пухъ и прахъ супругой, поѣхалъ въ Паркъ въ новой шегольской американкѣ, запряженной сѣрыми въ яблокахъ конями. Вытянувъ руки въ бѣлыхъ перчаткахъ, правилъ Колокольниковъ лошадьми, а новый грумъ, въ свѣтло-коричневой ливреѣ, въ штиблетахъ, сидѣлъ сзади, скрестивъ понаполеоновски руки, и гордо посматривалъ по сторонамъ.

Поѣхали по Тверской.

— Хорошо бѣгутъ лошади? обратился Савва Терентьичъ къ груму.

— Очинно даже хорошо-съ!

— А вотъ я тебѣ въ рыло съѣзжу! Въдь я не упредилъ тебя—такъ ты какъ отвѣчать-то долженъ?

— Виповать-съ!.. Не поимэ, не поимэ...

— То-то. Вотъ пріѣдемъ въ Паркъ—я къ тебѣ нарочно подошлю кого, и если по-русски заговоришь—нонѣ-же въ шею!...

Торжественно посматривая по сторонамъ, проѣхалъ Савва Терентьичъ нѣсколько разъ по дорогамъ Парка и наконецъ остановился у въѣзда.

— Бери лошадей, грумъ, а мы пойдемъ въ «Стрѣльну»... Помни-же.

Грумъ мотнулъ головой и принялъ возжи.

Проводилъ новый грумъ глазами хозяина, и когда тотъ скрылся за кустами—вынулъ изъ объемистаго кармана ливреи бутылку водки, кусокъ колбасы, булку и, мигнувъ стоявшему по сосѣдству кучеру, сталъ откупоривать бутылку.

Погулялъ достаточно Савва Терентьевичъ по Парку, поужиналъ въ «Стрѣльнѣ» и уже часовъ около двѣнадцати пошелъ къ своей американкѣ.

— Не видать, штой-то, нашего грума, видно, сошелъ, сказалъ Колокольниковъ и подошелъ къ экипажу.

Лошадей держалъ полицейскій солдатъ.

— Ваши лошадки, господинъ? спросилъ онъ Савву Терентьевича.

— Мои; а грумъ мой гдѣ?

— Человѣкъ вашъ пьянъ очинно больно сильно, спитъ въ нутрѣ-сь.... Пыталъ я спрашивать, чей онъ,—бормочетъ, одно слово «непонимэ»....—да и шабашъ! Нѣмецъ, видно, а давеча съ кучерами по русски все ругался....

Подошелъ Савва Терентьевичъ къ экипажу и сталъ будить храпѣвшаго грума.

— Эй, чертъ веревкинъ!.. Остолопъ!.. Вставай, анафема! тыкалъ онъ его въ бока.

— Кто тутъ такой? Я, братъ ты мой, грумъ! Пшелъ!.. Не понимэ, ничего не понимэ!.. Ейнъ, цвей, дрей! .

— Ахъ ты, шельма!.. Вѣдь это я, хозяинъ твой, вставай!

Грумъ поднялъ голову и посмотрѣлъ мутными глазами кругомъ

— Не понимэ!.. Тысь ни единого слова не понимэ!.. Пшелъ отъ сюда!..

— Въ сурьезъ отвѣчай, подлець! Вѣдь я это, хозяинъ! кричалъ Савва Терентьичъ.

— Ты?.. Не понимэ!.. Бонжуръ, и кончено дѣло!.. Пошелъ отъ сюда, а то я тебѣ въ морду!.. Не понимэ!.. Пичего не понимэ!

Даже прослезился Савва Терентьичъ, слыша кругомъ неистовый хохотъ собравшейся толпы!.. Схватилъ онъ своего американскаго грума и, швырнувъ его изъ экипажа, проворно вскочилъ самъ, волокомъ втащилъ супругу и во весь духъ помчался домой.

— Вотъ такъ обучилъ грума! промолвила супруга и поникла головой...

Гулянье въ зоологическомъ саду.

(СЦЕНА)

Запрудились улицы, прилегающіе къ Зоологическому саду, экипажами и пѣшеходами. Такъ и валить народъ на невиданное зрѣлище.

— Шествіе нонѣ будетъ, ты это пойми! говоритъ лавочникъ, торопливо шагая по тротуару, женѣ, толщенной бабѣ въ лисьемъ салопѣ.

— Какое-же шествіе? Расскажи, Тихонычъ, а то я ей-Богу не пойду—изъ силъ выбилась, моченьки моей нѣтъ! сопить жепа, обливаясь потомъ.

— Шествіе.

— Да какое? Расскажи, молъ, аспидъ!

— Всѣ націи пойдутъ—нѣмцы, французы, гишпанцы и все такое...

— А арапы пойдутъ?

— Пойдутъ, Одно слово—невиданное дѣло!

— Такъ возьмѣ-бы извозчика, а то, ей-ей, изморила я!

— Ишь тебя жиръ-то душить!.. Извозчика, извозчика! Рупь, цѣлковый съ рыла за входъ отдай, да въ буфетѣ, вѣрнѣющимъ манеромъ, цѣлковый изведешь, да еще извозчика ей!

— Ой, на покупателей наверстаю, Тихонычъ! Тому не до-вѣшу, тому не додамъ—наверстаю!

— Наверстаешь?

— Правотки наверстаю!

— Идетъ!.. Эй, гужеѣдъ! Въ Зоологическій скорымъ манеромъ? Рядятъ извозчика и ѣдутъ.

А у кассы чуть не драка идетъ.

— Ну, денекъ нонѣ для звѣрья энтаго! замѣчаетъ молодой прикащикъ, протискиваясь ко входу.

— А что? спрашиваетъ его товарищъ.

— Какъ что? Вишь доходъ-то нонѣ какой, а вѣдь все ему на пользу!

— Кому ему?

— Звѣрю-то. Цѣлый годъ его теперь кормить будутъ.

— А то развѣ не кормятъ?

— Такъ, слегка, на манеръ діеты; оно, звѣрье это самое приучено по благородному жить, на легкой пищѣ, потому народъ имъ управляетъ ученый, полированный, тоже зря-то, по мужицки, не будутъ кормить!

— Напирай, Васенька, напирай родной, а то опоздаемъ.... Напирай плечемъ-то! поощряетъ какая-то барыня своего супруга, въ громадпой мѣховой шапкѣ.

Супругъ старается и работаетъ локтями.

— Ты не при такъ, идолъ! оглядывается на него нарядно одѣтый мѣщанинъ.

— Чо-о? Это я идолъ?!

— Знамо ты! Што ты прешь-то?

— Я идолъ?... Я идолъ?

— Поди къ лѣшему!...

— Ха, ха, ха!... Ай, баринъ—въ идолы попалъ!

Это его жена уськаетъ; барыня чувствительная, хоть и корявая!

— Напирай, Васенька, напирай! Не обращай на нихъ, на хамовъ вниманія!

А вѣдь можно твоему Васенькѣ и по шапкѣ! мы такими-же рублями-то платили!

— Пропустите ихъ, господа! Они по дѣлу вѣдь идутъ: это ихъ вотъ и будутъ въ ледяномъ-то домѣ вѣнчать понѣ!...

— Ха, ха, ха! Тото на немъ шапка-то мамелючьа надѣта!

— Изъ лучшаго жучьяго мѣха! Первая собака по всему двору была, которая ему на шапку-то попала! ..

Супруги сконфуженные затираются въ толпу.

По дорожкамъ сада двигаются толпы разряженного въ пухъ и прахъ московскаго люда.

— А вѣдь это историческое нѣчто, замѣчаетъ пожилой офицеръ своей дамѣ.

— Конечно. Это взято изъ романа Пушкина «Ледяной домъ».

— Пушкина? У него, кажется, нѣтъ такого романа?

— Ну, вотъ! Я сама читала, у Скверноносова книжку брала...

— Это тетенька, вы читали «Канитанскую дочку», а «Ледяной домъ» романъ Лажечникова мы у Безживотовыхъ брали, поправила гимназистка, дѣлая глазки проходящему мимо гимназисту.

— Съ кого бы тамъ ни взяли, а важное гулянье устроили, есть за что деньги отдать! говорить купецъ.

— Что-съ? спрашиваетъ офицерша.

— Гулянье, молъ, важное.

— Я, кажется, съ вами не говорила?

— Это мы понимаемъ, только, значить, свое мнѣніе говоримъ.

— Никто васъ не спрашиваетъ!.. Поль, вступишь за меня! Но купецъ уходитъ, сердито ворча.

— А скоро процессія начнется, Иванъ Николаевичъ?.. Мнѣ такъ хочется! томно говорить барышня, опираясь на руку своего кавалера, въ бобровой шинели.

— Скоро, скоро, Катерина Алексѣевна!.. О, если-бъ я былъ распорядителемъ—я-бы началъ сію-же минуту!

— Да? Вы очень любезны!

— Съ вами развѣ можно быть иначе!.. Вотъ, Катерина Алексѣевна, эти шуты счастливы: онѣ вѣнчаются сегодня!..

— А вы хотѣли-бы быть на ихъ мѣстѣ?

— О, нѣтъ!.. Я хотѣлъ-бы только вѣнчаться съ одной особой....

— А дозволейте спросить: взаправду ихъ вѣнчать будутъ али только это одна аллегорія? спрашиваетъ кавалера купецъ.

— Конечно, что шутка!... Это повтореніе историческаго событія....

— Шествіе началось! Шествіе началось! раздается по саду. Давка.

— Прямо въ Леденой домъ молодыхъ-то поведутъ!

— То-то ихъ проберетъ, сердешныхъ!

— Нда, прохватитъ!... Становись, Егоръ Филиппычъ, вотъ сюда,—важно видно будетъ!..

— Паазвольтъ,—тутъ дама стоитъ, милствій здарь!

— А што мнѣ твоя дама, ежели я самъ тузъ? нагло говорить подвыпившій купчикъ.

— Ну, какой ты тузъ! Просто *шестерка!* осаживаетъ его гиганскаго роста уланъ и движеніемъ локтя втискивается въ толпу.

— А чрезвычайно поэтическая прогулка!.. Неправда ли, баронесса? облокотившись на рѣшотку буфетной террасы, говорить баринъ съ подкрашенными усами.

— О, да!.. Она уноситъ меня въ давно прошедшее время... Точно мы живемъ въ поэтическую эпоху Екатерининскаго вѣка! томно говоритъ разрисованная баронесса лорнируя даль.

— А она вѣдь, вѣроятно, и жила въ ту эпоху, потому ей много, много лѣтъ! шепчетъ барину молодой человѣкъ съ моноклемъ.

— Вы все острите, мосье Лазунчиковъ! кокетливо щуря глазки замѣчаетъ моноклю хорошенькая барышня.

Монокль извивается.

— При васъ?.. О, при васъ я не могу острить! Мой умъ въ вашемъ присутствіи отказывается работать...

— Это мнѣ не льститъ!

— Я хочу этимъ сказать....

— Процессія! Процессія!...

Подъ звуки персидскаго марша, который играютъ музыканты въ фантастическихъ костюмахъ, процессія проходитъ мимо неполной народомъ террасы.

— Вотъ такъ картина!.. Гляди, Марѳа Осиповна, гляди: на вермлюдахъ ѣдутъ!.. Ахъ, штобъ ихъ разорвало! восторгается купецъ, стараясь получше разглядѣть процессію и для этого влѣзая чуть не на плечи стоящихъ впереди.

— А ты въ иступленіе-то, Акимычъ, не входи! У меня спина-то не купленная, а въ тебѣ вѣдь съ походомъ десять пудовъ будетъ! кричитъ стоящій впереди другой купецъ.

— Терпи Прохоръ Петровичъ, потому ужъ очинно любопытна эта историческая выдумка!

— Гляди, гляди—топоры-то какіе несутъ!

— Это аллебарды!

— Толкуй! Это, братъ, тѣ самые топоры, которыми Сокольниковская роща вырублена!.. Вещь тоже историческая!

— А можно, господа, въ ладоши хлопать и бису кричать?

— Бисъ! бисъ! Bravo, верблюда!

— Осламъ-то похлопай!

— Которымъ?

— Ха, ха, ха!... Вотъ и носилки съ молодыми!... Ишь, какъ важно тащить ихъ!

— Утѣшаютъ, потому въ Ледяномъ-то домѣ ночь коротать будетъ не слишкомъ, чтобы очень весело!

— Такъ они тамъ и останутся, держи карманъ!

— А куда-же они пойдутъ?

— Въ буфетъ, извѣстное дѣло! Ты думаешь, они люди?

— А кто-же?

— Просто актеры, ролю разыгрываютъ.

— Актеры!.. А вѣдь я полагалъ, что и *всамодѣльные* люди обвинчанные! А это только комедія...

— Тебѣ бы за рубль-то настоящихъ людей по морозу въ носилкахъ таскать!

Процессія идетъ къ Ледяному дому, освѣщаемая на пути бенгальскими огнями. Эффектная картина вызываетъ громкія рукоплесканія и крики «браво, браво!..»

— Есть на что посмотрѣть!..

— Да, рупь израсходованъ не даромъ; теперича слѣдуетъ полтину прибавить и на счетъ водки пройтись! Ходимъ, Павелъ Ивановичъ!

— Некогда, братъ: въ Славянскій Базаръ ѣхать пора.

— Тамъ что такое?

— Фараоны поютъ, и я ужь себѣ билетъ досталъ...

— Поѣду коли и я, тамъ и поужинаемъ...

Часть публики идетъ къ выходу, часть дожидается фейерверка. У Ледянаго дома музыка играетъ изъ «Фатиницы»...

Танти попался.

(СЦЕНКА.)

- Читалъ?
- Что?
- Танти-то...
- Это што въ циркѣ-то?
- Онъ самый. Втрескался!
- Ногу, што-ль, вывихнулъ?
- Ногу! Въ судъ, братъ, тащатъ!
- Его? За что-же это?
- Цѣлая, братецъ ты мой, исторія... Помнишь про Гаврилу Гаврилыча-то?
- Про какого это Гаврила Гаврилыча?
- Ну, про пассажскаго, про Солодовникова! Какъ онъ судился-то, отъ дѣтей-то отреченіе дѣлалъ...
- Ну, помню.
- Вотъ Танти на этотъ самый фасонъ штуку удралъ!
- Ей-Богу?
- Вѣрно, въ газетахъ пропечатано... Эй, кудри, дай-ка сюда номеръ «Московского Листка», за девятое число...
- Такъ разсуждали за чайкомъ два купца въ Сухаревской гостинницѣ.
- Половой подалъ имъ газету. Купцы прочитали извѣстіе.
- Какъ-же теперь, Филиппъ Иванычъ?
- А вотъ въ судъ разберутъ, ежели найдутъ вину въ Танти этомъ—присудятъ вознаградить...
- Присудятъ?
- Безпремѣнно. Нѣтъ, примѣръ-то что значить!
- То-есть, какъ примѣръ?
- Солодовниковская-то барыня всѣхъ взбудоражила! Теперича только держись: у кого, сталобыть, есть грѣхъ за собой—покрывай скорѣй, а нѣтъ, такъ и въ судъ!
- Гм! Да, это вѣрно... Не слѣдовало-бы снисхожденія дѣлать ямъ.

— Кому?

— А вотъ этимъ, сожителямъ-то: еже липопалась—терпи! А то вѣдь житья не будетъ, да и въ судѣ дѣлъ не оберешься!

— Такъ-то такъ, а все-же и нашему брату острастка нужна; мы рады куролесить-то, а на счетъ обезпеченія туги; беззаконныхъ наслѣдниковъ по-міру пускать очинно охочи!

— Ну, келейнымъ образомъ прикажи обезпечить, а не публично, а то вѣдь эта бабья нація покою не дастъ!

— Боишься? Хе, хе, хе!..

— Боюсь, не боюсь, а все какъ будто не ладно. Вонъ на Солодовниковскомъ-то судѣ облакать што говорилъ: ежели, говорить, взаимнаго согласія нѣтъ на сожительство, такъ, говорить, нечего-бы и не вышло. . Вообще, умно говорилъ...

— За деньги-то всякій тебѣ умно заговорить!

— Оно такъ-то, такъ, а все-же... По мнѣ-бы вотъ какъ: пришла незаконная съ жалобой — уболаготворить ее, смотря по карману вознаградить, заставить а ее самое—отодрать, путемъ отодрать! Оба уболаготворены и наказаны, и бабамъ-бы не повадно ходить по судамъ было, потому съ одной стороны деньги, а съ другой—дѣра, ну и отшибало-бы!

— Вотъ это ты резонъ, это такъ!

— Да ужъ вѣрно. А то вѣдь это покою себѣ не знай...

— Хе, хе, хе! А ты шалостевъ-то не заводи!

— Ежели промежь купцовъ мода на это—какъ-же не заводить-то?

— Вотъ за моду-то эту и бьютъ по карману вашего брата, узду и надѣваютъ! замѣчаетъ съ сосѣдняго стола какой-то мрачный господинъ.

Купцы косятся на него, допиваютъ чай и, перешептываясь, уходятъ.

Казначей пропаль!..

СЦЕНКА.

На Воскресенской площади, близь присутственныхъ мѣстъ стоитъ толпа народу; тутъ есть купцы, мѣщане, убогія ста-

рушки въ старомодныхъ салопахъ, субъекты, въ военныхъ пальто безъ погонъ, фуражки съ кокардами и т. п.

Вся эта разнохарактерная публика оживленно толкуетъ, размахиваетъ руками и горячится; только два степенные купца сосредоточенно ковыряютъ въ носу и что-то соображаютъ, да толстѣйшая купчиха, въ ковровой шали, стоитъ безмолвной статуей, разставивъ руки и устремивъ глаза въ одну точку.

— Нѣтъ, па-азвольте, государь мой! горячо говоритъ толщій господинъ, одѣтый въ сильно потертую енотовую шубу и закутанный громаднымъ шарфомъ, обращаясь къ толстому барину съ сѣдыми усами.—Вы говорите, что это подобіе Мельницкаго? Нѣтъ-съ, далеко нѣтъ-съ! Мельницкій триста тысячъ потерялъ,—сумма, положимъ, большая, но онъ-то остался, виновникъ-то, у насъ въ рукахъ!..

— Да зачѣмъ онъ намъ? Щи, что-ли, мы будемъ варить изъ него? Кашу изъ вашего Мельницкаго для малютокъ-то Воспитательнаго дома сварятъ? спрашиваютъ усы.

— Кашу-ли, щи-ли, но онъ въ рукахъ: есть надежда все-таки; можно, наконецъ, сердце надъ нимъ сорвать, а тутъ что вы будете дѣлать? Что вы будете дѣлать, когда самъ-то—фю-фю? Мы вотъ тутъ стоимъ, разговариваемъ, а, можетъ быть, онъ, казначей-то нашъ, пользуется плодами цивилизаціи и на курьерскомъ поѣздѣ по какой-нибудь тамъ Швейцаріи или Италіи по сту верстъ въ часъ жарить!..

— Или сидитъ въ Парижѣ въ ресторанѣ и трюфели шампанскимъ запиваетъ, замѣчаетъ военное пальто.

— Да, или трюфели шампанскимъ запиваетъ... А мы, родители сиротъ, стоимъ тутъ и томимся волненіемъ, страдаемъ физически и нравственно!..

— Батюшки, кормилицы, правда-ли, что казначей-то сиротскій на Курской дорогѣ въ насыпь упалъ и всѣ денежки тамъ похоронилъ? въ попыхахъ спрашиваетъ, подбѣгая къ толпѣ, старушка, въ люстриновомъ пальто.

— Гдѣ онъ упалъ, неизвѣстно, а что пропалъ, такъ это, старуха, фактъ, говоритъ енотовая шуба.

— Вѣрно, батюшка?

— Вѣрнѣе смерти...

— А вѣдь у моего внука въ судѣ-то двѣсти рублей лежитъ!

— Сочувствую, ибо имѣю сестру, у которой тутъ десять тысячъ.

— Ищутъ его, ваше благородіе? спрашиваетъ мѣщанинъ въ чуйкѣ.

— Говорятъ, казаковъ послали...

— Куда?

— Во всѣ концы.

— Коли такъ, то хорошо, потому казаки найдутъ...

— Ври! перебиваетъ купецъ. Ежели кассиръ или казначей удереть—его не то што казаки, а самъ чертъ не найдетъ...

— Не найдетъ?

— Ни-ни! Онъ съ деньгами какимъ хошь Казеневымъ сдѣлается и сквозь пальцы проскользнетъ...

— Господа, вы по поводу чего тутъ собрались? спрашиваетъ только что подъѣхавшій господинъ, въ громадной мѣховой шапкѣ.

— По поводу новаго событія...

— Это на счетъ казначея Сиротскаго суда?

— Да.

— Вѣрно, что онъ тово?..

— Говорятъ.

— Ай, ой, ой!... Представьте, у моей довѣрительницы,—я адвокатъ, частный повѣренный,—у моей довѣрительницы лежатъ въ судѣ двадцать пять тысячъ!.. А? И черезъ недѣлю она должна ихъ получить!...

— Получишь пиковый интересъ.

— Бубноваго-бы туза ему за энтотъ фортель! мрачно замѣчаетъ купецъ.

— Нѣтъ, вы представьте—двадцать пять тысячъ и черезъ недѣлю получить! Вѣдь я ждалъ этого срока съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ, и вдругъ!.. Я, господа, протестую! Это ужъ чертъ знаетъ что такое!..

— Господа, господа, правда въ газетахъ напечатано, что на Сиротскій судъ Чуркинъ съ шайкой напалъ и три милліона

укралъ? расталкивая толпу кричить барыня, пробираясь впередъ.

— Што толкаешься-то? куда прешь? осаживаетъ барыню мѣщанинъ.—Какой Чуркинъ? Оболдѣла, што-ли?.. Казначей, а не Чуркинъ...

— Что? что? Какъ ты сказалъ?... Да ты знаешь-ли, кто я? Ты знаешь-ли, кто былъ мой супругъ?

— То-же, чай, кассиръ или казначей какой, потому ты больно шустра, да зубаста.

— Что?.. Ты грубить? ты грубить?..

— Отстань ты отъ меня, барская барыня!.. Тутъ, можно сказать, происшествіе, а она льнетъ!.. И мово вотъ братишки въ судѣ-то все состояніе лежитъ, такъ я не то што, я готовъ зубами тебя сказнить!..

— Это вѣрно, вѣрно, это ужасное состояніе! соглашается адвокатъ.—Это невмѣняемость, положительно, невмѣняемость! По статьѣ...

— Ты адвокатъ, што-ли? перебиваетъ купецъ.

— Да, я адвокатъ, я повѣреннымъ одной купеческой дечери...

— Ну, ладно; ты вотъ придумай, што намъ теперича дѣлать нужно; ежели ты совѣтъ дашь—я тебѣ двѣ красныхъ стравлю у Тѣстова, да въ руки три дамъ, потому дѣло тутъ распроананоемское!

— Затрудняюсь!.. Положительно затрудняюсь, потому что...

— Потому что ты, значить, мелко плаваешь... А вотъ что, господа, намъ нужно всѣмъ въ судъ идти...

— Зачѣмъ? спрашиваютъ кругомъ.

— Утѣшить себя, узнать, что и какъ...

— Хороша утѣха, коли скажутъ, что *промельничилъ* казначей денежки-то!

— Да какъ-же онъ промельничилъ-то? Вѣдь съ нимъ дурно на шпалахъ не сдѣлалось?

— Чего тутъ *дурно*! Ему очинно даже *хорошо*, потому онъ сидитъ себѣ въ Крыму и виноградъ ѣстъ, а мы вотъ тутъ слезы глотаемъ!..

— Какъ въ Крыму? Развѣ онъ въ Крыму? слышатся вопросы.

— Тамъ.

— Такъ телеграмму ему послать: «такъ-де и такъ»; пусть домой ѣдетъ.

— Не то што телеграмму, а телефону ему дали, да онъ отвѣту не даетъ.

— Какъ не даетъ?

— Такъ не даетъ: «деньги», говоритъ, «у меня очинно въ надежномъ мѣстѣ, а по слабости, гытъ, своего здоровья, я винограды ѣмъ и изъ Крыма до первопутки не приѣду...

— Такъ, значитъ даетъ отвѣтъ?

— Ничаво не даетъ; это только такъ, по соображенію, а на самомъ-то дѣлѣ его, можетъ, и въ Крыму-то нѣтъ...

— Вотъ-те штука!..

— Штука самая скопинская!

— Не то што скопинская, а разскопинская—вѣдь десять милліоновъ денегъ-то въ судѣ!

— Чиво-съ? Какъ то-есть десять милліоновъ? вдругъ подсакиваетъ одинъ изъ соображающихъ купцовъ.

— Такъ, очень просто; десять милліоновъ денегъ, да вещей тысячъ на сто.

Купецъ переглядывается съ товарищемъ.

— Надо къ Лохвицкому ѣхать... А?

— Нда, не минешь... А ежели онъ, покушавши винограду-ту, вернется?

— Это казначей-то?

— Да. Тогда вѣдь не модель.

— Полагать надо, што послѣ винограду поѣдетъ апельсины вѣсть!

Купцы безмолвно удаляются, покачивая головами.

— Къ гадалкѣ-бы какой съѣздить, погадать-бы, предлагать военное пальто.

— А я такъ въ Преображенскую больницу думаю съѣздить, мѣстечко себѣ тамъ приготовить на случай, потому у меня и теперь ужъ повихнулось что-то въ головѣ-то! сокрушенно говорить потертая шинель и грустно отходить отъ толпы.

А толпа все растетъ и растетъ...

Фальшивый двугривенный.

У Сухаревой башни базаръ.

Множество всевозможнаго люда снуютъ по площади взадъ и впередъ; продають, покупають, спорять, торгуются, ссорятся.

Въ одномъ мѣстѣ толпа народу окружила стоящихъ другъ передъ другомъ супруговъ, повидимому, небогатыхъ мѣщанъ.

Супругъ нѣсколько подъ хмѣлькомъ, одѣтъ въ коротенькій пиджакъ, въ нанковыя брюки за саногы и въ суконный картузъ. Супруга, въ ситцевомъ платьѣ и ватной кофтѣ, стоитъ, понуря голову; шерстяной платокъ сбить немного на сторону, лѣвая щека краснѣе правой.

— Что тутъ случилось? спрашиваетъ какой-то кунецъ, подходя къ толпѣ.

— Такъ, простая исторія: мужъ женѣ правоученіе читаетъ, а народъ, извѣстно дѣло, глупъ, смотритъ.

— Двугривенный фальшивой женѣ сдачи дали, ну, ее мужъ и канифолить, «зачѣмъ-де брала», поясняетъ торговецъ шарфами и кушаками.

Кунецъ пробирается въ первый рядъ.

— Ты што такое? спрашиваетъ мѣщанинъ жену, держа въ одной рукѣ фальшивый двугривенный, а другую, сжавъ въ кулакъ.—Ты первое дѣло—жена, второе дѣло—ты мать своему дитю, третье дѣло—ты хозяйка дома. Такъ? такъ должны ты свое вниманіе обращать какую тебѣ сдачу даютъ? А? Должна ты али нѣтъ?

— Я не различила, Петровичъ... Не замѣтила...

— А, ты не замѣтила!.. А на что у тебя глаза во лбу? На что они? Они даны кажинному человѣку на усмотрѣніе, што-бы человѣкъ видѣлъ все, што-бы онъ зналъ, какой двугривенный настоящій, какой фальшивый!.. Ежели ты теперича царскую монету отъ оловянной не отличаешь—гдѣ-же у тебя глаза?.. Отвѣ-чай, ш-ш-шеляма!

Супругъ даетъ супругѣ затрещину.

— Хо, хо, хо! грохочетъ толпа.

— Теперича ты взяла монету эту, она двадцать копѣекъ стоитъ и ежели она настоящая—за нее я могу чаю и сахару купить, могу хлѣба дитю своему купить, могу говядины или рыбы соленой купить... Могу, варварша ты необразованная, водки на нее четыре стакана купить, а теперь она — фю!.. Теперь она — пыль, соръ; теперь ее бросить нужно, ногой чикнуть, лети-де куда хошь, хошь къ черту!..

— Ида, тоже двугривенный-то на землѣ не подынешь, за его тоже поработаешь! слышится изъ толпы.

— По попѣшнему времени, двугривенный—деньги!

Мѣщанинъ указываетъ на толпу.

— Слышь, что добрые-то люди говорятъ. Слышь?.. Я, можетъ, за этотъ двугривенный полдня работалъ; можетъ я за него спину ломалъ, а ты его бросила, ты его даромъ отдала, за брюшную пуговицу промѣняла, оглашенная ты, харя эфіопская!..

— Ну, прости, Петровичъ, я вѣдь не нарокомъ... Ишь, она сдѣлана-то какъ похоже...

— Похоже?.. Рази, можетъ, истуканъ, сдѣланный, теперича, изъ дерева, на человѣка походить? Можетъ, или нѣтъ?.. Нѣтъ, дура ты необразованная, нѣтъ! Такъ и это: одна монета настоящая, серрребряная, звонкая монета, а другая—тьфу! Другую ты взялъ и бросилъ, потому она оловянная, а за звонкую монету тебѣ гдѣ хошь почетъ будетъ!..

— Ну, прости ее, молодецъ! слышится изъ толпы. Вѣдь ужъ не раззорить тебя двугривенный-то...

Мѣщанинъ оглядывается.

— Ахъ, какъ довольно тупо вы говорите!.. двугривенный нашъ обѣдъ и ужинъ, онъ намъ вотъ гдѣ сидитъ, двугривенный-то! На шеѣ сидитъ...

— Это точно што... Оно, браисъ ты мой, досадно, што говорить... Теперича на двугривенный можно чайку попить, газету почитать, да и на стаканчикъ останется...

— Именно!.. Я на двугривенный куражу сколько могу имѣть... Гдѣ-бы, теперича, чай пить идти, а она его... Расшибу я тебя, совиные глаза твои анаѣемскіе!..

Триста тысячъ нашель!

(РАЗСКАЗЪ).

Титулярный совѣтникъ Прокофій Яковлевичъ Странноносоевъ допилъ послѣдній стаканъ чаю, поспѣшно выкурилъ папиросу и сталъ надѣвать вицъ-мундиръ.

— До свиданья, Сераша, пойду, обратился онъ къ супругѣ, Серафимѣ Ивановнѣ, и, взявъ бумаги, вышелъ изъ комнаты.

Онъ отправлялся на службу.

День былъ отличный; слегка морозило; солнце ярко освѣщало золотыя главы кремлевскихъ соборовъ, По улицамъ сновали толпы разнокалибернаго, разношерстнаго люда.

— Экій денекъ-то! улыбнулся Прокофій Яковлевичъ, идя по улицѣ.—Погулять бы въ такой денекъ, променажъ сдѣлать, а потомъ бы въ трактирчикъ затесаться, по водочкѣ пройтись, растегайчикъ скушать или соляночки полпорціи, съ осетриной этакъ свѣженькой, съ капорцами и оливками!... Г-мъ, важно бы!... Атутъ вотъ иди бумагу изводить, въ душной канцеляріи сидѣть!... Эхъ ха-ха!...

Странноносоевъ глубоко вздохнулъ.

— До двадцатаго то числа еще не близко, а въ карманѣ у меня всего три рублишка, да и изъ нихъ гроша на себя изтратить нельзя: Сераша велѣла чаю, да сахару на всѣ купить... эхъ, жизнь наша!... Вотъ бы меня послали въ банкъ триста тысячъ отнести, я бы не потерялъ ихъ, какъ этотъ казначей Воспитательнаго дома, нѣтъ, шалишь, братъ!... Я бы.... я бы ихъ прикарманилъ!... Ей-Богу бы! Оно подленько это, да и страшненько, да ужъ деньги то больно, чортъ возьми, велики! триста тысячъ!! Ума помраченіе!... Я бы зналъ, что съ ними дѣлать.... А что бы я сдѣлалъ?

Прокофій Яковлевичъ даже остановился.

— Купилъ бы я сейчасъ себѣ пароходъ и махнулъ бы въ Америку! Ищи, поди меня!.. Впрочемъ какъ же бы я поѣхалъ-то? Я полагаю, изъ Москвы рѣки до американскихъ какихънибудь рѣкъ не доберешься?... Куда она впадаетъ-то?...

Да и зима теперь.... Я вотъ что: купилъ бы себѣ чужой паспортъ и за границу!... Языковъ не знаю, вотъ.... Наплевать! Приѣхалъ бы въ Парижъ какойнибудь или Берлинъ и безъ языка бы толкъ нашелъ съ деньгами то! Идетъ французъ—я къ нему. «Мусье, гдѣ тутъ трактиръ получше?—Шалля-ма-шо-фа-ля».... заборматалъ бы онъ, а я ему сто рублевой билетъ въ зубы—пойметъ!... Однако что-же я размечтался—вѣдь пора идти, я и то опоздалъ, пожалуй, Псой Степанычъ такую гонку задастъ!...

Страннопосовъ запахнулъ и быстро зашагалъ впередъ.

Чрезъ четверть часа онъ достигъ того историческаго мѣста, гдѣ казначей, Воспитательнаго дома *потерялъ* деньги.

— Вотъ они гдѣ потеряны, денежки-то! воскликнулъ Страннопосовъ и остановился.

— Нашелъ-же ктонибудь ихъ! Не лежатъ же онѣ по сіе время!... Экій счастливецъ, экій счастливецъ!... И не объявляетъ, падлецъ, объ паходкѣ своей, молчитъ!... Да и я бы не объявилъ!... Положимъ, сто тысячъ награды бы дали, да еще когда бы получилъ, да то бы да се бы, а у меня ужъ и теперь аппетитъ на растегай, да селянку явился, и тогда бы ухи стерляжьей захотѣлъ!

Прикарманилъ бы всѣ, да и аминь!...

Эхъ, мечты, мечты!...

Прокофій Яковлевичъ вздохнулъ и пошелъ отъ историческаго мѣста.

Шагахъ въ пяти отъ Прокофія Яковлевича, изъ за-груды какихъ то бревенъ, вспорхнули три вороны и, покружившись на мѣстѣ, опять опустились за бревно.

— Чего онѣ тутъ нюхаютъ? подумалъ Прокофій Яковлевичъ. Не котятъ-ли кто выкинулъ развѣ?—эти кровожадныя птицы живьемъ заклюютъ!...

Прокофій Яковлевичъ подошелъ и заглянулъ за бревно.

— А-а-ахъ! крикнулъ онъ и присѣлъ...

За бревнами лежалъ небольшой сакъ-воляжикъ, туго чѣмъ-то набитый.

— Деньги!... Триста тысяч!... Того.... Изъ дома Воспитательнаго!...

Съ быстротою кошки перескочилъ Прокофій Яковлевичъ черезъ бревно и схватилъ сакъ-вояжикъ.

— Нашелъ!... Мои... Триста тысяч!...

Быстро снялъ Странноносовъ съ шеи шарфъ, обернулъ имъ сакъ-вояжъ и чуть не бѣгомъ пустился по улицѣ.

— Извозчикъ! крикнулъ онъ, увидавъ Ваньку.

— Куда прикажете?

— Въ Америку!...

— Энто гдѣ-съ?

— Нѣтъ... того... не туда!... За границу!... Нѣтъ, вру, погоди!... Въ палату, того.... въ Кремль... На силу растолковалъ онъ изумленному извозчику мѣсто своего служенія и поѣхалъ туда, прижимая сакъ-вояжъ къ груди.

— На, на, получи, получи, голубчикъ!... Получи! Прокофій Яковлевичъ сунулъ извознику трехъ рублевую бумажку.

— Сдачи-то у меня, баринъ, нѣтъ....

— Не нужно, не нужно: возьми себѣ все!...

Помолись за упокой... то-есть нѣтъ! за здравіе казначея.... того.... за Воспитательный домъ!... Прокофій Яковлевичъ побѣжалъ:

— Опоздали сегодня, сударь! встрѣтилъ швейцаръ Прокофія Яковлевича.— Псой Степанычъ спрашивать васъ изволили, гдѣ, гыть, Странноносовъ? Я говорю: не бывали еще; разгнѣвались; дуракъ, гыть, онъ...

— Это я то?... Да я захочу.... Впрочемъ, нѣтъ - я ничего!... Ну, я пойду, пойду.... Побереги, Сидоровъ сакъ-вояжикъ мой, пока.... Тутъ такъ дрянъ пустяки!... Денегъ тутъ нѣтъ, ей Богу, нѣтъ!... Впрочемъ я того.... я съ собой его возьму....

— Эхъ хватилъ съ утра баринъ-то! подумалъ швейцаръ и улыбнулся. — Будетъ ему отъ начальника отдѣленія гонка нонѣ!

Странноносовъ между тѣмъ вбѣжалъ по лѣстницѣ и направился прямо въ кабинетъ своего ближайшаго начальника. Псой Степановича Пропращенскаго.

Онъ дѣйствовалъ, такъ сказать, по инерціи. Чиновникъ и въ день суда страшнаго побѣжить въ свою палату, а Прокофій Яковлевичъ былъ пущенъ по дорогѣ своей лѣтъ двадцать и въ не табельный день пропустить службу для него было немислимо.

— Вы что это, милствій сдарь, маанки-ровать вздумали?... На службу опаздывать? Я васъ, сударь.... встрѣтилъ начальникъ Прокофія Яковлевича.

— Я-съ... Я-съ того-съ... Позвольте-съ мнѣ не быть сегодня-съ...

— Это почему?!

— Нашелъ-съ... Нѣтъ, не нашелъ-съ, ей Богу нѣтъ-съ!... У меня жена родила, вашество-съ...

— Какъ жена родила?!

— Такъ-съ, просто-съ... Отъ бремени разрѣшилась...

— Вѣдь у васъ жена въ прошломъ мѣсяцѣ родила? Помните—вы просились у меня?

— Она опять-съ.... Нѣтъ-съ, не она-съ, а я самъ-съ...

Начальникъ вытаращилъ глаза.

— То-есть я не того-съ и она ничего-съ, а только мнѣ заграпицу... того-съ! Я хочу въ Парижъ и служить.... того-съ не буду....

— Да вы пьяны!... Вы какую-то чушь городите!... Что это у васъ за узель?

— Это-съ.... Тутъ изъ Воспитательнаго дома-съ...

— Какъ изъ Воспитательнаго дома?! Ребенокъ?!...

— Нѣтъ-съ, я не то!... Тутъ нѣтъ, ей Богу нѣтъ-съ?... Тутъ бѣлье-съ, я изъ бани.... Вашество, позвольте мнѣ въ отставку-съ, я служить не желаю-съ....

Начальникъ даже съ мѣста всталъ.

— Да вы или пьяны, или съ ума сошли! Что съ вами? Что съ вами? Что у васъ тутъ въ сакъ-вояжѣ? Покажите мнѣ....

— Не троньте!... Не пущу!...

Прокофій Яковлевичъ прижалъ къ себѣ сакъ-вояжъ и отскочилъ отъ начальника.

— Впрочемъ, нѣтъ, вашество, я скажу-съ, покойнѣе будеть-съ.... Вѣдь дадутъ мнѣ сто тысячъ-то?... А теперь-бы пока рублей сто дали, я-бы того, Серашѣ-бы далъ.

Пропращенскій схватилъ колокольчикъ и громко зазвонилъ. Вбѣжалъ экзекуторъ.

— Сидоръ Сидорычъ, возьмите, батюшка, Странноносова: онъ съ ума сошелъ! Ей-Богу, сошелъ съума!... Его нужно въ больницу отправить! обратился начальникъ къ экзекутору. Тотъ вытаращилъ глаза.

— Вашество, я не сошелъ-съ, ей Богу; не сошелъ-съ! Я нашелъ-съ!...

— Что нашли?

— Деньги-съ, триста тысячъ, которыя казначей Миленскій потерялъ-съ.... Вотъ опѣ, здѣсь-съ....

— Какъ?! воскликнули начальникъ и экзекуторъ и бросились къ Прокофію Яковлевичу.

— Такъ-съ... иду, а опѣ и того-съ... лежать.—Сто то тысячъ пожалуйте мнѣ... теперь бы того-съ...

Быстро вырвалъ изъ рукъ Прокофія Яковлевича начальникъ сакъ-вояжъ и подбѣжалъ къ столу. Экзекуторъ и Страннопозовъ бросились за нимъ.

— Надо дать знать... полиціи... депешу дать... находка... капиталъ... мой подчиненный... курьера! бормоталъ Псой Степановичъ и, быстро схвативъ перочинный ножикъ, распоролъ сакъ-вояжъ....

Кусокъ говядины, связка баранокъ и фунтовъ пять черного хлѣба выпали изъ сакъ-вояжа на столъ...

Картина!

Насилу водой отпоили Прокофія Яковлевича послѣ такого пассажа, и когда злополучный титулярный совѣтникъ очнулся, первымъ его словомъ было: «Господи, какую феферу задасть мнѣ Сераша сегодня!..

— За что спросили его хохотавшіе до колики въ животѣ сослуживцы.

— Три рубля она мнѣ на чай и сахаръ дала, а я ихъ того....

— Прокрутили?

— Нѣтъ, извощику отдалъ!..

Въ аптекѣ.

(сценка).

Одна изъ московскихъ аптекъ. Вечеръ. Нѣсколько фармацевтовъ и аптекарскихъ учениковъ готовятъ лекарства; провизоръ стоитъ у конторки и принимаетъ рецепты. На деревянныхъ диванчикахъ сидятъ нѣсколько человѣкъ, ожидающихъ различныхъ микстуръ, капель и порошковъ. Входитъ мужичекъ и, помолвившись на икону, кланяется провизору.

— Добраго здоровья, ваша милость, говоритъ онъ и чешетъ затылокъ.

— Здорово! Чего тебѣ нужно? спрашиваетъ провизоръ.

— Мнѣ-то?..

— Да, тебѣ-то?

— Нога, вишь ты, у яво болить: топоромъ онъ ее саданулъ; рубилъ плаху, да ка-аакъ саданетъ—индо до кости!... Хозяинъ взялъ яво, да за волосы, а онъ яму, въ сердцахъ-то, въ рыло и шаркнулъ...

Публика и ученики смѣются.

— Я ничего не понимаю! говоритъ провизоръ. Чего тебѣ нужно-то здѣсь? Лекарства, что-ли, какого?

— Нѣтъ, лекарства не нужно, пошто лекарство! Ему куфарка наша завязала ногу-то, и ничаво...

— Кому ему?

— А братану моему; ногу онъ, слышь ты, порубилъ топоромъ...

— Такъ чего-же тебѣ нужно-то здѣсь, если лекарства не нужно?

— А братанъ-то хозяину, подрядчику то-ись нашему, въ рыло съѣздилъ...

— Ну?

— Къ мировому яво и волокутъ, братана-то мово, такъ я къ вашей милости и пришелъ: явите Божескую милость: нельзя-ли яво ослобонить...

Опять слышится смѣхъ. Мужикъ въ недоумѣніи оглядывается.

— Чудакъ ты, братъ, какой, говоритъ провизоръ, — чѣмъ-же мы тутъ можемъ помочь?

— Да вѣдь у васъ аптека! спрашиваетъ мужикъ.

— Аптека, такъ что-же изъ этого?

— Такъ ты, ваша милость, и ослобони яво отъ мирового-то: онъ-де въ сердцахъ, отъ боли яво заушилъ, потому больно дюжо ногу-то саданулъ; фитанцю такую дай...

— Никакихъ квитанцій мы не даемъ, мы лекарства приготавлиемъ,—это не наше дѣло, любезный.

— Слышь ты, братанъ-то мой...

— Иди, иди съ Богомъ!.. Это не наше дѣло, иди!

Мужикъ снова чешетъ затылокъ и медленно идетъ къ двери.

— А мнѣ робята говорили: «иди, гыть, къ дохтору, онъ-те фитанецъ», — говоритъ онъ и останавливается. Ежели задаромъ нельзя я заплачу, ваша милость, только какъ-бы яво ослобонить...

— Да иди-же ты, это не наше дѣло! уже сердито говоритъ провизоръ. Здѣсь не докторъ, а аптека; иди, не мѣшай тутъ! Мужикъ уходитъ.

— Народъ необразованный, одна дикость въ немъ, замѣчаетъ по уходѣ мужика сидящій на лавочкѣ мѣщанинъ, не относясь ни къ кому въ особенности.

— Гонять ихъ нужно, милый, гонять! отзывается сидѣвшая рядомъ странница, дожидаящаяся приготовления микстуры.

— Тысь изъ аптеки-то-съ? спрашиваетъ мѣщанинъ.

— Отовсюду, миленькій, отовсюду... Убивцы они, тати, опойцы, блудницы... На позпрошлой недѣлѣ въ селѣ Сидоровѣ Костромской губерніи я ночевала у одной огородницы, Христовымъ именемъ ночевала, миленькій, и, уходящи, положила, по затмѣнію, въ свою котому платокъ ея, такъ, не-

важненькій платчишко... У меня его обрящили и били меня, миленькій, смертнымъ боемъ били... Отовсюду ихъ гнать нужно, миленькій!...

Мѣщанинъ глубокомысленно соображаетъ.

— Ежели вы, тетенька, — говоритъ онъ, — по затмѣнію, платокъ положили — бить оно точно что не слѣдуетъ, а ежели съ умышленіемъ — подобаешь; потому подобаешь, что воровъ вобще учить слѣдуетъ; ономнись у насъ паренекъ шлею сперъ, и мы его... Хе, хе, хе!.. Дегтемъ обмазали, собакой притравили и въ заключеніе всего прочаго шею накостиляли, убѣдительно накостиляли!..

— Ахъ, миленькій, вы люди городскіе, вамъ это прости-тельно, а они люди черные, безъ понятія... Они съ городскимъ человѣкомъ должны съ уваженіемъ обходиться, особливо ежели человѣкъ этотъ благороднаго или духовнаго званія; я имъ, миленькій, докладывала, что я дочь соборнаго паномаля!

— Вотъ это рази, соглашается мѣщанинъ.

— Микстура Вертоградовой готова, говоритъ провизоръ.

Страница поспѣшно встаетъ.

— Я Вертоградова, господинъ хорошій, и...

— Сорокъ пять копѣекъ.

— По моему сану, можетъ, уступка будетъ?..

— По какому сану?

— Страница я, по святымъ мѣстамъ странствую, милостивый государь...

— Это все равно, у насъ такса для всѣхъ равна...

— Равна? Ну, получите, милостивый государь, получите. Такъ какъ вы нѣмецкаго вѣрованія, такъ оно точно что вамъ все равно, а благодѣтели изъ русскихъ намъ большое снисхожденіе дѣлаютъ... Получите, милостивый государь.

Страница тщательно завязываетъ стклянку съ лекарствомъ и идетъ изъ аптеки; на встрѣчу ей входятъ два купца, одинъ навеселѣ, другой — «готовъ».

— А, странное племя! говоритъ готовый купецъ. — Въ Ерусалимѣ была?

— Была, благодѣтель, была, за васъ молитвы возносила...

— Получи двугривенный и исчезни, яко дымъ!.. Ѳедя, проходи къ выручкѣ!..

— Вамъ что угодно? спрашиваетъ провизоръ купцовъ.

— Ѳедя, чего намъ угодно?

— Вотъ те фунтъ!.. Да вѣдь ты-же велѣлъ заѣхать сюда, въ аптеку, говоришь, завернемъ...

— Я, точно что я... погоди, дай память... А у васъ какой предметъ въ ходу болѣ?

— То-есть какъ это? Мы вообще торгуемъ лекарствами, здѣсь аптека.

— Вобщемъ... Аптека... Ахъ, што-бъ тебѣ!.. Супруга утромъ наказывала: заѣзжай, гыть, въ аптеку, купи... Ты не помнишь, Ѳедя, чаво?

— Первый разъ, братъ, слыша; да ты вотъ что — домой поѣдемъ, я ужъ завтра, видно, купишь снадобья-то...

— Ниѣтъ, паади! Ежели теперича супруга наказывала — я долженъ!.. Я хошь тово, вкусилъ, а все-же не тово... У ей, вишь ты, господинъ аптекаръ, отрыжка, изжога и маленько голова не въ порядкѣ—какое у васъ супротивъ энтото средство есть?... Закати ей пилюлю какую нибудь!

— Не зная болѣзни, я не могу давать лекарства, да это не наше дѣло...

— Это вотъ дѣло! Точно што это не ваше дѣло, потому на это доктора есть... Ну, извини, извини меня... Я, браисъ ты мой, выпимши, а я ничаво, я тебя не обижу, потому ты человекъ хорошій... Ты нѣмецъ или юдей?

— Нѣмецъ, нѣмецъ!.. Потрудитесь идти, вы здѣсь задерживаете...

— Ково? Я покупатель, а ты продавецъ, и, стало-быть, ты обвязанъ меня удовлетворить; можетъ, я у тебя на сто рублей твою товару куплю, а ты говоришь — идите!.. Свѣсь мнѣ два фунта александринаскаго листу и фунтъ гумознаго пластыря!.. Што смотришь? Я тебѣ свѣтить приказываю—ты и вѣсь, потому ты не имѣешь права не вѣшать,—вотъ те деньги!..

— Вася, не безобразь, поѣдемъ! уговариваетъ другой купецъ, но Вася упирается...

— Нѣтъ, стой!.. Ежели я покупатель, онъ долженъ отпустить!.. Вѣсь гумознаго пластырю!.. У меня, можетъ, отецъ скоропостижно умираетъ, а ты мнѣ препону дѣлаешь? Вѣсь!

— Помилуйте, милостивый государь, если вы сію минуту не уйдете отсюда—я приглашу полицію! говоритъ провизоръ.

Купецъ смотритъ на него, улыбается и убираетъ вынутый бумажникъ.

— Полицію?.. Ну, я уйду, уйду... Вѣдь я ничаво, я вѣдь такъ, а ты, дурашный, испугался, осерчалъ... Я...

— Идите-же, наконецъ! возвышаетъ голосъ провизоръ.

— Уйду, уйду... Одея, поѣдемъ... А вотъ што, господинъ аптекаръ: нѣтъ-ли у тебя бальзанчику какого?

— Нѣтъ, нѣтъ, идите съ Богомъ!..

— Ну, уйду...

Купецъ беретъ пріятеля подъ руку и идетъ къ выходу.

Прощай, гумозный пластырь! кричитъ онъ у дверей и выходитъ.

Провизоръ, фармацевты и ожидающаи лекарствъ публика смѣются.

На дешевкѣ.

(сценка).

Магазинъ галантерейныхъ и модныхъ товаровъ; на дверяхъ и окнахъ крупными буквами надписи: «распродажа по дешевымъ цѣнамъ». Человѣкъ семь прикащиковъ едва успѣваютъ удовлетворять требованіямъ многочисленныхъ покупателей. Множество особъ прекраснаго пола; есть и мужчины.

— А, Матрена Сакердановна, и вы здѣсь! кричитъ, входя въ магазинъ, полная рябая барыня, обращаясь къ рыжей въ веснушкахъ особѣ, лѣтъ сорока, но одѣтой по послѣдней модѣ.

— Да и я здѣсь, Агафья Филипповна. Чтоже вы такъ удивились? Я, кажется, не старуха, чтобы дома сидѣть, жолчно говорить рыжая.

А вы ужь и обидѣлись! Я вѣдь со всѣмъ моимъ расположеніемъ, а не то что... Покупаете что?

— Да, покупаю... А вы?

— Остаточковъ пришла посмотрѣть, остаточковъ, Матрена Са-кердановна... Мнѣ подлець-то только три рубля на дешевку далъ!

— Какой подлець?

— Муженекъ любезный... На Пасху жалованье получилъ, награду дали разбойнику, а онъ три рубля на дешевку отвалилъ! Любо-ли, милая моя?

— Гмъ! Да, непріятно, конечно...

— То-есть, убійственно!.. Хорошо вамъ, что вы замужъ не пошли, въ дѣвицахъ осталась: сущіе разбойники—мужья эти!

— Почему-же вы думаете, что я въ дѣвицахъ останусь? вспыхнувъ говорить рыжая. Это даже очень обидно... Я даже очень мечтаю о замужествѣ, только не нахожу себѣ подходящаго, такъ какъ, живя безъ мамы и папы, боюсь, по неопытности своей, ошибку въ выборѣ сдѣлать....

— Это вы, сударыня, говорите о товарахъ-съ? Очень не мудро ошибку сдѣлать! вступаетъ въ разговоръ отставной военный —Я прошлаго года купилъ себѣ полотно на бѣлье-съ, и вообразите себѣ...

— Я вовсе не о товарѣ говорю, а объ мужчинахъ, жеманно перебиваетъ рыжая.

— Ахъ-съ, вотъ о чемъ!.. Нда-съ, мужчины, особенно военные-съ, народъ продерзостный и самый убійственный для дамскаго пола... Я вотъ на Кавказѣ когда служилъ, такъ одну барышню съума свелъ-съ!

— Что вы?!

— Честное слово-съ. Ежедневно, знаете, пьяный напивался и у себя въ комнатѣ изъ винтовки стрѣлялъ-съ, а она рядомъ въ комнатѣ жила; однажды ночью испугалась, и въ умѣ у ней помѣшательство сдѣлалось...

— Ахъ, а я думала отъ любви!

— Нѣтъ-съ, я любовью не занимался, потому у насъ полковница очень ревнива была и всѣхъ офицеровъ ревновала-съ, любила, что-бъ за ней одной ухаживали-съ...

— Какая странная!.. Помогите мнѣ, капитанъ...

— Поручикъ Пальмолюбовъ, сударыня!

— Pardon!.. Помогите мнѣ, поручикъ, выбрать ленты, которыя-бы ко мнѣ шли ..

— Ахъ, съ восторгомъ, сударыня!.. Эй, любезный, покажите ленты сюда!

— А мнѣ остаточки покажите, голубчикъ... Нѣтъ-ли у васъ шерстяныхъ остаточковъ...

— Остаточки всѣ, сударыня, не угодно-ли взять отъ куска? Мы по своей цѣнѣ продаемъ-съ.

— Знамо не по чужой, а по своей, вставляетъ, подходя къ прилавку, объемистый купецъ. — Да-ка-съ мнѣ коленкору аршиновъ пять. .

— На какой вамъ предметъ требуется?

— Тебѣ на саванъ!.. Што тебѣ за дѣло, на какой предметъ? Ты давай — знай!..

— Я собственно потому-съ, что различнаго сорта каленкору есть...

— Кажи лучшаго, не того, что на дешевку-то вы припасаете; гнили, да пыли мнѣ не надо....

— А развѣ на дешевкѣ все гниль? кокетливо спрашиваетъ купца пикантно одѣтая дама.

— Чиво-съ?

— Развѣ на дешевкѣ все гниль?

— Извѣстно дѣло — гниль; одно слово, что дешевка, а просто заманка для бабьяго пола...

— Однако вотъ вы пришли-же....

— Чиво-съ? Нѣтъ, мы такими пустяками не занимаемся, энто ужъ для дуръ-бабъ заведено, особливо для тѣхъ, у которыхъ мужья глупы, потачку даютъ....

— Фи, какой грубый!

Барыня отходитъ.

— Душенька, Катенька, милая! умоляющимъ голосомъ говоритъ какой-то тощенькій субъектикъ, обремененный свертками и узелками, входя въ магазинъ, слѣдомъ за полной, раз-

фуфыренной барыней.—Вѣдь ужъ всего накупила, все есть, пойдѣмъ теперь, Катеночекъ, домой!

— Замолчите! грозно говоритъ дама и подходитъ къ прилавку.

— Покажите мнѣ... Что-бы такое купить? А? Покажите мнѣ, что у васъ есть дешевое...

— Все по фабричнымъ цѣнамъ, сударыня-съ! Съ уступкой сорока процентовъ продаемъ-съ, въ убытокъ эти дни торгуемъ-съ!

— Слышите? обращается дома къ мужу.—Слышите? Какой-же вы хозяинъ, если не умѣете купить все во время?

— Да, матушка, вѣдь это все враки...

— Замолчите!.. По чемъ у васъ эти дѣтскія одѣяла?

— Безъ запросу, по три рубля-съ заграничныя-съ, козьяго пуху....

— Заверните мнѣ два одѣяльца....

— Катенька, да зачѣмъ тебѣ одѣяла?! Вѣдь у насъ дѣтей нѣтъ, матушка...

— Да вѣдь дешевы, поймите! Вѣдь заграничныя!

— Да дѣтей-то вѣдь у насъ нѣтъ...

— Я нынче на воды поѣду.

Супругъ изумленно таращить глаза.

— Такъ что-же?

— Ну, и буду этими одѣялами ноги грѣть послѣ ванной.— Заверните.

— Господи!.. Катенька, вѣдь намъ нужно завтра проценты въ кассу вносить...

— Замолчите!.. Покажите мнѣ еще что-нибудь хорошенькое...

— Есть великолѣпные костюмы для комнатной гимнастики-съ, только на-дняхъ изъ Парижа получены...

— Покажите мнѣ...

— Катенька! вмѣшивается супругъ да зачѣмъ-же тебѣ костюмы для гимнастики?! Матушка опомнись!

— Замолчите! Вы знаете, что все съ уступкой сорока процентовъ продаютъ?

— Да хоть-бы ста сорока, такъ и то костюмовъ для гимнастики намъ не нужно!

— А мнѣ вотъ нужно: я буду дѣлать цѣлебную гимнастику, когда куплю костюмъ; всѣ порядочные люди дѣлаютъ. Покажите костюмы.

Мужъ въ изнеможеніи опускается на стулъ.

— А покажите мнѣ, пожалуйста, модные галстуки! ловко влетаетъ какой-то франтъ.

— Самые лучшіе есть, изъ Парижа на дняхъ-съ... Пожалуйста-съ... Вотъ аля Гамбета, вотъ-съ аля Бонту, вотъ аля Сальвини, аля Казеневъ...

— Нѣтъ-ли у васъ такого, какой носить Пьеръ Заковырчиковъ?

— Мы ихъ не знаемъ-съ...

— Ахъ, Боже мой, какъ вы не знаете Пьера Заковырчикова!.. Пьера, его всѣ знаютъ, онъ постоянно бываетъ у баронессы Швахнахъ... Брюнетъ, высокаго роста, картавить немного и премило поетъ шансонетки...

— Что дешево на энтихъ дешевыхъ товарахъ, такъ, это братецъ ты мой, дураки! Тыся и сколько ихъ понапихано вездѣ—такъ это страхъ! замѣчаетъ купецъ, торгующій коленкоръ.

Франтъ смотритъ на него.

— Э... это вы на мой счетъ, почтенный? спрашиваетъ онъ, прищурившись на купца.

— Чиво-съ?

— Вы это на мой счетъ?

— Коленкоръ-то покупаю? Нѣтъ-съ, за свои наличныя-съ...

— Не коленкоръ, милостивый государь, а ваше дерзкое замѣчаніе!

— По адресу, кто, значить, получить, тому и слѣдуетъ... Мы вобще до востребованія посылаемъ-съ... Больше, какъ по двѣнадцати копѣекъ, я не дамъ за энтотъ каленкоръ, а то и не нужно...

Купецъ идетъ къ выходу.

Въ магазинъ входятъ новыя покупательницы и, какъ на приступъ, лѣзутъ къ прилавку...

Пустынное дѣло.

(РАЗСКАЗЪ).

I.

Праздничный день. Обыкновенно пустынный и словопоску-чающій городъ оживился. На бульварѣ гремитъ оркестръ музыки, по улицамъ, снуютъ толпы разряженного народа, катятъ пролетки, коляски, шарабаны; въ трактирахъ—дымъ коромысломя. На балконахъ, въ зелени и цвѣтахъ, многочисленное общество туземныхъ аристократовъ. Тутъ и вице-губернаторъ, съ административнымъ лицомъ и элегантными манерами, и жандармскій полковникъ внушительнаго и воинственнаго вида, и управляющей казенной палаты, либераль и «красный», но весьма исправный чиновникъ и очень строгій начальникъ; тутъ и совѣтникъ губернскаго правленія, немного робкій и застѣнчивый человѣкъ, недавно вышедшій въ люди и чувствующій себя не совсѣмъ ловко въ кругу начальства, но крайне довольный и по этому ликующій; онъ все подходитъ къ рѣшеткѣ балкона и гордо пасматриваетъ на гуляющихъ, принимая свободныя позы и улыбаясь кому-то крайне почтительно, но въ тоже время и дружелюбно.

Губернаторъ любезенъ и милъ со всѣми, хотя и не позволяетъ съ подчиненными фамиллярности, чтобъ тѣмъ не ослабить свою власть. Подчиненные смотрятъ на него съ благоговѣніемъ и страхомъ, стараясь всѣми силами не подать повода чѣмъ-либо огорчить его и поспѣшно изъясняя свое согласіе со всѣмъ, что бываетъ угодно высказать ему въ спорѣ съ либеральнымъ управляющимъ казенной палаты; а совѣтникъ такъ даже съ недоумѣніемъ смотритъ на управляющаго и пожимаетъ плечами, особенно, когда губернаторъ взглядываетъ въ его сторону. Впрочемъ, не смотря на споръ губернатора съ управляющимъ, всѣмъ очень весело, а главное—пріятно: и у губернатора въ гостяхъ, и вечеръ отличный, и ужинъ предстоитъ хорошій.

На площадкѣ передъ домъ стоитъ порядочная толпа; и тутъ есть кой-кто изъ интеллигенціи, но больше простой народъ: мѣщане, мастеровые, мужики и солдаты. Толпа зѣваетъ на балконъ, слушаетъ музыку и съ величайшимъ вниманіемъ наблюдаетъ за приготовленіемъ иллюминаціи.

Расторопный и не въ мѣру услужливый квартальный съ двумя хожалыми хотѣлъ было разогнать толпу, но губернаторъ это замѣтилъ и сказалъ полицеймейстеру: «полковникъ, прикажите, пожалуйста, этому болвану оставить народъ въ покоѣ; пусть, они веселятся, лишь-бы не было шуму и безпорядковъ».

— Народу слѣдуетъ принимать участіе въ удовольствіяхъ интеллигенціи, замѣтилъ при этомъ либеральный управляющій казенной палаты.

Полицеймейстеръ бросился исполнять приказаніе, зашипѣлъ, замахалъ на изумленного квартального и назвалъ его даже дубиной, что онъ дѣлалъ только въ очень рѣдкихъ случаяхъ.

Толпа осталась.

Ближе всѣхъ къ балкону протѣснился какой-то мужикъ въ сѣромъ кафтанѣ, въ новой ситцевой рубахѣ и въ смазанныхъ дегтемъ сапогахъ, очень поношенныхъ, но содержавшихся въ отличномъ порядкѣ. Положивъ руку на плечо къ солидному кучеру и опираясь другою на палку, мужикъ привсталъ на носки и съ напряженнымъ вниманіемъ смотрѣлъ на балконъ. Лицо мужика, степенное и какъ-то особенно кроткое, выражало не простое праздное любопытство, а именно напряженное вниманіе и нѣкоторый испугъ.

— Поштенный, а поштенный, потрогалъ онъ кучера за руку. Тотъ оглянулся.

— Чаво тебѣ? спросилъ онъ, смѣривъ мужика глазами съ ногъ до головы и остановивъ взглядъ на его симпатичномъ лицѣ.

— А вотъ што, хочу я спросить вашу милость, вѣдь эфто губернаторскій домъ? спросилъ мужикъ.

— Губернаторскій; у него, у губернатора-то, сегодня, значить, вечеръ, по нашему—пирушка, вотъ всѣ господа и собрались, вишь, на балконъ чай кушаютъ.

— Такъ-съ. А самъ-то, губернаторъ-то, тутъ? снова спросилъ мужикъ.

— Извѣстно—тутъ! Какъ-же ему гостей однихъ рази оставить?

— Который-же эфто онъ-то? Укажи, поштенный, будь благодарѣтель.

— А вотъ по самой-то середкѣ сидить, сюда лицомъ, съдоватый такой, усы и подбородокъ пробриты; вотъ што съ подноса стаканъ-то беретъ. Видишь?

Мужикъ вытянулъ шею и впился глазами въ губернатора.

— Вижу, родимый, вижу! тихо проговорилъ онъ и снялъ шапку, продолжая смотрѣть на балконъ.

— Словно-бы простой. Вишь, засмѣялся... Вона, вона! про себя говорилъ мужикъ.

Кучеръ улынулся, глядя на него.

— Чудной ты, дядя! Нѣшто, ты никогда не видалъ губернаторовъ?

— Нѣ, кормилицъ, не приводилось: мы дальніе, въ губернію куды намъ—мало ходимъ. Ишь ты, какой онъ, а! Одежа на емъ самая простая, кажись, пра! Я нерво думалъ, что губернаторъ-то вонъ тамо, въ золотыхъ-то наплечникахъ, съ усамъ-то; тотъ какъ есть начальникъ, а этотъ—на поди! А! покачалъ мужикъ головой и опять принялся разсматривать губернатора.

— А што, поштенный, я васъ поспрошаю—онъ нашего брата пушщаетъ?

Кучеръ засмѣялся.

— Тысь какъ эфто? въ гости, что-ль?

— Нѣ, милый, куды въ гости. Я теперь къ примѣру говорю, коли дѣло есть, а то гдѣ въ гости!..

— По дѣлу всеконечно пушчаетъ; къ нему мало-ли народа всякаго ходитъ съ прошеніями али тамъ съ чѣмъ; ежедневно, окромя праздниковъ, можешь идти; прямо, братецъ ты мой, въ приѣмную тебя введутъ, поставятъ, онъ выйдетъ, прошеніе отберетъ и ризалюцію положить: что и какъ. Я много разовъ бывалъ, у насъ съ помѣщикомъ въ землѣ распря была...

— И ничаво? спросилъ мужикъ.

— Тоись что—ничаво?

— Приметь?

— Я-жь тебѣ объ эфтомъ и говорю!

— И разсудить, какъ должно, по-человѣчески?

— Все какъ есть, по закону. А у тебя дѣло, что-ль, какое есть?

Мужикъ отвелъ глаза отъ балкона и обратился къ кучеру, все еще не надѣвая шапку.

— Дѣло, кормилецъ, дѣло. Затѣмъ и въ губернію пришелъ, за триста верстъ пришелъ и работу на жену, да на сноху покинулъ. Сегодня по утру пришелъ, да, ты вишь, правду молвилъ, по праздникамъ-то не пушшаютъ къ губернатору-то: завтра, вишь, надо, говорятъ, приказной мнѣ какой-то сказать...

— Вѣрно. Какое-жь у тебя дѣло дядя?

Мужикъ кинулъ еще взглядъ на балконъ, надѣлъ шапку и, опершись на палку, заговорилъ съ одушевленіемъ.

— А дѣло у меня, родимый, вотъ какое: сынокъ у меня есть, женатый ужъ, дѣти есть, годовъ ему чай тридцать, али около того, есть. Сынокъ—во какой! Душа, я тебѣ скажу! Онъ и родителю почитатель, и семейству работникъ, и міру слуга... Не пригоже-бы мнѣ свое дѣтище хвалить, да и изъ правды слова не выкинешь, и завсегда я Господа Бога за своо сына благодарю! Хмѣльнаго въ ротъ не беретъ, разумъ словно-бы и не мужицкій у него, въ грамотѣ, по нашему мѣсту, дюжо силенъ, одно слово—мужикъ, какихъ поискать!..

— Что-жь, въ солдаты его, что-ли, берутъ? спросилъ кучеръ.

— Пошто въ солдаты—онъ у меня одинъ, а мнѣ годовъ-то много, за шестой десятокъ перешло. Яво, вишь ты, стегать хотятъ на волости...

— Тысь, какъ стегать?

— А по приговору волостнаго суда, кормилецъ, стегать хотятъ; сѣчь, значить, въ правленіи...

— Ну?

— Дѣло, вишь ты, такое вышло. Есть у насъ лѣсъ мірской, лѣсъ дюжо хорошій,—рослый, здоровый, такого и по округѣ не много, баринъ намъ лѣсъ этотъ подарилъ, а у насъ баринъ—такихъ мало: отецъ! Подарилъ эфтотъ лѣсъ,—«владѣйте, говорилъ, мужички, вамъ лѣсъ пригодится, а мнѣ не надо—я, говорить, въ чужіе края ѣду и, можетъ, не вернусь, и дѣтей, говорить, у меня нѣтъ». Ладно. Только и сталъ эфтотъ лѣсокъ у міра одинъ торговецъ сватать; торговецъ богатый изъ нашего-же села, нашъ, примѣрно, крестьянинъ. У яво, знашшь, заведеніевъ разныхъ много: онъ, и клеевой заводъ имѣеть, и лѣсомъ торгуеть, и кабаковъ по нашему мѣсту до пяти есть. Ладно. Міръ поначалу куда тебѣ, не продаетъ: «надо, молъ, самимъ!» оно и истинно такъ: надо, во какъ надо, эфтотъ лѣсъ! Одначе Спиридонъ Семенычъ, эфто богатѣй-то нашъ, торговецъ-то, дѣло оборудовалъ, оно и не мудрено для яво—всѣ-то ему, почитай, должны, всѣ-то у яво въ почтеніи, а какъ онъ выставилъ міру-то ведеръ безъ малаго десять вина, міръ и загалдѣлъ «продать, да продать!» а тутъ наши большаки, голова, знашшь, староста, да коноводы-то, а они всѣ друзья-пріатели Спиридону-то, поддерживали, да и дѣлу конецъ—лѣсокъ-то сталъ не нашъ вѣдь! Ей-Богу! Вотъ мой сынокъ и не стерпѣлъ, куда какъ до мірскаго то добра хранителенъ онъ, пуще, кажись, свою! Не стерпѣлъ, да и баеть: «што, молъ, вы, мужички, дѣлаете? Рази, гыть, у васъ разуму нѣтъ, што вы экое доброе почестъ за даромъ отдаете? Вѣдь намъ, гыть, безъ эфтого лѣсу годовъ черезъ десять ре-вѣтъ придется, одумайтесь, гыть, православные, послушайте мово дурацкаго разума». Ну мужики, особливо, кои поразсудочнѣе-то, да потрезвѣе и уперлись было, а Спиридонъ-то выскочилъ на середку, вынулъ бумажникъ, да и выкидываетъ пять красныхъ.

— Коли, гыть, вамъ мало—вотъ вамъ отъ меня на гульбу; поминайте, меня, а эфтого, голыша-то,—эфто про сынка-то мово,—вы не слушайте: у яво, гыть, еще материно молоко не обсохло, молодъ міръ-то учить». Мой-то и не стерпѣлъ: «ахъ ты, гыть, міроѣдъ окаянный! Спойлъ ты всю волость

нашу, да еще грабить хочешь, аспидъ; въ колья-бы, гыть, тебя, разбойника, слѣдовало изъ села-та! Да, кормилецъ, такъ и сказалъ, не стерпѣлъ, вишь-ты. А опослѣ того міру-то всему поклонился, да и говоритъ: «простите, православные, а не терпитъ душа, штобъ не молвить вамъ: робята вы по разуму, пропили вы яво въ кабакахъ у Спирьки и идете къ нему-же въ кабалу!» А у самого индо слезы приступили къ горлу... Загалдѣли, зашумѣли мужики, а Спиридонъ такъ землю и рветъ! «Меня, баеть, исправникъ съ собой чай пить сажаетъ, господа въ гости ѣздятъ, архирей изъ губерніи грамоту за пожертвованіями прислалъ, а тутъ, гыть, при всемъ мірѣ какой-то голышъ осрамилъ!» И-и какъ разошелся, страхъ!...

Мужикъ помолчалъ и снова взглянулъ на балконъ.

— Ну? тронулъ его кучеръ за руку.

— Ну, на волостномъ судѣ и присудили мово сына отстегать...

— И отстегали?

— Нѣтъ, кормилецъ, еще не отстегали: онъ, вишь ты, жалобу въ присутствіе по хрестыанскимъ дѣламъ подаль, а какъ присутствіе-то рѣшило, по старому-же, значить, штобъ, какъ волостной-то судъ рѣшилъ, такъ сынокъ-то мой захворалъ, слегъ совсѣмъ, значить: таково ему горько, да срамно стало экое-то надругательство надъ собой переносить!

— Что-жъ слабъ здоровьемъ, значить, твой сынъ, коли дерки испугался? Чай, не Богъ знаетъ што, по закону-то 20 ударовъ только можно, для нашего брата ефто, какъ быдто, плевое дѣло! сказалъ кучеръ и засмѣялся.

— Вѣрно, согласились кругомъ слышавшіе рассказъ мужика. Для мужика это все равно, что муха укуситъ!... Оно—другое дѣло, коли здоровье слабое, хилый, можетъ....

— Нѣтъ, кормильцы, не то вы баете. Сынокъ у меня, слава тѣ Господи, мужикъ во какой, и силой, и здоровьемъ Богъ не обидѣлъ, такихъ по силѣ у насъ и нѣтъ,—по силѣ-то онъ и не то снесетъ,—да обидно, опять-же онъ, Богъ яво знаетъ, не переносный до стыда-то больно. «Я, баеть, ба тюшка, помру, коли такой срамъ приму»...

— Такъ за эфтимъ-то дѣломъ за триста верстъ и притащился, старикъ? спросилъ кучеръ.

— За эфтимъ, кормилецъ, за эфтимъ!.. Буду кланяться губернатору-то, коли меня до его милости допустятъ.

— Чудачина ты, дядя, право! Ну отпорютъ! Всталъ, встрепенулся,—и шабашъ! Для нашего брата эфта наука не мѣшаетъ и, вотъ те Христось, я бы безъ разговоровъ легъ, на спинѣ-то не сѣять! молодцевато замѣтилъ какой-то мастеровой и захохоталъ.

— Эхъ, поштенный, да коли-бъ и меня поволокли—я-бы ничего; ну, куда не шло! Да сынокъ-то мой, вишь ты. .

Но въ это время зажгли иллюминацію, народъ бросился смотреть и затеръ старика, не давъ ему еще разъ повторить свой рассказъ.

II.

На другой день, еще ни свѣтъ, ни заря, мужикъ пришелъ въ губернаторскій домъ; его, конечно, не пустили, велѣли приходить въ 12 часовъ.

— Эфто послѣ полдень? спросилъ мужикъ, почесывая затылокъ.

— Да, да, въ 12 часовъ... Экъ ты, прилѣзъ когда!

— А онъ не уѣдетъ, ваше благородіе? спросилъ мужикъ швейцара.

— Какъ-же безъ твоего дозволенія онъ уѣдетъ? засмѣялся швейцаръ. Тебя будетъ ждать!.. Иди, иди, любезный...

— Ваша милость, дозвольте одно слово молвить?..

— Ну?

— Дѣло у меня, вишь ты, до ево, а коли я сегодня не добьюсь толку-то, мнѣ ешшо день надо потерять, а идти-то ста три верстъ, работа.

— Ну, такъ что-же?

— Дозвольте тутотка мнѣ постоять—можетъ, я увидаю яво, можетъ онъ пойдетъ куда...

— Гм! Ладно; жди, коли не наскучить. Садись вонъ тутъ, на лавку.

Мужикъ на ципочкахъ пришелъ на указанное мѣсто, положилъ шапку на полъ и сѣлъ на скамью. Долго, очень долго сидѣлъ мужикъ, съ любопытствомъ наблюдая за всѣмъ, что происходило въ швейцарской губернаторскаго дома.

Приходили почталіоны, курьеры съ бумагами; потомъ чиновники проходили въ канцелярію и обратно; торопливо прошелъ правитель канцеляріи въ виць-мундирѣ съ громадной кипой бумагъ для доклада; гремя саблей и шпорами, молодецкато прошелъ полицеймейстеръ.

И почталіону, и курьерамъ, и чиновникамъ, и полиціймейстеру мужикъ, вставая, отвѣшивалъ поклоны, а самъ все думалъ—когда-же меня позовутъ? Кто-же скажетъ обо мнѣ губернатору?

Съ этими вопросами онъ обращался ко многимъ, но отвѣта не получалъ—каждый торопился по своему дѣлу, дѣлу серьезному и весьма пужному.

— Ваша милость, подошелъ, наконецъ, онъ къ швейцару, какъ-же таперь обо мнѣ-то?..

— Сиди ты на мѣстѣ, коли не хочешь, чтобъ тебя прогнали! прикрикнулъ швейцаръ. Не видишь, сколько народу-то ходитъ? Не до тебя тутъ!..

Мужикъ уныло отошелъ.

Въ швейцарской набралось къ 12 часамъ довольно много просителей; тутъ были, и мужики, и солдаты, и женщины; «господъ» провожали въ пріемную.

Наконецъ, безъ пяти минутъ въ 12, въ швейцарской появился дежурный чиновникъ и позвалъ всѣхъ просителей на верхъ.

— Вотъ иди теперъ, сказалъ швейцаръ мужику, да ноги-то чисты-ли у тебя?

— Чистыя, кормилецъ... За имъ и ийти?

— Да, вонъ за тѣмъ чиновникомъ и иди.

Въ пріемной просителей собралось довольно много.

Дежурный чиновникъ просмотрѣлъ прошенія, записалъ ихъ въ книгу и разставилъ просителей полукругомъ..

— А у тебя гдѣ-же прошеніе? спросилъ онъ у нашего мужика.

— Да я, вишь ты, ваше благородіе, на словахъ, у меня...

— Надо прошеніемъ, а не на словахъ, строго замѣтилъ чиновникъ. Его превосходительство не любитъ этого, вы вѣдь говорите-то такъ, что и не поймешь, тово, оно, эвоно...

Просители засмѣялись.

— У меня, ваше благородіе, дѣло-то, началъ было мужикъ, но чиновникъ перебилъ его.

— Какъ тебя зовутъ, какого уѣзда, волости, деревни? Живо! надо записать.

— Ягоръ Степановъ зовутъ-то, а уѣзда мы Заозерскаго...

— Ну, волости, деревни?

— Калининской волости, села Коркина, батюшка.

— По какому дѣлу? продолжалъ спрашивать чиновникъ, записывая въ книгу.

Мужикъ сдѣлалъ къ нему нѣсколько шаговъ, осторожно ступая по паркету пріемной.

— Стой на своемъ мѣстѣ! Куда лѣзешь?

Мужикъ остановился.

— Сыночекъ, вишь ты, у меня... Только теперь...

— А ты не разводи! Короче—въ чемъ дѣло?

— Приговорили его волостнымъ судомъ отстегать...

Просители снова засмѣялись, для приличія прикрывая ротъ рукой.

— Ну? улыбаясь, спросилъ чиновникъ.

Егоръ Степановъ посмотрѣлъ кругомъ и тоже улыбнулся, но какъ-то застѣнчиво, грустно и въ ту-же минуту глубоко вздохнулъ.

— Приговорили не по правдѣ, ваше благородіе, обидѣли...

— Такъ на это жаловаться надо уѣздному по крестьянскимъ дѣламъ присутствію, а не губернатору.

— Жалились мы, ваше благородіе, да отказали тамоди-то...

— Тамоди-то! губернаторъ ничего не сдѣлаетъ тутъ: лѣзутъ со всякой ерундой.

Егоръ Степановъ раскрылъ широко глаза и снова пошелъ было къ чиновнику.

— Да стой-же ты на мѣстѣ! прикрикнулъ чиновникъ довольно громко и боязливо покосился на плотно затворенную дверь во внутреннія комнаты.

Егоръ Степаповъ, повѣся голову, отошелъ и задумался.

— Лѣзуть вотъ со всякимъ вздоромъ, обратился чиновникъ къ одному изъ просителей въ военномъ мундирѣ безъ погопъ. Пустяшное дѣло такое, а онъ идетъ къ начальнику губерніи, претъ себѣ, ему и горя мало, что *у насъ* и безъ него дѣлается по горло!

— Да-съ, это вѣрно, согласился мундиръ. Баловство-съ это, потворство. Что такое, что мужика отпорять-съ? Ровно ничего-съ, всѣ довольны были; бабъ, даже дѣвокъ, сѣкли-съ и крѣпко сѣкли-съ—ничего!

— Ну, конечно, что-же тутъ особеннаго? Не баринъ какой!...

— Да сынокъ-то у меня, ваше благородіе... тоскливо заговорилъ Егоръ Степановъ.

— Сахарный, что-ли? развалится? иронически спросилъ чиновникъ.

— Не то, а, вишь ты, онъ больно стыдобенъ, не перенесетъ, какъ быдто; горденекъ, штоль, маненько, ужъ я и не знаю!

Егоръ Степановъ, развелъ руками.

— Скажите пожалуйста! А вотъ.

— Просители собрались? очень важно и гордо спросилъ, выходя въ пріемную изъ внутреннихъ комнатъ, камердинеръ губернатора во фракѣ, въ бѣломъ галстукѣ и съ наиприличнѣйшими баками.

— Собрались, Иванъ Кузьмичъ, поспѣшно отвѣтилъ дежурный и застегнулся. Потихе, господа, сейчасъ выдутъ...

Молодцоватой походкой, но не той, которой ходятъ военные, а болѣе изящно и эластично, какъ-то скользя носками и чуть-чуть склонивъ гибкую спину, но съ гордо закинутой головой, вышелъ губернаторъ.

Всѣ просители, какъ по командѣ, поклонились.

— Здравствуйте, господа! губернаторъ надѣлъ пенсне. Я

отпущу прежде мужичковъ; имъ теперь каждый часъ дорогъ, пора рабочая. Извините, господа, обратился губернаторъ къ интеллигентнымъ просителямъ и, взглянувъ на мужиковъ, прежде всѣхъ подошелъ къ Егору Степанову.

— Что у тебя, любезный, прошеніе?

Егоръ Степановъ оробѣлъ и молча стоялъ, устремивъ на губернатора тоскливый и испуганный взглядъ.

— Ну, что-же ты, а?

— Нѣтъ, ваше происходительство, я такъ, безъ прошенія... Ужъ выслушай меня, кормилецъ, будь отецъ родной, быстро заговорилъ Егоръ и хотѣлъ было поклониться въ ноги, но губернаторъ остановилъ его.

— Перестань, перестань. Говори, въ чемъ дѣло? Вы записали его просьбу? обратился опять губернаторъ къ чиновнику.

— Записалъ, ваше превосходительство.

Въ голосъ губернатора прозвучала сердитая нотка. Егоръ Степановъ оробѣлъ еще болѣе и, теребя концы кушака, только пугливо смотрѣлъ на губернатора.

— Вы записали его просьбу? обратился губернаторъ къ чиновнику.

— Записалъ, ваше превосходительство; онъ приносить жалобу на уѣздное по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе.

Вишь ты, ваше происходительство, заговорилъ было Егоръ Степановъ, но губернаторъ его перебилъ:

— погоди! Ну?

— Присутствіе утвердило приговоръ волостнаго суда о наказаніи его сына розгами; онъ желаетъ отмѣны этого, ваше превосходительство.

— Этого нельзя, мой милый, и если приговоръ волостнаго суда утверждается уѣзднымъ присутствіемъ, то онъ входитъ въ законную силу. Да. Ужъ дѣлать нечего, поѣдутъ твоего сына, это иногда вѣдь полезно! А? губернаторъ разсмѣялся, окружающіе почтительно улыбнулись.

— Ваше высокоблагородіе, яви ты Божескую милость— ослобони мово сына отъ эфтого, заставъ вѣчно Бога молить, кормилецъ! мужикъ было опять хотѣлъ упасть въ ноги.

— Да не кланяйся-же ты, не люблю я этого! Я-же тебѣ говорю, что нельзя отмѣнить теперь—приговоръ вошелъ въ законную силу!

— Твоя воля, кормилецъ, въ эфтомъ дѣлѣ, молви слово только...

Губернаторъ засмѣялся снова.

— Ты думаешь? Я, милый мой, дѣйствую по закону и измѣнять законъ не могу! Прежде можно было, а недавно вотъ вышелъ новый законъ, и послѣ присутствія по крестьянскимъ дѣламъ приговоры волостныхъ судовъ не обжалываются. Иди съ Богомъ!

Губернаторъ направился дальше.

— Такъ, значить, и нужно ему эфту страду принять?

Въ голосъ Егора Степанова прозвучала такая хватающая за душу тоска, что губернаторъ обернулся къ нему, отстранилъ рукой подаваемое ему въ это время прошеніе какимъ-то чиновникомъ и подошелъ къ Егору Степанову.

— Да что-же тутъ особеннаго-то? Вѣдь не одного твоего сына наказываютъ, всѣхъ! Что онъ больной, что-ли, у тебя? пристально разсматривая въ пенснѣ мужика, спросилъ губернаторъ.

— Нѣ, здоровый, только онъ стыдобенъ больно...

— Что?

— Стыдобенъ, молъ, сраму-то эфтого не перенести ему...

— А что-же, братъ, дѣлать—нужно, самъ виновать. За что его наказываютъ?

— А вотъ, ваше происходительство, дѣло-то какое: у насъ, значить, лѣсъ есть общій, мірской, баринъ намъ яво подарилъ, вотъ, говоритъ мужички, вамъ лѣсикъ-съ...

— Короче, короче! въ чемъ дѣло-то?

— Лѣсъ-то эфтогъ у насъ и купилъ купецъ одинъ, то-ись онъ не то што купецъ, а нашъ-же мужикъ, только богатъ сильно...

— Ну?

— Ну, и купилъ, міръ ему продалъ, а лѣсъ то куда какъ хорошъ и нуженъ намъ—во какъ!

— Зачѣмъ-же продавали, если нуженъ?

— А пьяные продали-то, эфтотъ купецъ-то, который я боялъ, напоилъ ихъ всѣхъ и уладилъ дѣло-то...

— Причемъ-же тутъ сынъ твой?

— А онъ, вишь ты, міру-то и говорить: «пропили вы лѣсъ, окаянные, отдали себя къ кабалу міроѣду, его-бы, гыть, въ колья надо принять изъ села-то, а вы за его водку себя въ кабалу ему отдали!» ну и яво-то, купца-то эфтова, поругалъ, больно ужъ, вишь ты, жалко ему мірскаго добра сильно, и онъ до міру пуще чѣмъ до себя, кажись.

Лицо губернатора приняло административное выраженіе.

— Это, братецъ, буйствомъ называется, строго и внушительно заговорилъ онъ. За дѣло, за дѣло накажутъ твоего сына! Иди, да посовѣтуй ему умнѣе быть, а то и не того дождется!.. Что у васъ? вдругъ повернулся губернаторъ къ слѣдующему просителю, не теряя административнаго выраженія и повергая тѣмъ просителя въ отчаяніе.

— А ну, какъ и меня этакъ проберетъ! думалъ проситель, дрожащей рукой подавая прошеніе и ругая въ душѣ мужика, на чемъ свѣтъ стоитъ. А мужикъ постоялъ немного, потомъ отвѣсилъ низкій поклонъ въ спину губернатора, потомъ чиновнику, потомъ представителю просителю изъ военныхъ и пошелъ, повѣся голову. На паркетный полъ упала мужицкая слезинка и въ ней сію-же минуту заиграло солнышко, обливавшее изъ громадныхъ оконъ нарядную приѣмную съ административной фигурой губернатора...

III.

А въ селѣ Коркинѣ съ нетерпѣніемъ ожидали возвращенія Егора Степанова; нетерпѣніе это раздѣляли и его жена, и сынъ, и невѣстка; работа ужъ очень донимала, время было самое горячее—съ сѣнокосомъ не успѣли еще кончить, а ужъ и жнитво поспѣло, рожь вызрѣла и сильно просила серпа. Работа-то работой, а дѣло, по которому самъ въ губернію ушелъ, крѣпко занимало все еще хвораго Ивана Егорова, сы-

на старика, да и не его одного, а и мать съ женой, а потому и онѣ задумывались и, при каждомъ удобномъ случаѣ, поглядывали въ даль по дорогѣ: пойдетъ-ли, молъ, старикъ съ милостью отъ главнаго начальства? На третій день ухода старика, ужъ къ вечеру, Иванъ Егоровъ вышелъ изъ свѣтелки, гдѣ лежалъ хворый, и началъ обуставаться.

— Аль полегчало тѣ, касатикъ? спросила его мать, собирая ужинъ и поглядывая съ сокрушеніемъ на сына.

— Полегчало, матушка, славу Богу, да оно и пора: вы съ Марьей-то ужъ и то сморились больно, отвѣчалъ Иванъ, надѣвая сапоги.

— Полежалъ-бы еще, Ванюша, маленько, не нуди себя, какъ-нибудь управимся, ишь ты, какой еще недужный!

— Нѣтъ, ничего, матушка, вотъ пойду на улицу, вѣтеркомъ-то обдуетъ—легче, а за утро, Богъ дастъ, и за работу. Вы нонѣ сѣно-то еще не убрали?

— Малехонько осталось, на три часа, поди, не болѣ.

— Ну, вотъ я доберу, а тамъ и жать пора. Поди, рожь-то дюжо вызрѣла?

— И-и какъ вызрѣла, Ванюха! Еще денекъ такой постоитъ—полягетъ, кормилецъ!

— Чай, и батюшка завтра къ вечеру вернется, сказалъ Иванъ и вздохнулъ.

— Ой ужъ пора, Ванюша!

— Съ чѣмъ-то онъ вернется-то! вздохнула старуха и, поджавъ щеку рукой, подошла къ сыну.

Иванъ поднялъ голову и улыбнулся.

— Съ чѣмъ? Извѣстно—съ чѣмъ, матушка: съ милостью! Нѣшто, дастъ начальство беззаконіе творить? Никогда эфтого не будетъ! Разѣ можно такъ-то надъ человѣкомъ надругаться? Я правое слово сказалъ, за мірское добро стоялъ!.. Эхъ, разбойники, душегубы!..

Иванъ порывисто всталъ и пошелъ къ двери.

— Не надо-бы тебѣ, Ванюша, мѣшаться въ чужое дѣло, пусть ихъ! замѣтила мать.

— Што? Нѣшто, эфто чужое дѣло, коли у всего міра на-

шего кусокъ хлѣба отнимаетъ? Эхъ, матушка, дѣло-то эфто не бабье, не поймешь ты!..

Иванъ вышелъ на улицу и, усѣвшись на завалинку, сталъ смотрѣть вдоль по дорогѣ.

Иванъ Егоровъ былъ мужикъ умный, степенный и съ душой, готовый крѣпко любить все, къ чему онъ привязывался, было-ли то дѣло какое или человѣкъ. Среди мужиковъ часто попадаются такія свѣтлыя личности; прямой, честный до мелочности, нѣжный, какъ женщина, такой мужикъ какъ-то выдѣляется изъ среды земляковъ, часто тоже, и честныхъ, и добрыхъ людей, но снабженныхъ извѣстной долей скромности, хитрости и житейской мудрости, заставляющей часто маскировать себя и не показывать людямъ душу на ладони. «Просто-та хуже воровства», говоритъ мужикъ и, любя простаго человѣка, мало уважаетъ его; «простъ больно», говоритъ онъ, «на міру такъ жить нельзя», и, въ силу этой логики, мужикъ зорко смотритъ на cadaго человѣка и старается, чтобы не самому попасться на удочку, а другаго поймать. На этихъ принципахъ основано его благосостояніе и благосостояніе его семьи. «Оплошаешь, воду хлебаешь», говоритъ другая народная пословица. Тяжелая жизнь изломала русскаго человѣка. Онъ понимаетъ, что честь, самоотверженіе, любовь къ людямъ, доброта, прямодушіе—очень хорошія и Богу угодныя добродѣтели, но понимаетъ при этомъ и то, что «плоха честь, коли нечего ѣсть», что «своя рубашка ближе къ тѣлу», что «люби сосѣда, да не отдавай ему своего обѣда», что, иной разъ, «правдиво сказанное слово насолить тебѣ на всю жизнь», и т. д.

Личности, же подобныя Ивану Егорову, часто доходятъ до крайностей, изъ любви къ правдѣ, они часто дѣлаются фанатиками, бросаютъ все и стремятся только къ достиженію идеала правды, посвящаютъ себя молитвѣ, паломничеству, идутъ въ скиты, въ монастыри. Но если у такого человѣка здоровая и крѣпкая натура или если его жизнь сложилась такъ,

что, со всѣми ея радостями и печалами, она любя станетъ— онъ дѣлается отличнымъ семьяниномъ, замѣчательнымъ работникомъ и общественнымъ человѣкомъ, для котораго интересы общества не менѣе дороги, чѣмъ интересы любимой семьи, а любятъ такія личности могучей, сильной любовью... Благодаря какимъ благопріятнымъ обстоятельствамъ, складываются подобные характеры—рѣшить мудрено.

Иванъ Егоровъ былъ именно такимъ человѣкомъ.

Въ той-же деревни онъ родился, гдѣ и его земляки; при тѣхъ-же совершенно условіяхъ росъ онъ и развивался физически и умственно, и его колотили, походя, сначала вѣчно озабоченные, вѣчно занятые или усталые, родные, а потомъ отставной солдатъ Бибиковъ, у котораго онъ обучался грамотѣ по зимамъ, вмѣстѣ почти со всѣми ребятами села Коркина.

Обученіе грамотѣ явилось совершенно случайнымъ обстоятельствомъ, сильно потомъ повліявшимъ на всю жизнь Ивана.

Пришелъ въ Коркино этотъ Бибиковъ со службы; родные его всѣ умерли, хозяйства не было, и Бибиковъ поселился въ наслѣдственной избѣ и сталъ шить сапоги; благодаря его «бывалости» и грамотности, къ нему стали обращаться съ просьбами, то совѣтъ дать, то прошеніе какое или письмо написать, и онъ за это получалъ гонораръ, для деревни довольно приличный, то натурой, то деньгами.

— Житье тебѣ, Бибиковъ: работа легкая, и сытъ и пьянъ ты завсегда, важно! говорили ему.

Потому я человѣкъ съ образованіемъ, а вы обломы, неучи, ну, я и долженъ помогать вамъ, а вы за это всякое мнѣ благодѣяніе оказывать.

— Эфто точно, грамота дѣло знатное!

— А вотъ-бы ты и отдалъ мнѣ своего парнишку въ науку; зиму-то вѣдь онъ на собакахъ шерсть бьетъ, а тутъ, глядишь, грамотѣ обучится; читать, писать, счету я его въ двѣ зимы во какъ оболваню, человѣкомъ сдѣлаю! предложилъ Бибиковъ одному мужичку.

— О?

— Я тебѣ говорю.

— А што ты съ меня за эфто возьмешь?

— Съ тебя? А положи ты мнѣ за выучку его три цалковыхъ, да что-нибудь изъ продуктовъ тамъ, вотъ-тѣ и все.

Произошла торговля, споръ, наконецъ, сошлись на 2 съ полтиной и полуштофъ, и у Бибикова явился сначала одинъ ученикъ, потомъ другой, а въ срединѣ первой-же зимы у него училось уже десятка два ребятъ, и изъ Коркина, и изъ другихъ селеній.

«Оболваниваніе» состояло въ обученіи грамотѣ и въ безпощадной лупкѣ ремнемъ за плохое пониманіе науки и «за бабловство».

Грамота мужикамъ стала нравиться послѣ того, какъ ихъ ребята стали читать; лупка понравилась сразу: «человѣкомъ дѣлаетъ», говорили они.

Не смотря на такого педагога, какъ Бибиковъ—Иванъ полюбилъ грамоту, и она ему далась легко, а потому и «лупка», если и понадала ему, то несравненно рѣже, чѣмъ товарищамъ.

Обучившись Иванъ, сталъ почитывать, съ охотой брался за всякую книгу и, прочитавъ ее, любилъ потолковать о прочитанномъ со своимъ бывшимъ учителемъ, у котораго онъ доставалъ книги. «Грамотѣй», говорили про него и полюбили этого грамотѣя, умнаго, трезваго, тихаго и работающаго парня, а онъ за эту любовь платилъ задушевной лаской, добрымъ словомъ и дѣломъ, когда представлялся къ тому случай; то поможетъ работу справить семьѣ, у которой хозяинъ хворый лежитъ, то въ праздничный день какой-нибудь бобылкѣ избу поправить, а плотникъ онъ былъ хорошій, хоть и самоучка, поправить и платы никакой не возьметъ: «полно, бабушка, што за плата по-сосѣдскому дѣлу, я не плотникъ, не этимъ хлѣбъ добываю», и уйдетъ, не дослушавъ похвалъбы старухи.

Женился Иванъ на дѣвушкѣ красивой и такой-же привѣтливой, да ласковой, какъ и самъ, и любилъ-же онъ жену свою и ребятишекъ! «Какъ только у него баба не избалуется», говорили сосѣди, «онъ и ни поругаетъ, онъ и ни побьетъ»!

Впрочемъ, Иванъ любилъ всѣхъ, не любилъ только обидчиковъ, лиходѣевъ и озарниковъ; не ласковъ былъ съ ними, не важевать и, спуская всякую обиду челоуѣку душевному, хотъбы то она была и тяжела, никогда не спускалъ ее челоуѣку недоброму. «Я тѣ не дамъ въ обиду — дураки и другіе, что даются, тебя-бы надо проучить во какъ за собачество-то твое!» часто говорилъ онъ тому-же міроѣду Спирькѣ, изъ-за котораго ему приходилось теперь терпѣть, когда тотъ выпивши, куражился надъ раболѣпными предъ нимъ мужиками. Этотъ Спирька былъ невыносимъ Ивану; онъ просто горѣлъ къ нему ненавистью, видя, какъ тотъ обижаетъ и грабитъ его односельцевъ и надъ ними-же еще ломается.

— Эхъ, ребята, говорилъ онъ, дураки мы, что Спирьку до нашего добра такъ допустили! Лиходѣй онъ нашъ.

— Знамо не радѣтель, да што ты сдѣлаешь-то съ нимъ? сила, братецъ ты мой!

— Сила. А нѣшто у міра не сила? Нѣтъ, братецъ, тутъ виновато наше неразумѣнье глупое, сами мы ему въ руки даемъ!

— Хорошо тебѣ говорить—ты ему не долженъ, а вотъ по-ди-ка, сунься къ нему другой кто—онъ-те согнетъ!

— А отчего я не долженъ? Богатѣй, что-ли, я какой? Нѣтъ, я вижу его насквозь—разбойникъ онъ, отъ того и дѣла съ нимъ не поведу никакого!

— Знамо, разбойникъ, чаво тутъ, да не возьмешь яво!

— Кабы всѣ дружно взялись-бы! Кабаки-то вотъ его больно сладки, они мѣшаютъ.

— Сладки? Ха, ха, ха!.. И впрямь сладки!.. Такъ сладки Спирькины кабаки? Ахъ, забавникъ! и разговоръ тѣмъ кончался.

— Вотъ ты и говори съ ними! кипятился въ такихъ случаяхъ обыкновенно тихій и сдержанный Иванъ. Шуткой такъ и дѣло кончится, а ужъ сколько разовъ пытался я по душѣ объ эфтомъ Спирькѣ поговорить. А надо-бы его, крѣпко-бы надо отъ мірскаго добра отучить!..

Попытка исполнить это была сдѣлана и, благодаря ей —

Иванъ попалъ подъ опалу мірскихъ властей и сельской аристократіи; первые подвели его подъ розги; вторые—сдѣлались врагами.

Жутко приходилось теперь Ивану. Кромѣ предстоящаго (онъ, то надѣялся, то отчаявался въ успѣхѣ отца и губернатора) наказанія, котораго онъ такъ страшился, ему приходилось тяжело и отъ несправедливости людской; онъ сознавалъ, что ратовалъ не за свое дѣло, а за дѣло всего міра, и вотъ міряне не встали за него, не помогли ему, а бросили его во власть разъяреннаго міроѣда съ его друзьями пріятелями. Невольно шли на языкъ слова горькаго укора, и крестьяне понимали это, не защищали себя, не нападали на него, а какъ-то конфузливо сторонились и избѣгали встрѣчаться съ нимъ, а если ужъ приходилось, то старались утѣшить: «пустое, молъ, дѣло, плюнь на него, эка невидаль—не убудетъ тебя» и т. п. Но не такъ смотрѣлъ на это дѣло бѣдный Иванъ: обладая честной и нѣжной натурой, онъ безъ ужаса вспомнить не могъ о предстоящемъ ему позорѣ; онъ былъ увѣренъ, что на вѣки потеряетъ уваженіе сосѣдей послѣ этого наказанія.

— Я, кажись, и самъ-то себя другимъ человѣкомъ почту, говорилъ онъ, когда его утѣшали сосѣди, приводя въ доводы то обстоятельство, что не одного, молъ, тебя порятъ.

— А ты спрашивалъ-ли кого, какъ переносить-то эфто? горячо возражалъ Иванъ. Можетъ, у другаго сердце-то отъ эфтого повернется, да такъ на вѣки и останется!

Утѣшители соглашались, но не вполнѣ понимали это.

«Оно точно што... Зазорно, какъ будто... А коли по-человѣчески, такъ словно-бы и ничаво, пра! Наука, голова, нельзя-же безъ эстаго!..

И Иванъ думалъ: ничего или зазорно? Другому ничего, когда его приговаряютъ, а другой—куда какъ упадетъ духомъ! Вспомнилъ Иванъ два извѣстные ему случая; одинъ былъ давно, когда онъ еще мальчишкой былъ. Жила въ Коркинѣ бобылка съ дочерью, дочь была красавица, по всему округу, и за ней парни толпами ходили, однако она не поддавалась имъ, при нихъ гуляла, играла, а что-бы до грѣха дойти —

нѣтъ, берегла себя, матери боялась, а мать куда какъ блюла ее, даже за гулянье-то, за смѣшки съ парнями, и то била, страхъ какъ, не одну палку обломала объ нее, не одну плеть охлестала, и дѣвка все ничего, только поплачетъ, «повоетъ» а тамъ и опять съ парнями хороводится и играетъ. Вотъ и попала она на молодца, сокрушилъ ее и, какъ мать ни берегла, слюбилась она съ этимъ парнемъ. Мать узнала и, чтобы сраму побольше дочь ея за грѣхъ свой приняла, придумала наказать ее не дома ужъ, а на волости, а тогда еще и женщинъ наказывали; поклонилась судьямъ, попросила, и приговорили дѣвку наказать, дали ей 20 ударовъ, по закону. Вѣдь ужъ видала, кажется, дѣвка побои, бивали ее, и такъ, и сякъ, а тутъ—взяла, да и удавилась, такъ и матери накануне сказала: «я говоритъ, мамонька, надъ собой чтонибудь сдѣлаю отъ срамоты этой, что меня въ волостномъ правленіи наказывали»...

Хорошо помнилъ Иванъ, какъ онъ съ ребятами бѣгалъ смотрѣть на выгонъ, гдѣ за березовый сучекъ повѣсилась дѣвка: статная такая, рослая виситъ она въ бѣлой, какъ снѣгъ, рубахѣ и новомъ сарафанѣ, вырядѣвши себя передъ концомъ, только волосы забыла, видно, заплести, такъ и свѣсились густыми прядями на лицо, да на плечи...

Жутко стало Ивану!.. Другой случай недавно былъ, на его глазахъ. Въ деревнѣ Яворихѣ парень былъ, почти ровесникъ Ивана, года на два помоложе; парень ловкій, умный, и работникъ хорошій, и погулять любилъ въ праздникъ, т. е. выпить немного, съ дѣвками побалагурить, пѣсни попѣть. Подвернулся ему какъ-то подъ часъ старшина, мужикъ былъ озарноватый и дерзкій, парень за что-то на него зубы точилъ, ну, и не стерпѣлъ—нагрубилъ ему и попалъ подъ розги. Въ тотъ же день онъ напился съ горя, на другой опохмѣлился, на третій опять—пошло! Изъ дня въ день пилъ онъ три недѣли, все спустилъ съ себя, а жилъ хорошо, хоть и холостой былъ, мастерство зналъ, сапожникъ былъ первый по волости. Такъ и погибъ ни за мѣдный грошъ, убили его фабричные въ городѣ въ дракѣ...

— Не вѣсѣмъ-же, значить, это какъ съ гуся вода! думалъ Иванъ и все крѣпче и крѣпче задумывался.

IV.

Совершенно ужъ почти темно стало, а Иванъ все сидѣлъ на заваленкѣ и отъ ужина отказался, только попросилъ молочка вынести ему холоднаго; выпилъ, сынишку, который вынесъ молока ему, по головѣ погладилъ и вздохнулъ.

— Подъ, батюшка, спать, бабанька легла ужъ и мамѣ спать охота, сказалъ мальчикъ.

— Пусть ложится, ложись, подъ ты, Петрунька, я батюшки подожду, чай придетъ къ ночи-то, гостинца тебѣ принесть, подъ, спи со Христомъ.

Мальчикъ ушелъ.

По дорогѣ загремѣли колеса, и съ домомъ Ивана поравнялась легкая телѣжка, запряженная сытымъ сѣрымъ конемъ.

— Тпру! осадилъ лошадь сидѣвшій въ телѣжкѣ.

— Ивану Егорычу паше почтеніе! Аль не узналъ старшины-то свою? Ну, да гдѣ узнать—мы люди махонькіе, заговорилъ съ ироніей подѣхавшій.

Иванъ всталъ.

— Не узналъ и то, темно. Добраго здоровья, Петръ Карпычъ.

— Каково вы въ своемъ здоровьѣ? спросилъ старшина.

— Слава Богу, помаленьку поправляюсь.

— Тэкъ-съ. Значить, къ намъ въ гости пора жаловать. Ужъ не оставьте, пожалуйста, ждемъ...

— Ждете? какъ вамъ не ждать, поди, Спиридонъ-то понуждаетъ васъ... Грѣхъ тебѣ, Петръ Карпычъ, надо мной издѣваться, я тебя не обижалъ...

Иванъ пошелъ въ избу.

— Такъ завтра, что-ль, ждать-то? А то, братъ, и силой приволокутъ!.. Радѣтель мірской!..

Старшина тронулъ лошадь и уѣхалъ.

Иванъ вошелъ въ свѣтелку, гдѣ спалъ съ женой, и присѣлъ на кровать.

— Не спишь, Марья? окликнулъ онъ жену.

— Нѣтъ, не сплю еще Ванюша. А ты что? Аль не можетъ все? и не поѣлъ ничего, да и даве, за обѣдомъ-то, ни къ чему не притронулся... Аль горюешь все, Ванюша, касатикъ? жена приласкалась къ Ивану и заглянула ему въ лицо; лицо это, при тускломъ свѣтѣ луны, было такое печальное, да блѣдное.

— Горюю, Марьюшка, куда какъ шибко горюю! Все сердце мое изныло... Что я сдѣлалъ-то худаго, за что опозорить-то такъ хотять! сказалъ Иванъ и заплакалъ.

— Полно, Ванюша, убиваться! Нѣшто, можно на людей-то сердце держать? Завсегда, они, касатикъ, обидѣть пароваты за добро, да за тихій правъ-то... Не горюй—люди обидятъ—Богъ утѣшеніе пошлетъ...

— Эхъ, Марьюшка! Знаю, что пошлетъ, да ужъ нестерпимо больно, любовь-то наша верхъ беретъ!.. Иванъ обнялъ жену и наклонился къ ней.

— Марьюшка, началъ онъ, помолчавъ, я тебя что спросать хочу, отвѣть-ка ты мнѣ по душѣ, по чистой правдѣ, не утай, коли и огорчить придется отвѣтомъ своимъ...

— Что, Ванюша? Спрашивай, по душѣ скажу.

— Вотъ что: если опозорять меня, если къ послѣднему вору приравняютъ... Если накажутъ-то меня—ты не разлюбишь меня, голубка? Не зазорно тебѣ будетъ сѣченаго-то мужа любить? Скажи-ка ты мнѣ, Марьюшка?..

Иванъ такъ и впился глазами въ жену.

— Ой, что ты молвилъ, Ваня! засмѣялась та. Да нѣшто это можно, соколикъ? Богъ съ ими, пусть накажутъ, а я тебя утѣшу, приголублю... Обиженного-то я еще тебя больше полюблю!..

Иванъ припалъ къ женѣ и крѣпко обнялъ ее.

— Спасибо тебѣ, Марьюшка, утѣшила ты меня, словно и легче мнѣ теперь стало! съ улыбкой сказалъ онъ и поцѣловалъ жену.

— Неразумное ты и молвилъ-то, попеняла Марья, шtbody я за жена своему мужу была, коли-бы обиженного его по-

напрасну любить перестала? Не печалься, соколикъ, все пройдетъ.

— Пройдетъ и то, Марьюшка... Знать, такъ тому и быть надо, Божья воля!... Ты спи со Христомъ, а я пойду, заложу сивку, да поѣду по дорогѣ-то, авось, батюшку встрѣчу, поди, промаялся старикъ, да и темно что-то стало, а онъ безпримѣнно долженъ нонѣ быть, чай, ту ночь въ Короляхъ, а сюда какъ разъ въ эфту вотъ пору и поспѣетъ. Пойду, встрѣчу. Иванъ всталъ.

— Поди съ Богомъ. А хворость прошла у тебя? А то я, пожалуй, поѣду, отдохни...

— Нѣтъ, я ужъ самъ, ничего... Такъ спи себѣ.

Иванъ вышелъ и чрезъ пѣсколько времени ѣхалъ по дорогѣ къ городу, тихо погоняя сивку.

Встрѣтилъ Иванъ старика своего съ нерадостной вѣстью на десятой верстѣ отъ села, и вернулись домой отецъ съ сыномъ, когда уже совершенно разсвѣтало, и мужики встали на работы.

— Знать, Ягоръ не добрую вѣсть привезъ: больно што-то Ванюха-то сумраченъ сидитъ, замѣтилъ одинъ мужикъ, провояя глазами тихо ѣхавшихъ отца съ сыномъ.

— Да, надо полагать, придется Ванюхѣ въ волость идти, согласился другой.

— Напрасно парня-то обидѣли, вздохнулъ первый.

— Ничаво не подѣлаешь!..

Мужики пошли за своими дѣлами.

Иванъ отпругъ лошадь, покойно наказалъ женѣ сѣно раскидать, «пусть малость еще посохнетъ, а ужо уберемъ» сказалъ и пошелъ въ волость, которая была верстахъ въ пяти въ селѣ Калининѣ.

— А, наше почтеніе Ивану Егоровичу! окликнулъ его изъ окна правленія старшина. Давно, сударь, пора, давно!

Со старшиной сидѣлъ за самоваромъ и Спиридонъ Семеновъ; этотъ выскочилъ изъ-за стола, и оба пошли на встрѣчу Ивану.

— Тебя-то и нужно, соколикъ!.. Ну, ребята, обратился онъ

къ разсылнымъ, которые сидѣли въ прихожей, отработайте эфтого ругателя получше, на чай знатно дамъ!

Разсылные взяли Ивана за руки... Блѣдный, какъ полотно, съ сверкающими глазами стоялъ Иванъ.

— Погодите, глухо сказалъ онъ и двинулъ плечами. Разсылные отшатнулись.

— Не дамся я вамъ!.. Шелъ, штобы принять, да тебя увидалъ... не дамся... Пусть меня судятъ, какъ хотятъ, а не дамся на потѣху тебѣ, воръ мірской, собака!.. голосъ Ивана дрожалъ, губы подергивало судорогой.

— А, ты разбой тутъ хочешь заводить! закричалъ Спиридонъ. Старшина, народу кликни! Связать его надо!.. Бери его, ребята! Что встали? Бери! Спиридонъ схватилъ Ивана за воротъ.

— Прочь, песъ! дико вскрикнулъ Иванъ и со всего размаху ударилъ Спиридона въ високъ...

— Ай! только произнесъ Спиридонъ и, нагнувшись, упалъ на полъ; изъ носу, рта и ушей у него хлынула кровь.

— Убѣлъ! закричалъ старикъ и бросился вонъ, разсылные за нимъ.

Иванъ дико оглянулся кругомъ и потомъ тихо, тихо наклонился надъ распростертымъ у его ногъ Спиридономъ. Тотъ былъ мертвъ.

На улицѣ раздавались крики, вопли... Кто то ударилъ въ набатъ...

— Поди ты, пустяшное дѣло, а чѣмъ кончилось! говорилъ вечеромъ того дня въ сотый разъ старшина и безнощадно теребилъ свою окладистую бороду.

Записки бархатной ротонды.

Октября 4.

Я такъ хороша, что моя жизнь должна быть очень интересна и обильна всевозможными приключеніями; надежда на это побудила меня писать записки, которыя послѣ моей смерти

могутъ быть гдѣ нибудь напечатаны и прочтутся съ большой охотой.

Я сшита изъ черпаго ліонскаго бархата, фабрикованнаго въ одномъ русскомъ городѣ; бархатъ на мнѣ такъ мягокъ, такъ хорошъ, что фабрикантъ ожидалъ получить за выдѣлку его первую награду на выставкѣ, но получилъ лишь бронзовую медаль, о чемъ съ прискорбіемъ и опубликовалъ въ «Современныхъ Извѣстіяхъ», заплативъ за это девять рублей.

Потребное на меня количество аршинъ было отрѣзано отъ куска и отдано модисткѣ, которая и сшила меня въ магазинъ на Кузнецкомъ мосту, гдѣ я сижу теперь, прельщая своимъ великолѣпіемъ проходящихъ мимо дамъ.

О, сколько вздоховъ слышу я, сколько упрековъ выпадаетъ на долю мужей по моему поводу! Я вижу грустныя личики дѣвушекъ, одѣтыхъ въ скромныя кофточки изъ манчестера, такъ неудачно подражающаго бархату; эти дѣвушки грустно смотрятъ на меня, глубоко! вздыхаютъ и отходятъ, кутаясь отъ холода въ свои тонкія, подбитыя ватой кофточки.

Иногда мнѣ бываетъ очень грустно.

На дняхъ, напримѣръ, къ окну магазина подошла пресимпатичная парочка— мужъ и жена; мужъ, очень еще молодой человѣкъ, былъ одѣтъ въ потертое пальто и закутанъ дешевенькимъ пледомъ, а жена, премиленькая блондинка, съ ясными добрыми глазками,—въ драповую кофточку, очевидно купленную по случаю.

— Ахъ, какая прелестная ротонда!—воскликнула молодая дамочка и ея хорошенькія глазки засверкали.

— Да, ротонда очень хороша,—проговорилъ мужъ.—Какъ бы она шла къ моей милой Катѣ, какъ бы тепло было въ ней!..

— Увы, Костя, она стоитъ 700 рублей!

— Да, милая, 700 рублей, то есть три моихъ годовыхъ жалованья...

— А кому нибудь достанется-же,—проговорила Катя и глубоко вздохнувъ, взяла мужа подъ руку и окинувъ меня еще разъ завистливымъ взглядомъ, пошла.

Мнѣ стало грустно.

Да, кому то я достанусь, кто-то купить меня, чьи то плечи буду покрывать я?..

Октября 10.

Меня купили!... Я досталась.... но нѣтъ, я расскажу по порядку.

Вчера къ окну магазина подошли опять мужъ съ женой, но уже не тѣ, которыхъ я видѣла на дняхъ; это были люди очень богатые, хотя далеко не такъ симпатичны, какъ первые.

— Поль, ты долженъ купить мнѣ эту ротонду! — проговорила жена, рассматривая меня подведенными глазами.

Поль, — барины лѣтъ пятидесяти, съ вставными зубами и подкрашенными усами, — презрительно улыбнулся и пожалъ плечами.

— Къ сожалѣнію это невозможно, ma chère! — процѣдилъ онъ. — Мои дѣла такъ плохи, что не только покупать ротонды въ 700 р., а и болѣе то необходимыя вещи нужно оплатить!..

— Какъ, вѣдь я на дняхъ получила отъ шатап двѣ тысячи и отдала тебѣ до копѣйки! Гдѣ же онѣ? — удивилась дама.

Мужъ опять пожалъ плечами.

— Квартира, лошади, мебель въ гостинную — ты забыла? Я къ этимъ двумъ тысячамъ прибавилъ своихъ пять!

— Ты кутишь, играешь, ты бросаешь деньги на все, на все и только женѣ у тебя нѣтъ никогда ни денегъ, ни ласки!.. Я ненавижу тебя! — проговорила дама и, оттолкнувъ руку мужа, пошла; мужъ проводилъ ее глазами и улыбувшись, заплъ сквозь зубы какую-то шансонетку, медленно удаляясь отъ магазина въ противоположную сторону.

Прошло около часу. Къ окну магазина подошла молодая дѣвушка. Я много видала хорошенькихъ, цѣлые дни разглядывала проходящихъ, но такой я не видала!

Это была брюнетка довольно высокаго роста, стройная, граціозная, съ черными, какъ мой бархатъ, глазами, съ малиновымъ цвѣтомъ лица, съ нѣжнымъ румянцемъ — она была такъ

хороша, что даже прикащикъ нашего магазина, уродъ, похотѣй на евнуха, прочамкалъ что то губами и облизнулся.

Дѣвушка была одѣта въ дешевенькое платьице и въ коротенькую кофточку изъ порыжѣлаго манчестера.

— О, какая ротонда!—пролепетала она и ея черные глаза засверкали.—Какой бархатъ, какой мѣхъ!.. Бѣдная я—мнѣ никогда, никогда не носить такой вещи!.. Всю жизнь забота и всю жизнь вотъ такая рыжая кофта....

— Любуетесь? раздался голосъ сзади дѣвушки. Она отшатнулась и увидала того самаго подкрашеннаго барина, который только что поссорился съ женой изъ за меня.

— Да, люблюсь,—проговорила дѣвушка.

— Стоитъ-ли любоваться такой дрянью—вы всегда можете имѣть ее!—сказалъ подкрашенный баринъ, пожирая глазами дѣвушку.

Слово «дрянь» меня обидѣло. «Ты самъ дряпъ!» подумала я. «Только что ты говорилъ своей женѣ, что у тебя нѣтъ денегъ и теперь ты смѣешь называть меня дрянью, негодный!»

— Дрянь? удивилась дѣвушка.—О, за эту дрянь я отдала бы все.

— Хотите она будетъ ваша?—спросилъ баринъ.

— Вы смѣтаетесь надо мной!... Нѣтъ, не мнѣ носить такія вещи!...

— Напротивъ, вамъ то ихъ и носить!.. Я давно знаю васъ, давно слѣжу за вами, моя богиня, шепоткомъ заговорилъ баринъ, сверкая глазами,—и если вы согласитесь ѣхать со мною куда я повезу васъ—эта ротонда будетъ ваша... Да и не только эта ротонда, а все, все, что вы пожелаете!... Поѣдьте.... Все, что только создано въ жизни для радости—все будетъ ваше!...

Дальше разговоръ происходилъ настолько тихо, что я не слыхала его, но минутъ черезъ пять подкрашенный баринъ вошелъ въ магазинъ вмѣстѣ съ дѣвушкой и я была куплена.

О, какъ хороша стала брѹнетка, когда прикащикъ накинулъ меня ей на плечи и подвелъ къ зеркалу!.. Я очень, очень рада, что должна грѣть плечики такой роскошной красавицы.

Теперь я живу очень весело: моя хозяйка ѣздитъ по магазинамъ, катается, а вечеромъ подкрашенный баринъ возить ее за городъ; она очень похорошѣла и всѣ, рѣшительно всѣ, любятъ ея и находятъ, что ротонда вполне стоитъ своей хозяйки, а хозяйка—ротонды. Я очень счастлива.

Октября 20.

Боже мой, что со мной случилось!

Я висѣла въ передней на вѣшалкѣ и слушала веселый разговоръ гостей моей милой новой хозяйки; мнѣ было очень весело, потому что послѣ полдюжины шампанскаго разговоръ становился очень интересенъ, особенно когда молодой купчикъ-саврасъ совершенно опьянѣвшій, сталъ рассказывать какъ онъ искусно обманываетъ своего отца, замѣняя въ его кассѣ настоящія ассигнаціи—фальшивыми, покупаемыя имъ у какого-то нѣмца Шмультейна по очень сходной цѣнѣ; купчикъ весело хохоталъ, представляя досаду и удивленіе своего отца, нашедшаго въ кассѣ двѣ тысячи рублей фальшивыми десяти рублевыми бумажками.

Ну, очень, очень было весело и, представьте себѣ, какой случай: камеристка моей хозяйки, прехорошенькая дѣвушка Лиза, вышла на улицу, гдѣ ее ожидалъ подмастерье отъ сосѣдняго парикмахера, а въ это время въ переднюю вошелъ какой-то страшный оборванецъ и... схватилъ меня своими грубыми грязными руками!.. Я хотѣла закричать, но увы, намъ не дали даже слова и оборванецъ, захватилъ еще двѣ шубы, вышелъ на улицу, гдѣ его ждалъ извозчикъ...

Меня безжалостно скомкали, завернули въ какой-то вонючій платокъ и повезли. Мое нѣжное бархатное тѣло очень страдало отъ неловкаго положенія въ узлѣ и совершенно безцеремоннаго обращенія оборванца, но это все еще ничего, впереди меня ожидало нѣчто худшее...

Когда меня развязали я увидѣла себя въ отвратительной каморкѣ, пропитанной запахомъ чесноку, сырой гадкой, настолько гадкой, что помѣщеніе рабочихъ той фабрики гдѣ я

родилась было немного развѣ хуже, а комната модистокъ, которыя меня шили, такъ даже лучше.

— Товарцу принесъ, Самуиль Абрамовичъ, — проговорилъ оборванецъ, похитившій меня и подаль всѣхъ насъ какому-то отвратительному человѣку въ ермолкѣ; человѣкъ довольно внимательно оглядѣлъ насъ и положивъ на грязный столъ, спросилъ:

— Школько ты хочишь за вше эти вещи?

— Что пожалуете, Самуиль Абрамовичъ; не обидите, сказалъ оборванецъ.

— Двадцать пять рублей я тебѣ дамъ за то, что ты увсегда ходишь ко мнѣ!—Получай!

И человѣкъ въ ермолкѣ подаль оборванцу двадцать пять рублей...

За всѣхъ насъ двадцать пять рублей, когда я одна стою семьсотъ!.. Это меня глубоко возмутило, но я ничѣмъ не могла отомстить отвратительному человѣку...

— Ривка, — закричалъ человѣкъ въ ермолкѣ по уходѣ оборванца, — тутъ принесли товаръ, пади шматри иво и рашшартируй...

Въ контору вошла женщина еще болѣе отвратительная, чѣмъ человѣкъ въ ермолкѣ; она стала мять въ своихъ рукахъ, щупать мой верхъ и мѣхъ и небрежно отбросила въ сторону.

— Эту ротонду нужно пороть, Шамуиль, — проговорила она.

Я вздрогнула. Пороть?.. Что такое пороть? Я помню, что *мадамъ*, которая меня шила, *порола* своихъ ученицъ и это имъ было очень больно, онѣ кричали, но ихъ пороли за то, что онѣ дурно работали, или гуляли — за что же пороть меня?..

— Пароть? Счиво пароть, ежели она жавшемъ новая? спросила ермолка.

— Пшъ! Бархатъ въ двухъ мештахъ разорванъ и чѣмъ-то жапачканъ: это иво портилъ этово негодяй, каторій иво воро-

валъ .. Да и лучше мѣхъ сбывать отдѣльно, а бархатъ шамъ по шебѣ...

— Ну хорошо, пори,—согласилась ермолка.

Боже мой, сейчасъ принесутъ розги и будутъ меня пороть! подумала я, но Ривка принесла не розги, а ножъ и...

Черезъ полчаса связывающіе меня нервы-нитки были разрѣзаны и мой чудный мѣхъ отдѣлился отъ меня... Я сдѣлалась безъ чувствъ...

Октября 26.

О, что со мной сдѣлалось!..

Я теперь уже не та, я переродилась по волѣ судьбы и изъ меня сшили великолѣпный бархатный костюмъ пажъ; я состою изъ короткой курточки вышитой золотомъ и панталонъ отдѣланныхъ пунцовымъ атласомъ; живу я уже не на Кузнецкомъ мосту, а въ магазинѣ маскарадныхъ костюмовъ и меня берутъ на прокатъ премиленькія прехорошенькія дѣвушки. Я ѣзжу теперь по маскарадамъ, была въ веселомъ Салонѣ-де-Варіете и мнѣ еще веселѣе, чѣмъ было прежде...

О, моя жизнь такъ обильна приключеніями, что я заведу себѣ новый дневникъ, дневникъ «маскараднаго костюма пажъ».

Сколько повостей, сколько радостей, сколько людей я выдаю теперь!..

Наглядное обученіе.

(сценка).

Кунецъ Терентій Ивановичъ Вереньинъ, отлично покончивъ очень выгодный подрядъ по «каменной части», задумалъ нѣсколько перемѣнить свой образъ жизни и «побарствовать»; для этого онъ заново отдѣлалъ свой домъ, купилъ отличную мебель, завелъ пару дорогихъ лошадей и наконецъ—взялъ къ

своему осьмилѣтнему сыну гувернантку, очень еще молоденькую и совсѣмъ хорошенькую дѣвушку; супруга Терентія Ивановича, «прекрасная и фундаментальная дама», воспротивилась было этому, не безъ основанія ревнуя супруга, но онъ категорично заявилъ, что «губернатка будетъ», и разсуждать не приказалъ.

— Ты, неосновательная ты баба, получила для своего ублаготворенія ротонду въ тыщу рублей, да и сережки брилліантовыя въ двѣ тыщи, такъ и молчи, и мнѣ дай потѣшить себя! закончилъ онъ.

— Энто тебѣ, значить, губернатка-то замѣсто ротонды и и серегъ? Для утѣшенія твоего? спросила супруга.

Терентій Ивановичъ посмотрѣлъ на супругу.

— Дура ты, такъ дура и есть! отрѣзалъ онъ. — Какое же мнѣ утѣшеніе въ губернаткѣ энтотъ? Съ квасомъ я ее, что-ли, ѣсть буду? Въ соль солить?.. Опять-же мужчина я основательный и вдругъ съ гимназисткой, съ дѣвчуркой несовершеннолѣтней интрижное отношеніе заведу!.. Дура, пра, дура!.. Для наслѣдника беру, человѣкомъ хочу его сдѣлать, людямъ што-бъ на смѣхъ не выросъ, вотъ для чего!.. Тѣмъ и себѣ отраду составляю, потому сынъ мой, кость отъ кости и плоть отъ плоти, ну, и желательно образовать его, а не то что.... А тебѣ ужъ сичасъ представленія представляются, дура представительная!..

— Такъ возьми старушку, или попостнѣе съ рожи-то, а не такую куклу размалеванную...

— Надо-ли дуръ-то? вотъ она, берите ее!.. Старушку!... Какъ-же энто я возьму старушку или харю какую-нибудь, ежели у меня въ гостинной диванъ двѣ сотни стоитъ? Вѣдь надо подъ стать все въ домѣ-то имѣть, увѣчье необтесанное!.. Лошади тысячныя, кучеръ фасонистый, въ домѣ бархатъ, да золото, а учителяша съ харей! Гдѣ-же симитрія-то? Ежели я теперича домъ строю и промежъ оконъ коллонки дѣлаю, — вѣдь не могу-же я одну четырехъугольную, а другую круглую сдѣлать—такъ и это! А то вдругъ все хорошее, все новое, все дорогое, а губернатка при дитѣ на подобіе уродства!..

Вѣдь и тебя-бы, съ рыломъ твоимъ косымъ, перемѣнить надо по моей теперешней обстановкѣ, да положенія только такого нѣтъ, вотъ что!..

— Обстановка, дѣйствительно, что вульгарная, а на счетъ губернантки я все-же скажу...

— А вотъ скажешь, такъ я тебѣ въ фیزیомію и ахну!.. Сказано, — «будетъ», ну, и будетъ, и пренія свои энти оставь, а то я, хоть и не предсѣдатель, перерывъ засѣданія сдѣлаю... Умолкни!

И гувернантка была взята.

Въ первый-же урокъ Терентій Ивановичъ, только что позавтракавъ и чуточку «заложивши», пришелъ посмотрѣть занятія своего сына. Гувернантка объясняла мальчику какую-то прочитанную статью и знакомила его, при помощи «комплекціи для нагляднаго обученія», съ различными произведеніями земледѣлія.

— Наше вамъ!.. Какъ въ своемъ здоровьи обрѣтаетесь? Хорошо-ли на новомъ мѣстѣ спали? привѣтствовалъ Терентій Ивановичъ гувернантку, входя въ комнату и усаживаясь у класнаго стола.

— Здравствуйте... Благодарю васъ, я здорова, проговорила дѣвушка.

— И отлично... Обучаете мово савраса-то?

— Да, мы занимаемся объяснительнымъ чтеніемъ.

— Такъ-съ... А энто что у васъ, за музыка? Сѣно, лень, гречиха, рожь, въ ящичкахъ все... Это пошто у васъ?

— А это для нагляднаго обученія: я знакомлю Ваню путемъ нагляднаго объясненія съ произведеніями земледѣлія....

— Такъ-съ. Онъ у насъ не по энтой части, каменьшики мы и мушной товаръ не знаемъ, иначе, ничего, пусть... Вѣдь энто вы по модѣ?

— Что?

— А вотъ ящички-то энти и все прочее... По послѣдней модѣ образованіе-то ему производите?

— Да, это новѣйшая метода...

— Ну, вотъ этого намъ и надо... Какъ это вы выговорили, какое это обученіе?

— Наглядное...

— Ага!.. А вамъ который годъ отъ роду?

— Миѣ девятнадцать лѣтъ...

— Въ самыхъ годахъ... Сирота, поди?

— Нѣтъ, у меня есть мать...

— Такъ-съ.

Терентій Ивановичъ погладилъ бороду.

— Бархатнаго платья не имѣете? спросилъ онъ, помолчавъ.

— Нѣтъ... Къ чему это такой странный вопросъ? удивилась гувернантка.

— Къ личности вашей бархатное платье пристало-бы важная-бы съ фасаду вещь вышла... Вѣдь съ пострѣлками-то этими возиться музыка скучна, а вотъ ежели въ собольей штукѣ прогулку дѣлать, да изъ развлеченія по магазинамъ покупку покупать—заплатно!.. На рысакѣ проѣхать по Кузнецкому это вотъ наглядно! Понаглядиѣ ящиковъ-то этихъ!..

— Что вы говорите?.. Я не понимаю васъ!.. Мы занимаемся, я-бы просила васъ не мѣшать, смущенно проговорила дѣвушка.

— Нѣтъ, я такъ... Такъ какое обученіе-то, барышня, завела?

— Наглядное...

— Такъ... Онъ, сынишко-то мой, кажинную, значить, вещь наглядываетъ п въ понятіе беретъ? Такъ?

— Да...

— Это умственно...

Терентій Ивановичъ положилъ локти на столъ и блаженно улынулся.

— Обученіе, барышня, ты выдумала наглядное, а сама ты—ненаглядная!.. Буточникъ ты, вотъ что!..

Дѣвушка вспыхнула и отодвинулась отъ стола.

— Оставьте меня, вы съума сошли! проговорила она.

— Хе, хе, хе!.. Осердилась... А ты не фыркай, я тебя только приласкалъ, по молодости лѣтъ твоихъ... Ванька, ви-

далъ, какъ христосуются?.. Попроси учительшу свою *наглядно* показать это?.. Хе, хе... А ужъ и наглядная-бы ты вышла, ежели-бы тебя въ ротонду моей супруги нарядить, да по Кузнецкому на моей парѣ прокатить!.. Барышня, учительша прекрасная, покажи мнѣ наглядно, какъ ты слово мужа цѣловать будешь!..

— Вотъ какъ! вскрикнула дѣвушка, вскакивая съ мѣста, и звонкая пощечина огласила классную комнату.

Терентій Ивановичъ вытаращилъ глаза и потеръ лѣвую щеку.

— Наглядно!.. проговорилъ онъ.—Хоть-бы и не такому бутону, такъ не стыдно...

Почтенный подрядчикъ всталъ со стула.

Ну, барышня, показаль-бы я тебѣ наглядно, какъ мы бабій полъ за такую механику учимъ, да виновать передъ тобой, не стой масти ходить началъ... Поди ты въ контору, получи за свое наглядное обученіе за мѣсяцъ впередъ и уходи съ Богомъ, потому при послѣдникѣ карамболь-то ты устроила... Ванька, пошелъ изъ-за стола; я тебѣ изъ семинарской націи учителя-то возьму, а то наглядно намъ выйдетъ наглядныхъ-то имѣть!.. До увиданья, барышня...

И въ этотъ-же день гувернантка была отпущена.

Наша домовладѣльцы.

Картина на Балканѣ.

(очеркъ московской жизни).

Степану Ильичу Сафьянину пришлось перемѣнить квартиру, такъ какъ его оказалась неудобною, по случаю бойкаго мѣста, а родъ занятій Степана Ильича,—серьезная литературная работа,—требовалъ тишины, спокойствія и уединенія. Ему посоветовали поискать на такъ называемомъ «Балканѣ», рекомендуя эту мѣстность за самую уединенную и спокойную.

— Прудикъ, знаете, есть, говорили ему рекомендующіе, — хоть онъ и безъ воды, а все-же прудикъ — лѣтомъ свѣжестъ придаетъ и въ нѣкоторомъ родѣ природу напоминаетъ; березки кругомъ прудика, есть гдѣ розгу для ребятишекъ срѣзать, не надо ужъ куда нибудь въ лѣсъ идти; опять-же мѣстность историческая, а обитатели народъ предприимчивый, вродѣ какъ-бы голландцевъ.

Степанъ Ильичъ пошелъ искать квартиру на Балканѣ.

Въ одномъ изъ переулковъ, около самаго замѣчательнаго Балканскаго пруда, онъ увидалъ на воротахъ записку, гласящую, что «въ сѣмъ доме съдаетсяся квартира со всеми принадлежностями».

Степанъ Ильичъ вошелъ на дворъ.

— Чаво тебѣ? окликнулъ его какой-то небритый субъектъ, занимающійся на дворѣ дрессированіемъ лягавой собаки.

— Здѣсь отдается квартира?

— А я што тебѣ за дворникъ, што ты ко мнѣ лѣзешь съ вопросами-то энтими? Поди, дворника спроси, а я, братъ, самъ званіе свободнаго художника имѣю!.. Лѣзетъ, чертъ, только собаку-то напугалъ, лѣшій!.. Мухтаръ, иси!... Иси. каналья, иси!..

Степанъ Ильичъ немного опѣшилъ и, оправившись, хотѣлъ было идти поискать дворника, но вдругъ изъ-за угла выскочила другая собака и съ оглушительнымъ лаемъ бросилась на него. Степанъ Ильичъ отскочилъ и замахалъ палкой.

— Ударь, ударь, попробуй! закричалъ «свободный художникъ». — Я-те такъ ударю, што у тебя селезенка распухнетъ!..

— Но отзовите-же вашу собаку—она у меня шубу порветъ, укуситъ меня!..

— Не кусается она, дуракъ!.. Нѣшто, не видишь, што эта собака англійская лягавая?.. Демонъ, иси!... Тубо, Демонъ!..

Но англійская лягавая изъясляла положительное намѣреніе опробовать вкусъ икры Степана Ильича и добротность его панталонъ.

— Прочь ты, одеръ! раздался голосъ съ другаго конца двора, и въ «англійскую лягавую» полетѣла лопата, вслѣдъ за которой подбѣжалъ дворникъ и, отогнавъ собаку метлой, накинулся на ея хозяина:

— Ужъ передавлю я вашихъ собакъ, право, передавлю!.. Денегъ за квартиру не платите, а безобразіевъ отъ васъ конца нѣтъ! То со псами энтими, то съ супругой — дымъ коромысломъ!.. Вы хоша и свободный художникъ, а управу на васъ найдемъ, водкопивецъ вы этакій!.. Чего вамъ угодно, сударь? обратился потомъ дворникъ къ Степану Ильичу.

— У васъ тутъ сдается квартира? спросилъ тотъ, косясь на свободного художника, который присмирѣлъ при дворникѣ и только бросалъ свирѣпыя взгляды на Степана Ильича.

— Сдается, сударь... Фатера ахтительная; полковникъ одинъ жилъ и очень одобрялъ, только денегъ не платилъ, такъ мы его сослали... Пожалуйте, я вамъ покажу...

— Это чей домъ? спросилъ Степанъ Ильичъ, слѣдуя за дворникомъ.

— Ицки Абрамовича Гешефтемахерова... Баринъ хорошій, чувствительный баринъ и до жильцовъ ласковый, преласковый—рѣдкій день не навѣститъ!.. А вотъ и фатерка-съ...

Дворникъ ввелъ Степана Ильича по узкой грязной лѣстницѣ во второй этажъ и отворилъ обитую рогожей дверь.

Шибануло въ носъ чеснокомъ, клопами и еще чѣмъ-то очень сильнымъ и ѣдкимъ.

— Вотъ и фатерка-съ... Трп комнаты, передняя и кухня... Теплоты, сухости, удобства — хошь отбавляй!.. Полковникъ жили и одобряли...

— Которыя-же комнаты и которая кухня? просилъ Степанъ Ильичъ, оглядывая грязныя комнаты.

— А вотъ это куфня, а это комнаты будутъ... Оно маненько позасижено, грязноватенько, но ежели теперича помытъ, да покурить смолкой—за первый сортъ!..

— Гмъ... А тепло у васъ?

— Жарко!.. полковникъ и не топили никогда; уѣдутъ это на недѣлю въ усадьбу, одну куфарку оставлятъ, а она запретъ,

да и въ Спасскія казармы и шарахнетъ, — супругъ у ней ифлейторомъ тамъ... фатера удобная!..

— Гмь... А тихо кругомъ, спокойно?

— У насъ? Могила!.. Публика все благородная: художникъ, настройщикъ, армянинъ, да двѣ каламбуристки...

— Кто?

— Каламбуристки, каламбуромъ по батисту вышиваютъ...

— Тамбуромъ, можетъ быть? переспросилъ Степанъ Ильичъ.

— Да, каламбуромъ или таланбуромъ, не припомню, иначе, дѣвицы пзъ себя красивыя и на счетъ знакомства вожеватыя, — писарей къ нимъ очинно много ходитъ...

— Много?

— Ужаси!.. Рѣдкій вечеръ десяти человѣкъ не бываетъ.

— Шумятъ, можетъ быть?

— Ня-ни!.. Оно точно что въ именины или въ праздникъ какой погалдятъ, пѣсенъ попоютъ, а то ничего, смирно.

— Ну, а цѣна какая этой квартиры?

— Цѣна очинно сходная—двадцать пять рублей, сударь...

Степанъ Ильичъ нашелъ, что это немного дорого, но, подумавъ о томъ, какъ трудно въ Москвѣ найти квартиру, и принявъ во вниманіе, что на балканѣ царятъ тишина и спокойствіе, какъ ему нужныя—рѣшился квартиру взять и даль задатокъ, обѣщаясь завтра-же переѣхать.

Переѣхалъ Степанъ Ильичъ на новую квартиру, омылъ ее, новыми обоями оклеилъ, двери клеенкой обилъ. рамы законопатилъ—и зажилъ.

Два дня усердно работалъ на новосельѣ Степанъ Ильичъ, наслаждаясь мертвой тишиной занесеннаго снѣгомъ переулка и благословляя день и часъ, въ который ему попалась эта милая квартира.

Утромъ на третій день онъ проснулся очень довольный и весело всталъ съ кровати.

— Баринъ, вы встаете никакъ? окликнула его изъ сосѣдней комнаты кухарка.

— Да, встаю, а что?

— Полежите еще, потому самоваръ не готовъ...

— Ахъ, Марья, какъ я не люблю этого! досадливо проговорилъ Степанъ Ильичъ. Ты знаешь, что я привыкъ пить чай сію-же минуту послѣ вставанья.

— Знаю, да воды-то нѣтъ, баринъ...

— Какъ воды нѣтъ? А водовозъ развѣ не привозилъ?

— Нѣтути. Тутъ, баринъ, ужъ такое мѣсто безводное, по пяти день безъ воды сидятъ, а водовозы што хотятъ, то и дѣлаютъ, потому бассейнъ далеко, а воду возить одинъ подрядчикъ.

Эхъ!.. Ну, иди у хозяевъ попроси...

— Ходила. Ежели, говорить, ты еще единый разъ приедешь къ намъ за водой, такъ я тебѣ, говорить, по шеѣ провожу... Лютый народъ тутотки, а на счетъ воды такъ и во все азіаты!

— Такъ что-же намъ дѣлать? загорячился Степанъ Ильичъ. Умирать, что-ли, безъ воды-то?.. Ну, у сосѣдей попроси...

Кухарка засмѣялась.

— Сусѣди ужъ здѣсь!.. Одинъ цѣлый день собакъ учить, да съ женой дерется, другой на трейлѣ брянчить съ утра до ночи, а то барышни какія-то живутъ, не то губернантики, не то ахтерки: пляшутъ, да по десяти разовъ одежду мѣняютъ...

— Однако, какая тишина у насъ была два дня, замѣтилъ Степанъ Ильичъ.

— А это онѣ всѣ послѣ праздниковъ отсыпались, а вотъ сегодня ужъ опять музыка началась...

— Эхъ, чертъ возьми! сердито проговорилъ Степанъ Ильичъ и, надѣвши халатъ, вышелъ въ кабинетъ съ намѣреніемъ заняться въ ожиданіи водовоза.

— Марья. закричалъ онъ, ежась отъ охватившаго его холода. Отчего-же ты не истопила здѣсь? Смотри, какая тутъ поморозня, дура ты этакая!..

— Топила, баринъ, да выстыло; нопѣ на дворѣ-то дужо холодно, а тутъ вѣдь стѣны-то въ одинъ кирпичъ...

— Какъ въ одинъ кирпичъ? съ ужасомъ спросилъ Степанъ Ильичъ и подошелъ къ стѣнѣ.

Промерзли за ночь обои, и дуло отъ тонкой стѣны, задѣланной тесомъ, какъ съ улицы.

— Господи, да это вѣдь баракъ какой-то! воскликнулъ Степанъ Ильичъ. — Какъ-же это я не замѣтилъ-то этого?.. Въ угольной комнатѣ придется мнѣ кабинетъ сдѣлать...

— Не подойдетъ, баринъ...

— Почему?

— Настройщикъ рядомъ-то живетъ и все играетъ!.. Я нонѣ легла тамъ, такъ всю ноченьку глазъ не сомкнула!.. Въ лавкѣ утромъ мнѣ говорили, что тутъ, почитай, всѣ дома на пожарный предметъ сдѣланы...

— На какой, на пожарный предметъ?

— А вотъ выстроить, да и зажгутъ, а имъ за это, слышь ты, какую-то страховую награду выдадутъ...

— А вѣдь, пожалуй, и правда, подумалъ Степанъ Ильичъ, кутаясь въ халатъ и ежась отъ холода. — Вчера я хотѣлъ имущество застраховать—не приняли, говорятъ, что на Балканѣ народъ ужъ очень предприимчивъ, а оно вонъ что выходитъ!..

Мысли Степана Ильича были прерваны какими-то дикими звуками; въ этихъ звукахъ слышался лай собакъ, женскій плачь, грохотъ падающей мебели...

— Что это такое? спросилъ онъ, выбѣгая въ кухню.

— Собачій учитель съ женой спорить... Слышь, какъ вопить она, а онъ ее плетью учить...

— Господи!.. А грохотъ-то этотъ отъ чего?

— А это у нижнихъ барышенъ съ писарями споръ вышелъ...

— Хозяина, хозяина позвать ко мнѣ! заметался Степанъ Ильичъ.—Это, чертъ знаетъ, что такое!.. Нѣтъ воды, въ одной комнатѣ замерзнуть можно, въ другой отъ какого-то собачьяго учителя стѣны дрожать, а внизу барышни спорять такъ, что въ ушахъ звенить!.. Хозяина позвать ко мнѣ сію минуту!..

— Ждѣсь я, чиво вамъ нужно? спросилъ, появляясь хозяинъ, наполняя воздухъ запахомъ чеснока. — И што ви шебѣ

кричите? Што ви шебѣ думаете?... У меня одинъ палковникъ жилъ, канцеляршскій гишцодинъ жилъ, а ви шебѣ кричите!..

— Какъ-же мнѣ не кричать, когда у васъ со всѣхъ сторонъ кричать и кромѣ того въ комнатахъ два градуса тепла!.. Хотѣлъ согрѣться чаемъ — нѣтъ воды!.. Это, вѣдь, чертъ знаетъ, что такое, помилуйте...

— Ви шебѣ живете на Балканѣ, а думаете што ви въ Европѣ!.. Псѣ, какой ви гишпадинъ!.. Ждѣсь случаются случаи, што сжариваются постояльцы, и то ни чего не говорятъ, а ви протештуете!.. Тутъ, на этово Балканѣ десять человѣкъ, отъ рыбы умерли, безъ води погибають до шмерти, жгарають на пожарѣ, а ви горячитесь!.. Ви шебѣ очень швабаднѣй человѣкъ и можете ѣхать, а кричать я не позволю, потому я почетнаго гражданства имѣю и гильдію плачу!.. Што ви шебѣ думаете?

Хозяинъ посмотрѣлъ на ошеломленнаго Степана Ильича и вышелъ изъ квартиры, хлопнувъ дверью.

Постояль Степанъ Ильичъ, подумалъ и, глубоко вздохнувъ, сталъ одѣваться.

— Да, онъ правъ, я могу перемѣнить квартиру, а кричать не имѣю права, сказалъ онъ. Можетъ быть, на Балканѣ и дѣйствительно близко къ природѣ, но обитатели его и ихъ жилища... Обитатели очень ужъ предприимчивы, а жилища, пожалуй, и правда, что специально для полученія «страховыхъ наградъ» построены!..

И Степанъ Ильичъ отправился искать квартиру въ мѣстности, не столь близкой къ природѣ...

ОГЛАВЛЕНІЕ

	<i>Стр.</i>
1. Страшная ночь новобрачнаго	1
2. На что пригодны тещи	7
3. Тайна на днѣ Москвы-рѣки	12
4. Мученики литературы	20
5. Васильевъ вечеръ	29
6. Юбилей городского головы	36
7. Газету издають!...	41
8. Въ Москву на выставку	46
9. Открытіе клуба въ провинціи	50
10. Крестины	55
11. Наградныя получили	60
12. Пирушка въ складчину	65
13. Именины у чиновника	70
14. Травля волковъ на Ходынкѣ	85
15. У Сухаревского бассейна	89
16. Благовѣщеньевъ день въ Москвѣ	92
17. Пересовременилъ	96
18. Грума обучилъ	100
19. Гулянье въ зоологическомъ саду	106
20. Танги попался	111
21. Казначей проналъ	112
22. Фальшивый двугривенный	117
23. Триста тысячъ нашель	120
24. Въ аптеку	125
25. На дешевку	129
26. Пустынное дѣло	137
27. Записки бархатной ротонды	157
28. Наглядное обученіе	163
29. Наши домовладѣльцы, картина на Балканѣ	167

3

Цѣна 1 р. с.